

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

*Материалы I съезда историков Республики Коми
(31 марта – 4 апреля 2015 г.)*

Часть 3

Сыктывкар, 2018

УДК 94:008:001:37(470.1/.2)+571-17)(063)

ББК 63:700(21)

И90 Истор

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч. 3. 156 с.

В сборник включены материалы I съезда историков Республики Коми, состоявшегося в Сыктывкаре 31 марта – 4 апреля 2015 г. по инициативе Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и приуроченного к Году патриотизма в Республике Коми и 45-летию ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

ISBN 978-5-906394-45-3

УДК 94:008:001:37(470.1/.2)+571-17)(063)

ББК 63:700(21)

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), В.В. Жиделева, Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, П.П. Котов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, Л.А. Максимова, М.А. Мацук, А.Г. Мусанов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Научный редактор

директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
д.и.н. И.Л. Жеребцов

Составители

директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
д.и.н. И.Л. Жеребцов
заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований
Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
к.и.н. Н.М. Игнатова

Рецензенты

директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН д.и.н. А.Е. Загребин
директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН д.и.н. Е.Ф. Кринко

Печатается по решению оргкомитета I съезда историков Республики Коми и Коми регионального отделения Российского исторического общества.

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)», «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

ISBN 978-5-906394-45-3

© Авторский коллектив, 2018

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2018

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРА: СИНТЕЗ ИСТОЧНИКОВ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, ЛИНГВИСТИКИ, АНТРОПОЛОГИИ, ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕАНАНЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ д. БОЛГАРЫ

*А.В. Васильева, С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков**

Группа позднеананьинских памятников около д. Болгары включает четыре селища (Болгары IV, V, IX, X) и могильник Протасы. Болгарские IV и V селища расположены на р. Сарабаиха, открыты А.Е. Старковым в 1991 г. Болгарские IX и X селища и могильник Протасы расположены на близлежащих мысах коренной террасы р. Симеиха, правого притока р. Сарабаиха, левого притока р. Нижняя Мулянка в Пермском районе Пермского края. Болгарские IX и X селища открыты А.Е. Старковым в 1991 г. В 1993 г. С.Н. Коренюком был обнаружен и исследован могильник Протасы, относящийся к переходному периоду от ананьинской к гляденской культуре и предварительно датирующийся III–II вв. до н.э. [2].

В 2008 г. масштабные охранные работы были проведены на Болгарском IX селище под руководством А.В. Васильевой. Площадка памятника находится на высоком (до 22 м), вытянутом с юго-востока на северо-запад, мысу и представляет собой задернованное поле, поросшее многолетней травой. С северо-востока и юго-запада памятник ограничен глубокими логами, поросшими травой и кустарником, с северо-запада – полем, с юго-востока – руслом р. Симеиха. В 2008 г. была собрана весьма солидная коллекция вещевого материала – бронзовые и железные предметы различного назначения, костяные предметы, а также керамический материал. В ходе обработки керамического материала удалось выделить 148 сосудов, которые можно разделить на две группы по их назначению.

Небольшие керамические чашки (рис. 2 – 2, 4, 6, 8) диаметром от 1,5 до 6 см. Таких сосудов удалось выделить 10 экземпляров. Все сосуды данной группы (кроме одного, который орнаментирован мелкими вдавлениями в три ряда по венчику) неорнаментированы.

По составу глиняного теста они разделяются на две категории: с примесью мелко толченой раковины (2 экз.) и без примесей (8 экз.). Сосуды без примесей в глиняном тесте имеют более толстые стенки (до 0,7 см) и были вылеплены из одного куска глины. Сосуды с примесью раковины по составу теста схожи с остальными сосудами данного памятника и изготовлены по той же технологии, толщина стенок 0,3–0,4 см. Данные сосуды относятся к сакральным предметам и происходят в основном из комплекса культовых объектов, который выявлен на краю мысовой части памятника [1].

Бытовая керамика – 138 шт., из которых 71 (51,12%) орнаментированы. Данные сосуды по форме можно разделить на три типа (у 15 (10,8%) сосудов тип в связи с сильной фрагментированностью определить не удалось). На 30 сосудах (21,73%) на шейке присутствует лепной «воротничок».

К первому типу принадлежат сосуды с выраженной прямой или отогнутой наружу шейкой (рис. 1 – 3, 4, 14, 15). Всего было выделено 41 (29,52%) таких сосуда, из которых неорнаментированные – 9 шт. (6,48%), включая 2 шт. (1,44%) с воротничком, орнаментированные – 32 (23,04%), из них 20 (14,4%) с воротничком, причем один имеет двойной воротничок.

Второй тип представлен сосудами со слабовыраженной шейкой, расширяющимся от венчика туловом, иногда слегка отогнутыми наружу венчиками (рис. 1 – 2, 6, 8, 12). Всего удалось выделить 57 (41,04%) таких сосудов, 32 (23,04%) из них неорнаментированные, 25 (18%) – с различными типами орнаментов (на одном сосуде фиксируется слабовыраженный воротничок).

Третий тип – чашевидные сосуды (рис. 1 – 7, 13; 2 – 1, 3), представлены 25 (15,12%) экземплярами диаметром от 10 до 28 см, орнаментированы из них четыре (2,88%).

* **Васильева Анастасия Владимировна** (Пермь) – инженер НИЧ ПГНИУ; **Коренюк Сергей Николаевич** (Пермь) – заместитель начальника Камской археологической экспедиции ПГНИУ; **Перескоков Михаил Львович** (Пермь) – кандидат исторических наук, инженер НИЧ ПГНИУ, Pereskoff@yandex.ru.

Необходимо отметить, что все выделенные бытовые сосуды круглодонные, основная примесь в тесте – мелкотолченая раковина. Что касается непосредственно орнаментации, то основная масса сосудов (57 шт., или 41,04%) орнаментирована непосредственно по шейке сосуда (30 (21,6%) сосудов первого типа, из них 19 (13,68%) с воротничком; 17 (12,24%) сосудов второго типа (включая 1 (0,72%) с воротничком), один (0,72%) сосуд третьего типа, а также девять (6,48%) сосудов, тип которых установить не удалось), восемь штук (5,76%) орнаментирована как по шейке, так и по венчику (из них два (1,44%) сосуда третьего типа, пять (3,6%) сосудов – второго и один (0,72%) сосуд первого типа с воротничком), оставшиеся пять (3,6%) сосудов имеют орнамент только по венчику (три (2,16%) сосуда второго типа, один (0,72%) сосуд третьего типа и один (0,72%) сосуд, тип которого не установлен).

Среди орнаментированных сосудов наиболее часто встречаются следующие элементы:

– *Ямочный орнамент* (рис. 1 – 3, 14). Данный элемент орнаментации встречается у 22 (15,84%) сосудов (16 (11,52%) сосудов принадлежат к первому типу, из них 11 (7,92%) имеют воротничок; четыре (2,88%) сосуда – второго типа (из которых один (0,72%) с воротничком), один сосуд (0,72%) принадлежит к третьему типу, а также два сосуда (1,44%), тип которых не определен). Также выделены сосуды, где ямочный орнамент встречается в комплексе с каким-либо еще. Так, один сосуд (0,72%) орнаментирован ямочным орнаментом в комплексе зубчатым штампом. Данный сосуд относится ко второму типу, без воротничка. Также выделен один сосуд (0,72%), орнаментированный ямочным орнаментом в комплексе со шнуровым. Оба эти сосуда относятся к первому типу. Один сосуд с воротничком, второй – без. Еще один сосуд второго типа, выделенный в ходе обработки материала, орнаментирован ямочным орнаментом по венчику и шейке. По шейке ямочный орнамент сочетается в комплексе с резным.

– *Зубчатый (гребенчатый) штамп*. Всего выделено семь (5,04%) сосудов, орнаментированных исключительно зубчатым штампом (рис. 1 – 1, 5, 10). Большинство подобным образом орнаментированных фрагментов – это сосуды первого типа (всего их четыре (2,88%), из которых один (0,72%) фрагмент без воротничка). Остальные фрагменты – сосуды, тип которых определить не удалось. Также встречаются сосуды, где зубчатый штамп фигурирует в комплексе с другими элементами орнаментации. Так, один (0,72%) сосуд, упомянутый выше, имеет орнаментацию в виде ямок и зубчатого штампа, а у одного сосуда (0,72%) первого типа с воротничком зубчатый штамп фиксируется в комплексе со шнуром (рис. 1 – 4).

– *Шнуровой орнамент* также встречается достаточно часто (рис. 1 – 8, 9). Данный тип орнаментаций «в чистом виде» встречается у 7 (5,04%) выделенных сосудов, 5 сосудов (3,6%) из которых относятся к первому типу, один (0,72%) из них имеет двойной воротничок. У двух оставшихся сосудов (1,44%) тип определить не удалось. Также у одного сосуда (0,72%) шнуровой орнамент встречается в комплексе с точечными вдавлениями (сосуд второго типа без воротничка), еще у одного сосуда (0,72%) также фиксируются вдавления только подтреугольной формы (рис. 2 – 1). Сосуды с комплексной орнаментацией в виде шнура и зубчатого штампа, а также шнура и ямочного орнамента описаны выше.

– *Вдавления* (рис. 1 – 5) различной формы как тип орнаментации встречаются у семи (5,04%) выделенных сосудов. Четыре (2,88%) выделенных сосуда, относящиеся ко второму типу, имеют каплевидные вдавления, расположенные в 1-2 ряда. Также два сосуда (один первого типа с воротничком, второй – второго типа) имеют ромбовидные вдавления. Один выделенный сосуд с неустановленным типом имеет округлые вдавления, также один сосуд второго типа, описанный выше, орнаментирован точечными вдавлениями в комплексе со шнуровым орнаментом.

– Орнамент в виде *насечек* (рис. 1 – 6) представлен у 11 (7,92%) выделенных сосудов. Все сосуды относятся ко второму типу, за исключением одного (0,72%), тип которого определить не удалось. У этого сосуда орнамент в виде насечек зафиксирован только по венчику; пять сосудов (3,6%) имеют данный орнамент как по шейке сосуда, так и по венчику; три (2,16%) – исключительно по шейке, причем один сосуд (0,72%) имеет комплексную орнаментацию, состоящую из насечек по шейке, а также прочерченной линии.

Помимо часто встречающихся элементов орнаментации, зафиксировано небольшое количество сосудов, орнаментированных элементами, фиксирующихся в единичных случаях.

– Два выделенных сосуда (1,44%) имеют *ногтевидный* орнамент (рис. 1 – 11) по шейке. Один сосуд (0,72%) относится ко второму типу, тип второго (0,72%) определить не удалось.

– *Резной орнамент* в данном комплексе зафиксирован всего дважды (1,44%) – один (0,72%) сосуд третьего типа имеет резной орнамент по венчику, один (0,72) сосуд второго типа – резной орнамент (в виде зигзагообразных линий) по шейке сосуда в комплексе с ямочным (рис. 1 – 2).

– *Сложная орнаментация*, состоящая из отдельных элементов, входящих в единый комплекс (вдавления, насечки, ямки и шнуровой орнамент) встречается у трех (2,16%) выделенных сосудов. У одного сосуда (0,72%) шнуровой орнамент фиксируется в виде практически замкнутой подковки (рис. 1 – 12). Подобный элемент неоднократно встречается при раскопках памятников археологии данного периода. Подобная орна-

ментация в материалах могильника Протасы. У одного сосуда помимо орнаментации по шейке имеется орнаментация в виде зубчатого штампа по краю венчика. Этот сосуд относится к третьему типу.

– Орнамент в виде *защипов* по венчику зафиксированы только у одного (0,72%) сосуда второго типа.

Все из перечисленных орнаментов встречены в различных сочетаниях на керамике из погребальных комплексов могильника Протасы [2, рис. 4– 6].

Таким образом, рассматриваемая керамика селища Болгары IX является единым комплексом с материалами могильника Протасы, расположенным на соседнем мысу, который относится к III–II вв. до н.э. и иллюстрирует переход от ананьинской к гляденовской культуре в Прикамье.

Источники и литература

1. Васильева А.В. Находки культовых глиняных фигурок на позднеананьинском селище Болгары IX // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Пермь, 2009. С. 16–21. (Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. VI).
2. Коренюк С.Н. Могильник «Протасы» // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации. Пермь, 2012. С. 143–155. (Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. VIII).

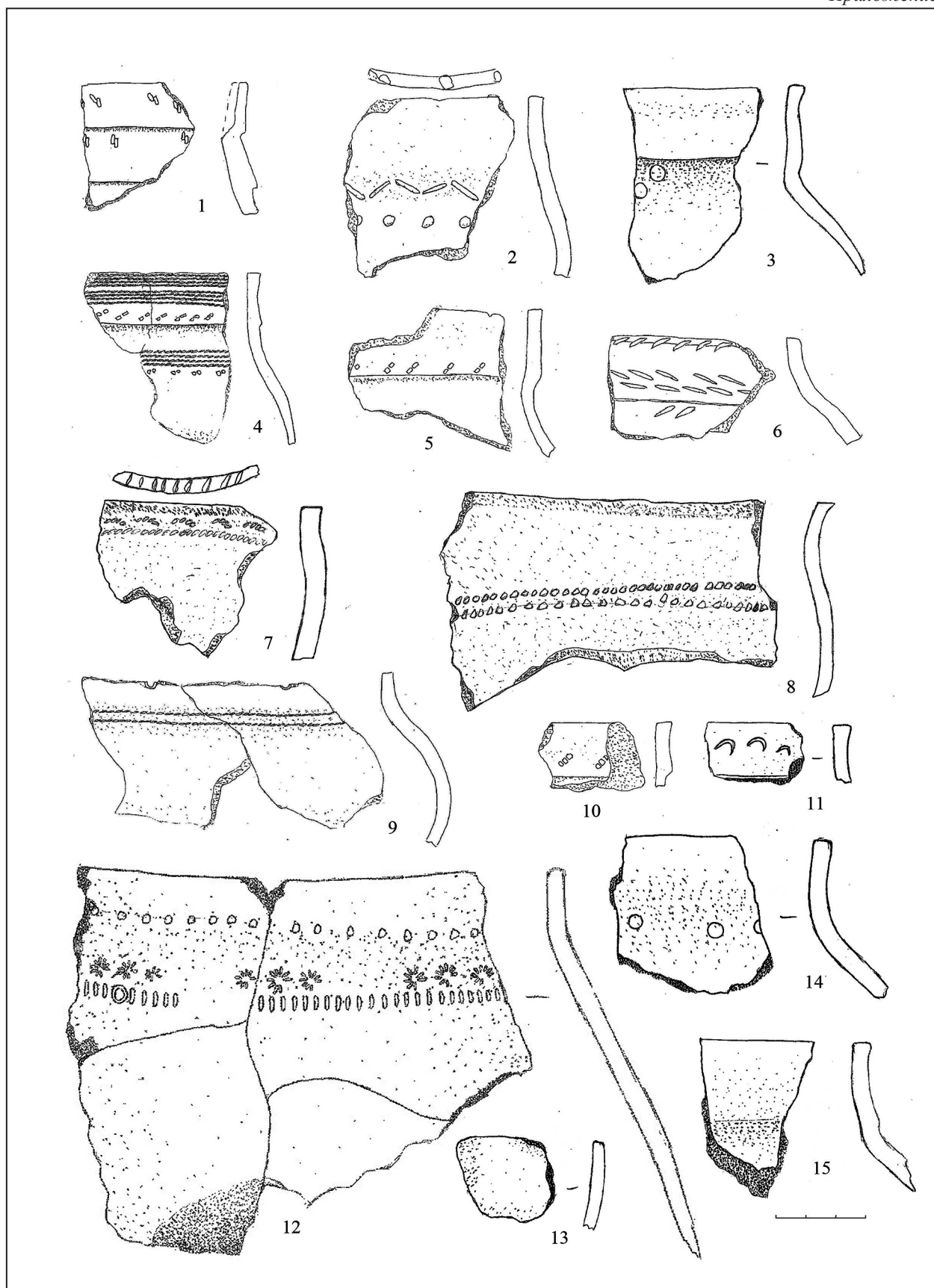


Рис. 1. Селище Болгары IX. 1-15. Керамика

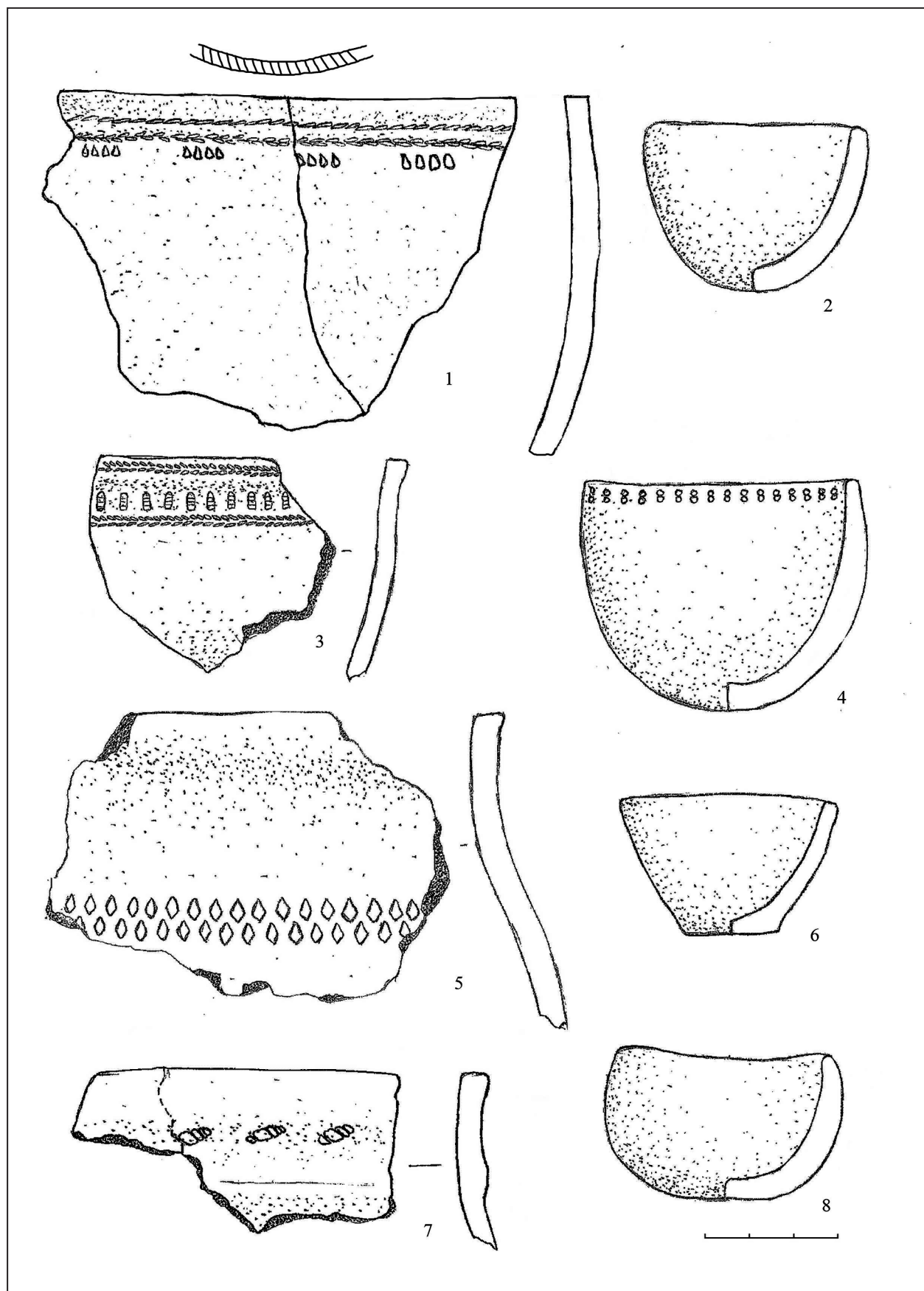


Рис. 2. Селище Болгары IX. 1-8. Керамика

КЕРАМИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАЛА-УРЫН (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 ГОДА)

*К.В. Доткин, М.Л. Перескоков**

Археологический комплекс Кала-Урын включает могильник, городище и два селища. Памятники открыты и обследованы в разное время. Городище Кала-Урын I было открыто в 1950-е гг. сотрудниками КАЭ ПГУ. В 1983–1985 гг. В.А. Борзуновым были предприняты раскопки городища в юго-восточной части памятника, во время которых был обследован участок с оборонительными сооружениями – тремя валами и тремя рвами, а также открыто находящееся за валами селище Кала-Урын I. Могильник Кала-Урын был открыт Г.Т. Ленц в 1983 г., в дальнейшем обследовался Н.В. Соболевой в 1985 г. В 1991 г. в ходе разведки А.Е. Старкова были обследованы все три памятника и открыто селище Кала-Урын II. В ходе исследований городище Кала-Урын I и селище Кала-Урын I были датированы IV в. до н.э. – V в. н.э. Предварительная датировка могильника установлена в рамках раннего средневековья V–VI вв. н.э., второго селища – I–V вв. н.э.

Городище Кала-Урын I, селища Кала-Урын I и Кала-Урын II расположены на правом берегу р. Н. Мулянка, в 2,4–2,6 км к юго-юго-востоку от д. Баш-Култаево Пермского района. Селища вплотную примыкают к городищу – первое с юго-восточной, второе – с северной стороны. Могильник Кала-Урын I расположен на левом берегу р. Н. Мулянка в 2,2 км к юго-юго-востоку от д. Баш-Култаево Пермского района и отделен от группы вышеуказанных памятников поймой и течением р. Н. Мулянка.

В 2013 г. на памятниках археологического комплекса Кала-Урын (городище и обоих селищах) было заложено по одному разведочному раскопу 16 кв. м каждый. На первом селище было найдено 46 фрагментов керамики (среди которых один венчик без орнамента округлой формы), на втором – семь фрагментов без венчиков. Качество керамики (состав теста, наличие «расчесов» на поверхности) позволяет отнести ее к гляденовской культуре. Наиболее богатый материал был собран при раскопках городища – 475 предметов, из которых 472 фрагмента керамики, один каменный пест-терочник, один кусок каменной зернотерки, а также каменный оселок продолговатой, прямоугольной в сечении формы с дыркой на суженном конце.

При разборе керамического материала, собранного на городище, по венчикам было выделено 48 сосудов. По форме выделяются три типа сосудов. I тип представлен круглодонными сосудами с четко выраженной прямой или отогнутой наружу шейкой и выпуклым туловом – 12 экземпляров (25%). Ко II типу принадлежат сосуды со слабо выраженной, слегка отогнутой наружу шейкой и выпуклым туловом – 34 экземпляра (70,83%). III тип – чашевидные сосуды без шейки – два экземпляра (4,17%), в том числе одна небольшая (диаметр – 5 см) жертвенная чашечка.

Выделяются два хронологических комплекса керамики: сосуды относящиеся к финальному этапу ананьинской культуры (10 экз.) и сосуды, относящиеся к гляденовской культуре (38 экз.).

Ананьинская посуда характеризуется следующим образом: все сосуды относятся к I типу, выполнены аккуратно, имеют уплощенный венчик, внутренняя и внешняя поверхность хорошо заглажены. Семь из 10 сосудов имеют «воротничок», либо характерную выпуклость на внешней стороне шейки, которая является деградировавшим воротничком, что говорит о переходном времени к гляденовской культуре. Орнаментация прослежена только по шейке (пять сосудов). На трех сосудах имеется вариация шнурового орнамента в виде пояса из последовательных подковообразных вдавлений (все три сосуда воротничковые, на одном из сосудов поясов из подковок два – сверху и снизу воротничка) (рис. 1, 1–3). На двух сосудах прослежен орнамент в виде шестизубого гребенчатого штампа с наклоном вправо (рис. 1, 4–5). Ананьинские сосуды с гребенчатым штампом воротничка не имеют.

В целом эти соотношения имеют сходство с известными материалами близлежащих памятников: высокий процент сосудов I типа, воротничковых сосудов, шнурового и гребенчатого орнамента [1, с. 198–199; 2, с. 154], что несколько отличает керамику от более южных территорий. Так, на Гремячанском святилище орнаментация из ямок и вдавлений доминирует, а шнуровой орнамент имеет более низкий процент [6].

Сосуды, относящиеся к гляденовской культуре, также имеют ряд признаков. Подавляющее большинство (34 сосуда) принадлежит II типу, два – I типу, два – III типу (один из них – жертвенная чашка – рис. 2, 2). Все сосуды выполнены в менее аккуратной (по сравнению с ананьинскими сосудами) технике – в большинстве случаев керамика имеет «расчесы» – следы заглаживания травой (30 сосудов). Всего выделено 18 орнаментированных сосудов (47,37% от общего числа гляденовских сосудов). Среди них орнаменты сосредоточены либо по венчику (13 экз.), либо в сочетании орнамента по венчику и по шейке (5 экз.). Орнамент на гляденовских

* Доткин Константин Владимирович (Пермь) – инженер НИЧ ПГНИУ, dotkonstantin@yandex.ru; Перескоков Михаил Львович (Пермь) – кандидат исторических наук, инженер НИЧ ПГНИУ, Pereskoff@yandex.ru.

сосудах более разнообразен. Преобладает орнамент, выполненный гребенчатым штампом (11 экз., 28,95% от общего числа гляденовских сосудов). Среди видов гребенчатого штампа встречаются двузубый, трехзубый, многозубый (4-6), гусеничный (рис. 2, 1, 5-6, 9-10, 13). Орнаменты, выполненные гребенчатым штампом, отличаются разными способами нанесения – с различными наклонами вправо и влево, «елочкой», «зигзагом», в один и два пояса, в сочетании с другими элементами орнамента. Вторым наиболее встречаемым видом орнамента является насечка (или гладкий штамп) – пять сосудов (13,16%). Данный вид орнамента присутствует только на венчиках сосудов. Все виды насечки отличны друг от друга. Встречается насечка, выполненная широким орнаментиром с наклоном влево (1 экз.), острым предметом с наклоном вправо (1 экз.), без наклона (1 экз.), с наклоном вправо в сочетании со шнуровым орнаментом (1 экз.) и с внутренней стороны венчика, выполненный, по всей видимости, зубом мелкого животного (рис. 2, 3-4, 8, 12). На двух сосудах (5,26%) прослежен сложный орнамент, сочетающий в себе шнуровые прямые и волнистые линии (рис. 2, 3, 7). На одном сосуде шнуровой орнамент сочетался с насечками на венчике, на втором – с ямочным орнаментом (группами по три ямки в виде своеобразной «лапки»). К остальным видам орнамента относятся вышеупомянутый ямочный орнамент и орнамент, выполненный по венчику слабовыраженными защипами (рис. 2, 11).

Представленный комплекс относится к позднегляденовскому времени и находит прямые аналогии на близлежащих памятниках Мулянской племенной территории позднего этапа гляденовской культуры (Мокинский могильник, селище Косогоры I, поселение Заюрчим VI) [3; 4; 5].

Полученные в ходе работ 2013 г. керамические комплексы позволяют прояснить этапы функционирования памятников. Городище Кала-Урын появилось на позднем этапе ананьинской культуры, и, возможно, было основано населением городища Алтен-Тау. Функционировало ли оно на раннем этапе гляденовской культуры – не ясно. В позднегляденовское время (III–V вв. н.э.) городище вновь заселено. Сооружается фортификационная система из трех валов и рвов, заселяются прилегающие территории (селища I и II), функционирует курганный могильник. Группа памятников перестает функционировать не позднее VI в. н.э., как и вся Мулянская племенная территория. Причина запустения широкой поймы р. Кама в этот период до сих пор окончательно не выяснена.

Источники и литература

1. Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) // Российская археология. 1997. № 2. С. 197–210.
2. Кореньюк С.Н. Могильник «Протасы» // Труды КАЭЭ. Пермь. 2012. № 8. С. 143–155.
3. Соколова Н.Е. Керамика Мокинского поселения и могильника // Областная отчетная студенческая научная конференция. Секция исторических наук. Пермь. 1989. С. 19–20.
4. Васильева А.В., Перескоков М.Л. Керамический комплекс поселения Косогоры I: предварительное сообщение // Труды КАЭЭ. 2008. № 5. С. 130–133.
5. Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. Позднегляденовский комплекс Заюрчимского VI поселения // Регионы России: Экономика, культура, история. (Материалы Международной научно-практической конференции). Березники, 2009. С. 419–426.
6. Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) (в печати).

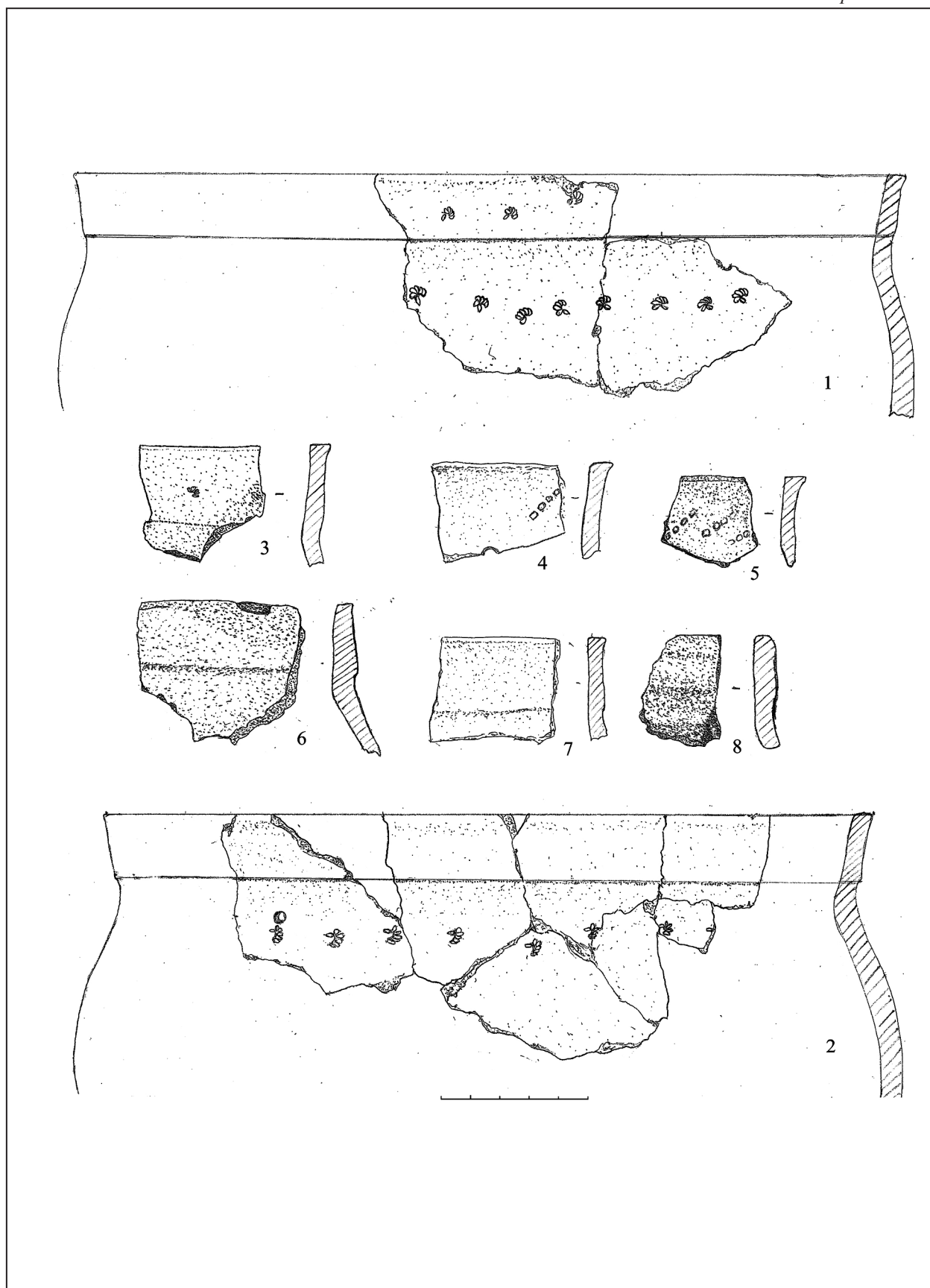


Рис. 1. Городище Кала-Урын. 1-8. Позднеананьинская керамика

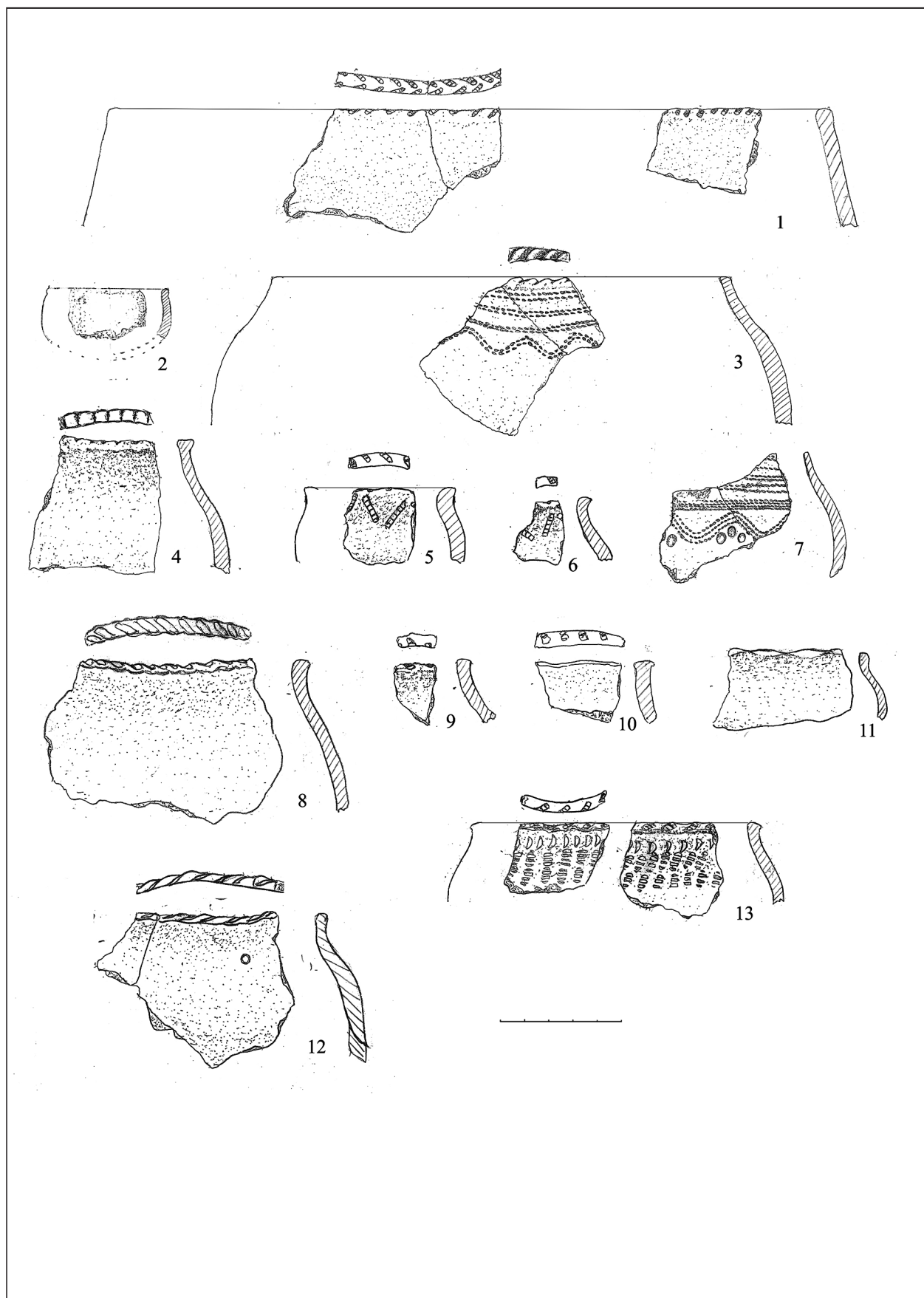


Рис. 2. Городище Кала-Урын. 1-13. Позднегладовская керамика

БУСЫ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ ИРЬЯК

*С.Н. Кореньюк, М.Л. Перескоков, М.К. Юкова**

Могильник Верхний Ирьяк, находящийся в Осинском районе Пермского края, был открыт в 2000 г. В 2001–2002 гг. на нем были проведены исследования отрядом КАЭ под руководством С.Н. Кореньюка. Памятник предварительно датирован II–IV вв. н.э. [9; 16]. Из 53 исследованных погребений на могильнике в 10 (18,8%) были найдены бусы. Количество бус в погребениях варьируется от 1 до 34 шт. Всего в имеющейся коллекции 89 бус. Преобладают стеклянные бусы (84 экз. – 94,4%), в особенности бисер (69 экз. – 77,5%), также присутствуют одна халцедоновая (1,1%) и четыре янтарные бусины (4,5%). Все бусы одноцветные. Отмечается явное преимущество синего цвета.

Одноцветные стеклянные бусы

Тип 1. Округлые бусы из зеленого непрозрачного стекла (6 шт., пп. 18, 45; (рис. 1 – 1). Относятся к типу 9 по Е.М. Алексеевой и датируются II–I вв. до н.э. [2, таб. 33–1]. Близки типам IA16, IA65 по Е.В. Голдиной [6, с. 197, 198]. Среди памятников Прикамья подобные бусы встречены на могильнике Нырғында I [10], Тураево I [6].

Тип 2. Округлая бусина из непрозрачного синего стекла (1 шт., п. 40; (рис. 1 – 2). Аналогична типам IVA2, IVA71 по Е.В. Голдиной, известным по Тураевскому I могильнику [6, с. 199]. Подобные бусы встречаются в пьяноборских могильниках, где сочетаются с бусами I–II вв. н.э., доживают до IV в. н.э. [1, с. 33, 112, 121].

Тип 3. Маленькая белая тонкостенная короткоцилиндрическая бусина (1 шт., п. 8, рис. 1–3) по размерам близка к бисеру. Соответствует типу 56 по Е.М. Алексеевой и датируется II в. до н.э. – II в. н.э. [2, таб. 33–12].

Тип 4. Шарообразная ребристая бусина (плохой сохранности), предположительно зеленого цвета (1 шт., п. 18, рис. 1–4). Близка типам 149, 150 по Е.М. Алексеевой, характерным для первых веков н.э. [2, таб. 33–47, 49].

Тип 5. Бусина усеченно-биконической формы с ребром по окружности (очень плохой сохранности), предположительно зеленого цвета (1 шт., п. 18, рис. 1–5). Соответствует типу 100 по Е.М. Алексеевой [2, таб. 33–28] и типу IVA36 по Е.В. Голдиной [5, с. 31]. Т.И. Останина датирует данные бусы III–IV вв. н.э. [15, с. 267]. Аналогичные бусы встречаются на пьяноборских памятниках. Б.Б. Агеев датирует их I в. до н.э. – II в. н.э. [1, с. 33, 70–71, 121].

Тип 6. Стеклянный бисер синего и голубого цветов (69 шт. пп. 4, 5, 7, 8, (рис. 1 – 6а, 6б). Соответствует типам 68, 69 по Е.М. Алексеевой и датируется I–IV вв. н.э. [2, таб. 33–12, 15]. Также близок типам IA2, IA7, IA8, IA30 по Е.В. Голдиной [5, с. 26–27]. Аналогичный бисер встречается в Красноярском могильнике [8, с. 31], в могильниках Тураево I, где он часто входит в состав жертвенных комплексов [7], Нырғында I [10]. Подобный мелкий синий бисер найден в жертвенных комплексах на костях Слепушка и Гляденовском [12, с. 20; 14, с. 65]. Известен также по материалам мазунинских памятников, где датируется IV–V вв. н.э. [16]. В погребениях бисер располагался, как правило, скоплениями. В п. 7 скопление бисера в количестве 29 шт. находилось в заполнении жертвенного комплекса вместе со сломанным железным ножом и сюльгамай.

Позолоченные бусы

Тип 1. Крупная шарообразная бусина (1 шт., п. 16, (рис. 1 – 7)) относится к типу 1а по Е.М. Алексеевой. Подобные бусы широко распространены в Северном Причерноморье и наиболее характерны для эпохи эллинизма [2, таб. 26 – 2, 3]. Т.И. Останиной датируются не позднее III – начала IV в. [14, с. 110].

Тип 2. Округлая бусина с закраинками вокруг отверстий (плохой сохранности: кантарель откололась, и позолота почти не сохранилась, лишь небольшие фрагменты около отверстий (1 шт., п. 16, (рис. 1 – 8), относящаяся к типу 2б по Е.М. Алексеевой [2, таб. 26 – 14].

Тип 3. Бочковидная бусина с валиками по краям (сломанная, 1 шт., п. 8 (рис. 1 – 9). Тип 22 по Е.М. Алексеевой. Характерны для I – III вв. н.э. [2, таб. 26 – 24].

Тип 4. Бочковидная бусина без валиков (сломанная, 1 шт., п. 8 (рис. 1 – 10). Тип 2а по Е.М. Алексеевой. Относятся как к эллинистическому, так и римскому времени [2, таб. 26 – 9].

Тип 5. Двучастная бусина с округлыми частями и закраинами вокруг отверстия (1 шт., п. 8 (рис. 1–11). Соответствует типу 1б по Е.М. Алексеевой. Подобные бусы относятся к наиболее распространенным в Северном Причерноморье и отмечены только в погребениях первых веков н.э. [2, таб. 26 – 5]. Похожа на тип IB16 по Е.В. Голдиной [5, 29].

* **Кореньюк Сергей Николаевич** (Пермь) – заместитель начальника Камской археологической экспедиции ПГНИУ; **Перескоков Михаил Львович** (Пермь) – кандидат исторических наук, инженер НИЧ ПГНИУ, Pereskoff@yandex.ru; **Юкова М.К.** (Казань) – сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Все перечисленные типы встречаются на могильнике Ныргында I [10]. Кроме этого, типы 1, 4 встречаются на Красноярском могильнике [8, с. 31].

Бусины с позолотой – традиционная находка для костяных гляденовской культуры. В процентном отношении золоченные бусы составляют от 55% (Слепушка) до 92,6% (Гаревское) общего количества [11, с. 73; 13, с. 20].

Каменные бусы

Тип 1. Крупная округлая халцедоновая бусина (рис. 1 – 12) входила в состав жертвенного комплекса из п. 8, в котором кроме неё содержались: три янтарные бусины кубической формы, две стеклянные бочковидные бусины с позолотой, одна стеклянная двухчастная бусина с позолотой, синий и белый бисер в количестве 27 шт., нож и бронзовая цепочка.

Данные бусы соответствуют типам ХІЕЗ, ХІЕ4 по Е.В. Голдиной [6, с. 201]. Бусы из халцедона распространены на широкой территории, но именно в Прикамье отмечается их большое количество [подробная сводка см. 10]. В частности, халцедоновые бусы найдены на Кудашевском могильнике – 32 шт., Красноярском – семь [3, с. 95], Тураевском I – четыре [4, с. 94; 5, с. 468], Ныргында I – восемь [10], Мокинском – одна [14, с. 115], на костяках Слепушкинском, Гляденовском, Ильинском – по одной штуке [9, с. 79]. В Приуралье такие бусы обычно датируют III–IV вв. [14, с. 65].

Янтарные бусы

Тип 1. Бусы кубической формы (3 шт., п. 8, (рис. 1 – 13). Аналогий этим бусам пока не найдено.

Тип 2. Бочковидная бусина удлиненных пропорций со слабо заметными гранями (1 шт., п. 49, рис. 1 – 14).

Таким образом, рассмотренный комплекс представляется достаточно целостным. Большинство типов бус имеет аналогии в памятниках финала раннего железного века Прикамья, в частности, в материалах гляденовских костяков, что подтверждает предварительную датировку могильника (II–IV вв. н.э.). Наибольший интерес представляет сочетание бус в жертвенных комплексах, в особенности в погребении № 8, где крупная халцедоновая бусина встречается с бисером и несколькими другими типами бус и бронзовой цепочкой. Аналогичные наборы (крупная халцедоновая бусина + бисер + другой инвентарь (другие типы бус, бронзовая цепочка, пронизки и др.)) известны также в погребениях Красноярского могильника (№ 35, 39, 44, 59) и, вероятно, могут являться хроноиндикатором периода конца II–III вв. н.э. Нижняя хронологическая граница определяется появлением в Прикамье халцедоновых бус, что связано с «всадническими» комплексами. Аргументом в пользу верхней даты является отсутствие в погребальных комплексах трехсоставных пряжек, которые на территории гляденовской культуры появляются позднее, чем на пьяноборских памятниках.

Источники и литература

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М: Наука, 1978. 120 с.
3. Быкова Н.В., Казанцева О.А. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V вв. н.э. в бассейне р. Камы // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. Вып. 1(18). 2012. С. 93–104.
4. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в.н.э. (захоронения военнопленных) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55–108.
5. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск, 2010. 264 с.
6. Голдина Е.В. Характеристика и датировка бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 193–202.
7. Голдина Р.Д., Бернц В.И. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.
8. Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.
9. Кореньюк С.Н. Могильник раннего железного века Верхний Ирьяк // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений. Казань, 2004. С. 95–98.
10. Красноперов А.А. Бусы Ныргынды [Электронный ресурс] // URL: <https://www.academia.edu/3156851> (дата обращения: 26.01.2015).
11. Лепихин А.Н. Костяки гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь: ООО «Изд. Дом «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.
12. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костыще (из собрания Пермского областного краеведческого музея): каталог. Пермь, 1997. Вып. 3. 64 с.
13. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костыще (материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея): каталог. Пермь, 1999. Вып. 4. 64 с.
14. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Костыще Слепушка на р. Сылве – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры // Исследования по археологии и истории Урала. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1998. С. 48–69.

15. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
16. Перескоков М.Л. Классификация и сравнительный анализ украшений и принадлежностей костюма из погребений Верхне-Ирьянского могильника // История. Право. Образование: мат-лы II региональн. научн. конф. молодых историков. Ч. II. Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. С. 44–46.
17. Перескоков М.Л. Приуралье в финале раннего железного века (I пол.– сер. I тыс.н.э.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2013. Т. 1. 302 с.

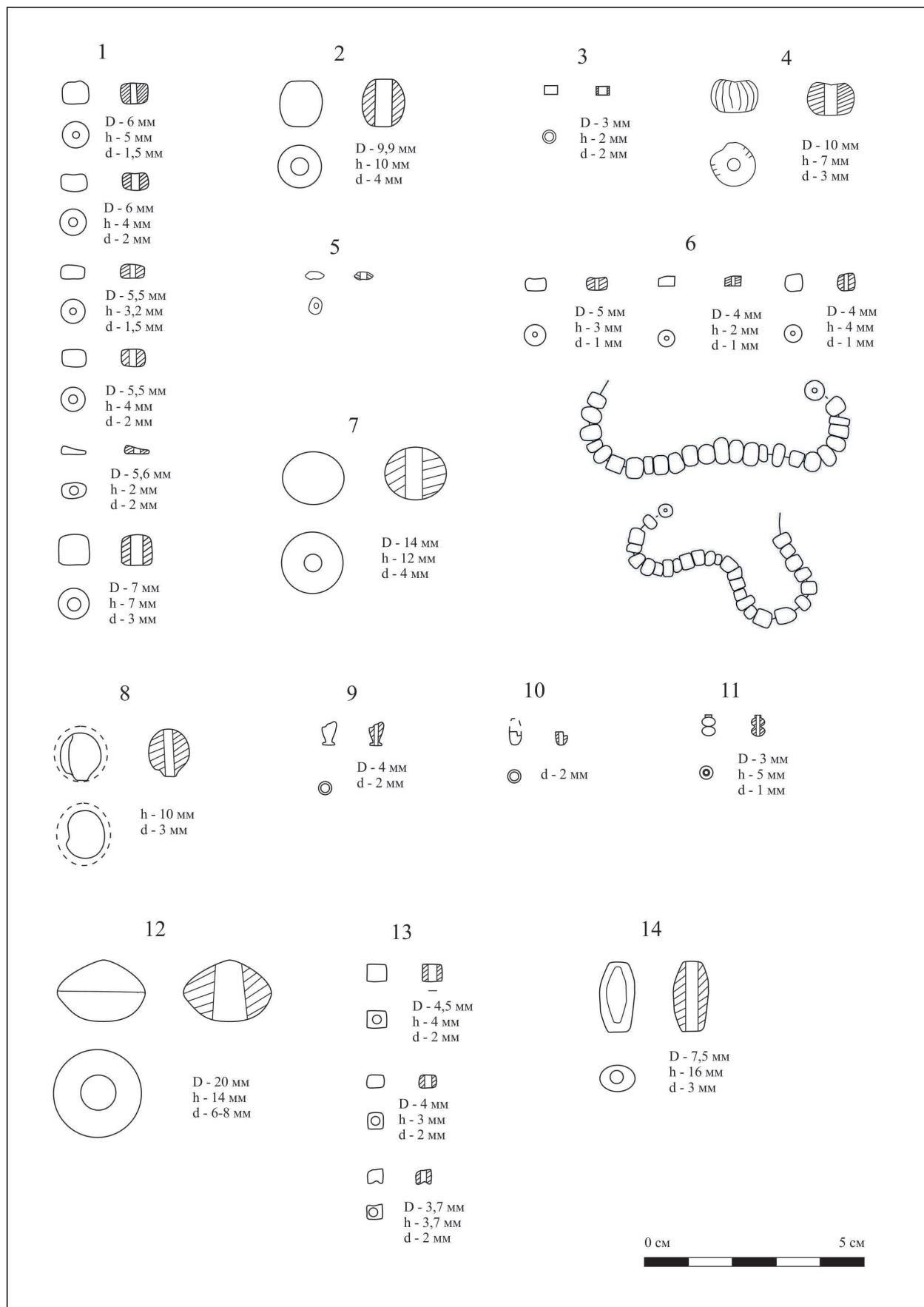


Рис. 1 Могильник Верхний Ирряк. Типы бус

ЭТИМОЛОГИИ РАЗЛИЧНЫХ НАЗВАНИЙ ГОРОДКА ПУСТОЗЕРСК

М.Д. Игнатов*

В научной и популярной литературе до сих пор бытует общепринятое мнение, основанное на поверхностной самоочевидности и некритическом восприятии народной этимологии, будто городок Пустозерск, основанный четыре столетия тому назад в низовьях реки Печоры на полуострове озера Пусто, получил свое название от наименования этого озера, обусловленного вроде бы отсутствием в нем промысловой рыбы. Такая этимология названий озера и городка утвердилась еще в середине прошлого века в связи с публикацией работы А. Шренка [1855, с. 537]. Однако имеются документальные свидетельства, опровергающие толкование А. Шренка. Например, в «Платежнице» в Пустозерских дозорных книгах Василия Третьякова за 1574 г. встречается запись: «А се угодья Пустозерские волости жильцов русаков и пермяков... Да их же угодья река Уса да Пустоозеро, что по дворы, а ловят в реке и озеро белую рыбу всюю ж волостью» [Архив ЛОИИ. Собр. рукописных книг, № 1174]. В середине прошлого века Пустоозеро, получившее уже параллельное название Городецкое, еще славилось обилием рыбы: «Полагают, что Пустозерск выстроен в стороне, и довольно далеко от Печоры, во-первых потому, что местность эта выше и, во-вторых, при озере, обильном рыбой... Городецкое озеро, которое в старину удобно соединялось с Печорой проливом, теперь почти не существующим, ...обильно рыбой, которую ловят неводами и вентелями» [Латкин I, 1853, с. 27].

Итак, озеро Пусто вовсе не было пустым, т.е. безрыбным, следовательно, толкование происхождения названия Пусто в значении «пустое» или же «безрыбное» ошибочно.

Возникает вопрос, а не является ли название Пусто аборигенным, т.е. нерусским по происхождению, например, коми-зырянским? Из научной литературы и архивных документов известно, что русских «первопроходцев» на далекий северо-восток и в Сибирь обычно сопровождали пермские «вожи» (проводники), т.е. коми охотники, хорошо знавшие торговые пути и охотничьи тропы за Урал, и многим примечательным географическим объектам с иноязычными названиями они давали параллельные названия на родном языке. В «Разрядных книгах» за 7007 и 7009 гг., где впервые упоминается городок Пустозерск (причем, в форме Усташ град), а также в Вымско-Вычегодской летописи указывается, что в походе русского войска 1499 г. на Югорскую землю принимали участие также ратники из Перьми Вычегодской, т.е. коми-зыряне [ИФС IV, с. 264; Миллер I, с. 204; Фишер I, с. 50]. Примечательно, что даже через 75 лет после основания городка в Пустозерске проживало 89 облагаемых налогами «пермяков», т.е. коми-зырян, при взрослом городском населении в 282 человека, т.е. более чем третью часть населения составляли коми, как об этом засвидетельствовано в «Платежнице» с Пустозерских дозорных книг Василия Третьякова, составленных в 1574 г. [Архив ИИ СПб. НЦ РАН. Собрание рукописных книг, документ № 1174]. В этой связи нам представляется вероятным, что название интересующего нас озера Пусто в действительности представляет собой фонетически трансформированное и семантически переосмысленное на почве русского языка коми-зырянское *Пуз-ты досл. «зыбучее озеро», или точнее «речная старица, (образовавшаяся среди) сыпучих наносных (песков)» (коми пуз- «зыбучий, сыпучий», ты «озеро; старица»). Предположение подтверждается географическими реалиями интересующего нас района и параллельными ненецкими названиями озер, именуемых по-русски Пустынными. Вот что пишет, например, А.И. Шренк: «Земля здесь (в низовьях Печоры и Большеземельной тундры) представляет большие болотистые низменности; несколько значительных озер (у русских они называются Пустынными, а у самоедов Лымбеттос, т.е. пустыя безрыбьи озера) и небольшая река того же имени (Пустынная, а у самоедов Лымбетъяга) остались у нас влево» [1855, с. 305].

В приведенной записи для нас наиболее примечательно то, что отмечается (разумеется, со слов проводника-переводчика, который знал русский, ненецкий и коми языки) любопытный факт, будто нен. *Лымбет* и рус. *Пустынное* имеют одинаковые значения «пустые безрыбьи озера». Однако не может быть сомнения в том, что исследователь неверно истолковал слова информатора-переводчика. Нен. *лымбдд* (у А.И. Шренка искажено *лымбет*) означает «болото, трясина; болотный, вязкий (зыбучий) песок на берегу» [НРСл. 197], но никак не «пустой, безрыбий», соответственно нен. *лымбдд-то* <i> букв. «озеро с зыбучими песчаными берегами». По-коми такие озера называются <i>Пуз-(лыя)-ты (коми ты «озеро, старица»; лыя>-ла «песок», пузла «сыпучий песок; нанос, слой песку, нанесенный текучей водой; зыбкое песчаное дно реки») [ССКЗД, с. 306]. Очевидно, что переводчик, сопровождавший Пуз-ты (в ненецком произношении Пус-то (с)) означают одно и то же, имел в виду не рус. пусто, а коми Пуз-ты. Едва ли можно сомневаться в том, что коми-зырянское название Городецкого озера – *Пуз-ты – претерпело примерно такую же эволюцию в фонетическом и семантическом отношениях, т.е. трансформировалось в речи русского населения (*Пуз-ты-озерск > рус. Пусто) с последующим произвольным толкованием его как «безрыбное (озеро)».

* Игнатов Михаил Дмитриевич (Сыктывкар) – исследователь истории, топонимии и генеалогии Коми края.

Следует разобраться, насколько соответствуют (или не соответствуют) реальные природные условия Пустозерского городка и озера Пусто (позднее Городецкое) первоначальному коми-зырянскому названию озера **Пуз-ты* досл. «озеро сыпучих наносных (песков)».

Даже в «Книге Большому чертежу», составленной в 1629 г., еще отмечается, что в то время городок Пустозерск располагался на острове посреди Пусто-озера [Кбч 161]. Но к середине XIX в. берега и дно озера **Пусты*>*Пусто* уже так засыпало зыбучим песком, что остров превратился в полуостров, а наступление наносных песков продолжалось, что было отмечено в работах ряда исследователей.

«Пустозерск расположен на довольно возвышенном полуострове, который с трех сторон окружен Пустым, или, как ныне называют, Городецким Озером, ... которое в старину удобно соединялось с Печорой проливом, теперь почти не существующим... Небольшой храм полусасыпан песками, а старики еще помнят, что здесь песку не было... Сильные северные бури разрывают могилы и нередко обнажают гробы» [Латкин I, 1853, с. 24–27]. Более впечатляющую картину круговерти зыбучих песков в районе озера Пусто приводит А.И. Шренк: «...кости мертвецов мало помалу выходят наружу и разбрасываются ветром во все стороны. Каждое дуновение ветра поднимает зыбучий песок, который, развиваясь по всему местечку, долетает до жителей и невольно заставляет каждого вспомнить, что и ему не миновать того места, откуда летит песок» [1855, с. 537].

Таким образом, географические реалии в районе озера Пусто надежно подтверждают наше предположение о происхождении этого гидронима, а следовательно, и названия городка *Пустозерск*, из коми-зырянского названия данного озера – **Пуз-ты* досл. «озеро зыбучих песков».

Имеется еще один существенный факт, заставляющий усомниться в справедливости общепринятого мнения, будто царские ратники в походе 1499 г. на Угорскую землю и на Гогуличи основали городок *Пустозерск* на пустом и необжитом месте на берегу озера *Пусто*. В «Разрядных книгах» (за 7009 г.) сообщается: «Послал великий князь (Иван Васильевич) князя Петра Федоровича Ушатого да поддал ему детей боярских вологжан. А пошли до Пинежского волоку реками 2000 верст, да тут сождались с двиняны, да с пинежаны, да с важаны. А пошли с Ильина дни Колодою рекою 150 верст, с Оленья броду, на многие ходили и пришли в Печору реку до Усташа града. И тут воеводы сождались князь Петр со князем Семеном Курбским да Васильем Ивановичем Гавриловым, да тут осеивали и город зарубили» (Миллер I, с. 204). Эти же события описываются в Вычегодско-Вымской летописи подробнее: «Лета 7007 (1499) повелел князь великий Иван воеводою своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику на Югорскую землю да на Куду да на вогуличи, а с ними ярославцы, вятчаны, устюжаны, двиняне, важане, пинежане да князи Петр да Федор дети Васильевы Вымского с вычегжаны, вымичи, сысолечи 700 человек. Шедшу князь Петр Ушатый с воыжаны, двиняны, важаны Пинегою, Колою, Мезенью, Пезою, Чильмою на Печору реку, на Пусту идучи самоядцов за князя великого привели. А князь Семена да Василья Бражника со вятчаны, усюжаны, вычегжаны, сождавса здесь, городок заруби для людей князя великого» [ИФС IV, с. 264].

Сопоставляя данные сведения, обнаруживаем, что городок «для людей князя великого ... зарубили ... на Пусту ... на Печоре реке», где уже существовал *Усташ град*, ибо в «Разрядных записях» недвусмысленно засвидетельствовано, что ратники великого князя «...пришли в Печору реку до Усташа града». В этой связи возникает законный вопрос: если рядом с городком *Пустозерск* существовал более древний городок *Усташ*, то куда он подевался, и мог ли он исчезнуть бесследно? Совершенно очевидно, что на такой вопрос вполне определенный ответ могут дать лишь тщательные археологические раскопки. Но уже сейчас можно подсказать, что следы такого городка будут найдены, а по археологическим находкам можно будет определить этнический состав населения городка. Нам представляется, что в городке *Усташ* до прихода в 1499 г. царских ратников проживали гогуличи, т.е. вогулы, манси. Такое предположение подкрепляется двумя фактами. Во-первых, в одной из «Разрядных записей» есть упоминание: «В лето 7007 великий князь Иван Васильевич послал войнство свое на Угорскую землю и на Гогуличи» [Фишер I, 1787, с. 50]. Во-вторых, что более важно, название *Усташ* достаточно надежно этимологизируется на почве мансийского языка: манс. *Us-ty (r)*, *Us-tew(s)* досл. «городецкое озеро» (манс. *us* «городок», *ty(r)*, *tew(s)* «озеро»). Таким образом, засвидетельствованное в «разрядных книгах» название *Усташ град* досл. «городок (в районе) Городецкое озеро», по всей вероятности, представляет собой не искаженную форму русского названия озера *Пусто*, а гибридное название мансийского поселения, существовавшего на берегу озера с мансийским названием **Ус-тос* (коми **Пуз-ты*> рус. Пусто) еще задолго до основания Пустозерска.

Как известно, городок **Пуз-ты-озерск*>*Пустозерск* имел еще одно параллельное коми название *Сар-дор*. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (том XXV «А», с. 809) сообщается: «*Пустозерск* ... (по зырянски *Сар-дар*). П. расположен при оз. Пустом или Городецком в 20 вер. от р. Печоры». В.И. Лыткин и Е.С. Гуляев толкуют название *Сар-дор* досл. «приморский район» (коми *saridz* «море; теплые края, теплое море», коми. *дор* «район, место возле, окого чего-л.») [КЭСК, с. 249]. Такая этимология представляется нам

неубедительной. Компонент *сар-* в коми *саридз* не является корневой основой и не отделим от элемента *-идз*. На деле компонент *сар-* в названии *Сар-дор* представляет собой просторечное коми слово, заимствованное из русского языка, см. *тсар, сар* [ССКЗД]. Таким образом, название *Сар-дор* «царского (резидента-воеводы и воинов) место пребывания; царских (чиновников) городок». У В.Н. Латкина об этом сообщается предельно четко: «Пустозерск, бывшая резиденция (царских наместников-воевод) Печорского Края, ... или Сар-дор, как говорят зыряне» [1 23]. Хорошо известно, что под общим именем *Пустозерска*, или *Слободки Пустозерской*, подразумевается 18 селений по устью реки Печоры [Шренк, 1855, с. 505]. Но представители царя – князь-воевода, чиновники и воины – проживали лишь в самом Городке Пустозерске, поэтому и возникло среди коми параллельное коми название центрального Городка Пустозерской Слободы – *Сар-дор* букв. «царских (чиновников и воинов) место обитания».

Наше толкование коми *Сар-дор* подкрепляется параллельным ненецким названием городка *Пустозерск*: «Слово *Санар хард* – самоедское название местечка Пустозерска, в переводе значит «город-воинов», а *Санар-яу* есть (самоедское) имя реки *Печоры*» [Шренк, 1855, с. 116]. Свидетельство А.И. Шренка нуждается лишь в незначительном уточнении: более точная форма ненецкого названия городка *Пустозерск* – *Сайнор хорд* досл. «поселение войнов» (от нен. *сайнорта* «воин, ратник, боец», *хард, харад* «поселение, населенный пункт; городок»), а ненецкое название реки Печоры – *Сайнор-яху* досл. «река воинов» (нен. *яху* «река»).

Источники и литература

- Латкин В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах // Записки Императорского Русского географического общества, кн. VII, ч. I, II. Санкт-Петербург, 1853.
Миллер Г.Ф. История Сибири. М.– Л., 1937. Т. I.
Фишер И.Е. Описание Сибирского царства. СПб., 1787. Кн. I.
Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855.

Сокращения

- ИФС IV – Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып.4. Сыктывкар, 1958; Кбч – Книга Большому Чертежу. М.– Л., 1950; ИИ СПбНЦ РАН – Институт истории Санкт-Петербургского научного центра РАН; НРСл – Ненецко-русский словарь. М., 1965.

ЗАГАДОЧНЫЕ ВЫМСКИЕ КНЯЗЬЯ*

*И.Л. Жеребцов***

В 1451 г. князь Василий назначил в Коми край своих наместников Ермолая и его сына Василия – вероятно, в первую очередь для организации борьбы с Шемякой. Согласно известию Вычегодско-Вымской летописи, Ермолай и Василий, получившие титул князей Вымских, принадлежали к роду князей Верейских, дальних великокняжеских родственников. Этой точки зрения на происхождение князей Вымских придерживался видный археолог и историк В.А. Оборин в своем труде «Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века» (Иркутск, 1990) и в написанных им разделах коллективных монографий «История Урала» (Пермь, 1976. Т. I) и «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., 1989). Аналогичное мнение изложено также в ряде других изданий, среди которых, например, разделы в коллективной монографии «История Урала: С древнейших времен до конца XIX века» (Екатеринбург, 1993, Н.А. Миненко) и учебном пособии «Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века» (Пермь, 1995, А.М. Белавин, Н.Н. Агафонова), работа Ю.А. Кизилова «Земли и народы России в XIII – XV вв.» (М., 1984), публикации Р.Д. Голдиной «Древняя история Чердынского края в археологическом наследии» и В.В. Мухина «Еще раз о пермских князьях» в книге «Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России» (Пермь, 1999) и др. Как справедливо отмечают исследователи В.В. Мухин и Е.В. Вершинин, данная точка зрения на происхождение князей вымских в настоящее время наиболее распространена.

Однако нельзя не признать, что происхождение Ермолая довольно туманно. Показательно, например, что один из ведущих коми историков В.Н. Давыдов соглашался с принадлежностью вымских наместников к князьям верейским (об этом сказано, например, в его публикации «Присоединение Коми края к Московскому государству», Сыктывкар, 1977). Но попытка В.Н. Давыдова в оставшейся неизданной работе «Князья Вымские» уточнить их происхождение, найти какие-либо новые (сверх сообщаемых в Вычегодско-Вымской летописи) данные о родственных связях между князьями Вымскими и Верейскими успеха не имела. В связи с этим этнограф Л.Н. Жеребцов в своей монографии «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» (М., 1982) отметил, что «вопрос о вымских князьях... совершенно не разработан», и предположил, что Ермолай Вымский принадлежал к какой-то боковой, захудалой ветви князей Верейских, представители которой вместе со своими более именитыми родичами поддерживали князя Василия в борьбе за московский престол и были за это вознаграждены княжением на Выми. Попробуем разобраться.

Титул князей Верейских появился в первой половине XV в., не позднее 1434 г., после смерти Андрея, князя Можайского (сына Дмитрия Донского), когда Можайский удел был поделен между двумя его сыновьями. Старший, Иван Андреевич стал носить титул князя Можайского, а Михаилу Андреевичу вместе с некоторыми другими владениями достался выделившийся из Можайского княжества Верейский удел. Так что первым удельным князем Верейским можно считать Михаила Андреевича – внука Дмитрия Донского и двоюродного брата великого князя Василия Темного. Исследователи (в частности, Е.В. Вершинин), впрочем, отмечают, что Михаил Андреевич не именовался Верейским (титул князя Верейского носил только его сын Василий Михайлович), и что Верея в составе владений Михаила Андреевича не занимала главного места.

Если Иван Можайский в период междоусобной войны за великокняжеский престол поддержал Дмитрия Шемяку, то Михаил Андреевич встал на сторону Василия Темного. Благодаря этому Верейское удельное княжество, единственное из всех, сохранило свой статус после победы Василия над противниками. Более того, владения Михаила Андреевича даже расширились за счет части владений Д. Шемяки (впрочем, потом, в 1465 г., их пришлось вернуть великому князю).

Кем Ермолай Вымский мог приходиться Михаилу Андреевичу? Братом? Сыном? Внуком? Племянником? Нам известно об одном сыне, одной дочери и одном брате Михаила Андреевича.

Судя по имеющимся данным, у Андрея Дмитриевича Можайского, отца Михаила Андреевича, было два сына, между которыми, как уже говорилось, и было по его последней воле разделено Можайское удельное княжество задолго до появления Ермолая на Выми. Видный российский историк С.М. Соловьев в своем классическом труде «История России» упоминает двух сыновей Андрея Дмитриевича Можайского – старшего Ивана и младшего Михаила. То, что у Михаила был еще один брат, средний, который почему-то не получил после смерти отца своего удела, жил с Михаилом Андреевичем до 1451 г., оказался никак не вовлечен

* Публикация осуществлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

** Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

в междоусобицы и прочие события, в которых активно участвовали оба брата, и затем был направлен на Вымь, слишком маловероятно.

То, что Ермолай – племянник Михаила Андреевича по линии его единственного брата, можно исключить. Иван Можайский с 1445 г. был ближайшим сподвижником Дмитрия Шемяки – главного врага великого князя Василия Дмитриевича. Именно Иван Можайский в 1446 г. пленил Василия и позволил на время Шемяке взять верх в Московском княжестве (в результате этого пленения Василий Дмитриевич был ослеплен Шемякой и получил прозвание Темный). Так что хотя в 1447 г. Иван Можайский вместе с Шемякой и подписали (при посредничестве Михаила Андреевича и Бориса Тверского) формальный мир с Василием Темным, однако отношения между Василием Темным и Иваном Можайским сохранялись враждебные. Поэтому сын Ивана вряд ли был бы направлен наместником великого князя, особенно в регион, на который часто покушался Дмитрий Шемяка (один из организованных им набегов имел место как раз накануне появления на Выми Ермолая, в 1450 г., а через год после того, как Ермолая приступил к правлению на Выми, Шемяка взял в плен епископа Пермского Питирима). А уж после того как Иван Можайский был лишен своего княжеского удела и с 1454 г. оказался с женой и детьми в изгнании (и, в конце концов, был казнен в Москве в 1462 г.), вряд ли Ермолай, будучи его сыном сохранил бы свой пост. К тому же летописцы, очевидно, охарактеризовали бы Ермолая как представителя рода можайских князей (по отцу), а не верейских (по дяде).

Судя по имеющимся данным, у Михаила Андреевича в 1470–1480-х гг. имелся единственный сын, Василий, живший с ним в Верее, и одна дочь. Сын Василий Михайлович был женат на греческой царевне, племяннице великой княгини Софии (жены Ивана III), участвовал вместе с отцом в походе 1471 г. на Новгород и, как уже говорилось выше, носил титул князя Верейского. Вскоре после 1482 г. Василий Михайлович с супругой и детьми уехал в Литву из-за того, что Иван III решил забрать у него назад приданое жены, грозя тюрьмой за непослушание. Там, в Литве, он и жил до 1490-х гг., а потом, на исходе XV в., возможно, вернулся в Россию вместе с двоюродным братом Семеном Ивановичем, сыном Ивана Андреевича Можайского. К этому времени Верейский удел был уже присоединен к Москве. Иван III отобрал его после бегства Василия Михайловича, затем дал Верейское княжество в управление Михаилу Андреевичу, но уже не как наследуемый удел, а как свое великокняжеское пожалование, «в пожизненное пользование». После смерти в 1485 г. Михаила Андреевича Верея перешла к великому князю.

Дочь Михаила Андреевича не позднее 1445 г. (а, скорее всего, существенно раньше) была выдана замуж за Бориса Александровича (князя Тверского с 1426 г.). Вполне вероятно, что именно вскорости после его вокняжения Михаил Верейский и отдал за него дочь. Раньше это было сомнительно: во-первых, Борис и, очевидно, дочь Михаила Андреевича были еще слишком юны, да и Борис не являлся особо выгодным женихом, поскольку шансы его на власть в Тверском княжестве выглядели довольно призрачно (правил его дед, затем престол доставался бы отцу, а после – старшему брату; и только «морозное поветрие», унесшее в могилу одного за другим троих тверских князей, двое из которых едва успели вступить на престол, позволило Борису стать великим князем Тверским – и то при этом пришлось выдержать нелегкую конкуренцию со своим дядей). Известно, что в 1446 г. у Бориса Тверского имелась юная дочь Мария, ставшая позднее первой женой великого князя Ивана III.

Ермолай Вымский никак не мог быть сыном Василия Михайловича Верейского: в 1451 г. он сам уже был в возрасте (вероятно, не менее 35 лет), поскольку имел двух вполне взрослых сыновей, Михаила и Василия, старший из которых был тогда же назначен великокняжеским наместником в Пермь Великую. Те же причины заставляют усомниться и в том, что появившийся на свет явно не позднее 1416 г. (а то и раньше) Ермолай являлся сыном Бориса Тверского и его жены, дочери Михаила Андреевича. Тем более что в этом случае куда более вероятно было бы упоминание летописцев о принадлежности Ермолая к роду князей тверских (по отцу), а не верейских (по матери).

Остается несколько возможных вариантов происхождения Ермолая. Например, кроме двух сыновей, Ивана и Михаила, у Андрея Дмитриевича Можайского могла быть еще дочь, отданная в замужество, и Ермолай являлся ее сыном. В этом случае, правда, опять-таки непонятно, почему летописцы указывали его принадлежность к верейскому (материнскому), а не какому-либо иному княжескому роду (отцовскому). Разве что отец Ермолая к середине XV в. уже умер, вдова лишилась владений и жила в Верее с братом. Если гипотетический отец Ермолая не был замешан в кознях против Василия Темного, то в благодарность за помощь, которую оказал Василию Темному Михаил Андреевич, его племянника могли направить править Вымской землей (тем более, если отец Ермолая поддерживал Василия Темного в этих усобицах).

Можно сделать и другое предположение: Ермолай – старший сын Михаила Андреевича (появившийся на свет, когда отец его еще был весьма молод). В этом случае Ермолая и его сыновей, внуков Михаила Андреевича, тем более могли направить управлять Вымью и Пермью Великой в награду за поддержку Михаилом Андреевичем Василия Темного. И тогда вполне естественно, что летописцы указывают на их принадлежность

именно к верейскому роду. В материалах 1470–1480-х гг., связанных с взаимоотношениями верейских князей с великим князем, Ермолай не упоминается, поскольку к этому времени уже скончался на Выми (это произошло, очевидно, не позднее середины 60-х гг. XV в., поскольку в 1465 г. летопись упоминает в качестве князя Вымского не Ермолая, а лишь его сына Василия).

Странно, правда, что Ермолай нигде не упоминается в контексте бурных событий 1440-х гг., в которых активнейшим образом участвовали его предполагаемый отец Михаил Андреевич и дядя Иван Можайский: ни в связи с борьбой против татарских набегов, ни в связи с княжескими усобицами. Меж тем, судя по вероятному возрасту Ермолая, ему было как раз впору проявлять свою ратную доблесть. Впрочем, князей и княжеских сыновей на Руси хватало с лихвой, деяния всех летописцам описать было не под силу. Однако не упоминают о каких-либо внуках Михаила Андреевича (кроме детей Владимира Михайловича и его сестры, бывшей замужем за тверским князем) и историки в связи с ликвидацией Верейского удела. Впрочем, претендовать на удел при жизни Михаила Андреевича его внуки, естественно, не могли, а в конечном итоге и само удельное княжество было ликвидировано.

Разумеется, все вышеизложенное не более чем гипотеза. Никаких – помимо Вычегодско-Вымской летописи – документальных свидетельств о принадлежности вымских наместников к верейскому роду нет. На это справедливо указывают исследователи, считающие, что князья Вымские – не выходцы из русских князей, а представители влиятельных местных родов Вымско-Вычегодского края или Верхотамья, не имевшие каких-либо родственных связей с потомками Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Такая точка зрения была отражена, в частности, в первых обобщающих трудах про историю Коми («Очерки по истории Коми АССР», Сыктывкар, 1955, т. I; «История Коми АССР», Сыктывкар, 1978, 1981). Один из ведущих специалистов по этнической истории коми этнограф Л.П. Лашук в монографии «Формирование народности коми» (М., 1970) писал, что вымские князья выросли из местной «наследственной родоплеменной знати предшествующего исторического периода». В труде выдающегося российского историка А.А. Зимина «Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.» (М., 1991) отмечается, что нет сведений о существовании в XV в. какого-либо Ермолая из рода князей Верейских, и вполне возможно, что Ермолай и Василий Вымские происходили из местной коми знати и были назначены наместниками, поскольку боролись против отрядов Д. Шемяки.

Аналогичные взгляды изложены в публикации историков Е.В. Вершинина «Статус князей Вымских и Великопермских как правителей (административный аспект присоединения Северного Приуралья к Русскому государству)» (в книге «Культурное наследие Азиатской России», Тобольск, 1997) и А.Т. Шашкова «Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг.» (в журнале «Известия Уральского университета», 1997, № 7, серия «Гуманитарные науки», вып. 1), учебном пособии А.Т. Шашкова и Д.А. Редина «История Урала с древнейших времен до конца XVIII в.» (Екатеринбург, 1996). Наиболее обстоятельно данная точка зрения освещена в статье Е.В. Вершинина «И еще раз о князьях вымских и великопермских», опубликованной в книге «Проблемы истории России» (Вып. 3: «Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие», Екатеринбург, 2000).

Е.В. Вершинин считает, что «никаких князей “верейских” в пермских землях быть не могло». Он полагает, что «владельцы Вереи... известны наперечет», «никаких “захудалых” и “боковых ветвей” родственников Михаила Андреевича (а, значит, и великих князей московских) источники не знают. Строго говоря, никакого “рода князей верейских” и не было. Титул “Верейский” носил только князь Василий Михайлович, а в составе удельных владений его отца и деда городок Верея не занимал главного места». Говоря о сообщении Вычегодско-Вымской летописи относительно вымских наместников («Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном его Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной»), исследователь отмечает «стилистическую неправильность данного текста, указывающую на то, что он дошел до нас в искаженном виде. Ошибкой в нем является и слово “верейских”». (На то, что в тексте летописи есть некоторые ошибки и искажения, указывали и другие историки – Б.Н. Флоря, А.Т. Шашков).

Относительно того, какое слово могло быть «переделано» в слово «верейских», высказаны разные суждения. А.Т. Шашков предположил, что изначально это было слово «еренских» – от Яренского («Еренского») городка и реки Яренги (Еренги), т.е. составитель или переписчики летописи могли перепутать «н» в слове «ереНских» с «и» и по ошибке добавить в начало слова букву «в», получив в итоге «ВереИских». Таким образом, этот историк склоняется к тому, что князья Вымские происходили из местной коми-зырянской знати, проживавшей, можно сказать, на западной окраине Вымской земли.

Е.В. Вершинин изложил иное предположение: «В XV – XVII вв. некоторые варианты написания букв “в” и “п” были весьма схожими... Если перепутать начальные буквы, разница в словах “пермских”... и “верейских” остается небольшой». По мнению исследователя, составитель Вычегодско-Вымской летописи Мисаил

пользовался источниками XV в., в частности, возможно, не сохранившейся до настоящего времени Пермской владычной летописью, которая велась в Усть-Выми при епископе Филофее (1471–1501 гг.), и в одном из таких источников могли быть слова «от роду ПерМских князей», которые трансформировались в «от роду ВерЕИских князей». Согласно гипотезе Е.В. Вершинина, князья Вымские Ермолай и Василий Еромолаевич происходили из Перми Великой, с Верхокамья, т.е. из коми-пермяцких, а не из коми-зырянских земель. В качестве одного из аргументов исследователь приводит тот факт, что, согласно Вычегодско-Вымской летописи, Ермолая и Василия Еромолаевича великий князь «**прислал...** правити Пермской землей Вычегоцкою», а старшего сына Ермолая, Михаила Еромолаевича, «**отпустил** на Великая Пермь». «По моим наблюдениям над терминологией летописей XV в., – пишет Е.В. Вершинин, – “отпустить” – это значит “отпустить обратно, восвояси”», т.е. Михаила отпустили на прежнее место жительства, в Пермь Великую, в то время как Ермолая и Василия прислали на новое место, в Пермь Вычегодскую.

Разумеется, если считать князей Вымских выходцами не из русской, а из местной знати, то могут быть выдвинуты и иные гипотезы относительно их происхождения. Вполне возможно, с этой точки зрения, предположить, что они были представителями какого-либо знатного вымского рода, жившего, допустим, в Княжпогосте.

К сожалению, нынешний уровень научных знаний, обусловленный скудостью исторических источников, не позволяет со всей определенностью решить вопрос о том, кто же были князья Вымские – русскими потомками Ивана Калиты и Дмитрия Донского, представителями местной вымско-вычегодской знати или выходцами из верхокамской родоплеменной аристократии. Пытливый читатель при желании может самостоятельно ознакомиться с аргументацией сторонников тех или иных взглядов, изложенных в названной здесь литературе.

Итак, Ермолай и его сын Василий Еромолаевич были назначены наместниками великого князя в Перми Вычегодской и стали титуловаться князьями Вымскими. Старший сын Ермолая, Михаил, стал наместником в Перми Великой. Его резиденция находилась в Чердыни. А вот где поселился Ермолай с Василием – загадка. Предположений было немало. Первым претендентом на место пребывания княжеской резиденции является Княжпогост – казалось бы, само название этого селения (Княжеский погост) указывает на то, что именно здесь жили князья (такое предположение высказал, например, Е.В. Вершинин). Однако писцовые книги не сохранили никаких упоминаний о наличии в Княжпогосте каких-либо сооружений (укреплений) или вооружения, которые можно было связать с пребыванием тут наместников. Конечно, к началу XVII столетия (за более ранний период документы не сохранились) многое могло, что называется, пойти прахом. Но в ряде других селений укрепленные городки XV столетия хотя бы частично сохранились и в XVII в. Почему же в Княжпогосте ничего такого не осталось? Кроме того, Княжпогост располагался хотя и на важном Чрезкаменном пути в Сибирь, шедшем из бассейна Северной Двины в бассейн Печоры (с Выми и ее притоков на Ухту и Ижму) и далее за Урал, однако находился, в сущности, на окраине края, не очень подходившей для местопребывания правителя. К тому же эта местность находилась в опасной близости от не слишком дружелюбно настроенных племен «самояди» (ненцев), которые могли устроить набег на резиденцию (так что без укреплений было не обойтись). Не исключено, что в окрестностях Княжпогоста князь Вымский мог задумать устроить что-то вроде пограничного опорного пункта (в конечном итоге по каким-то причинам таковым стала Турья). Но мне кажется вполне разумным и другое объяснение: как уже говорилось выше, если князья происходили из коми-зырянской знати, Княжпогост мог быть местом, где **до своего назначения** на высокий пост жили будущие наместники, их род. Первоначальное название этого селения – очевидно, Виз (так на коми языке оно именуется и по сей день; от коми слова «вис», означающего «протока»). И только после того, как выходцы из него стали князьями Вымскими, погост Виз стали называть «Княжеским погостом» (погост – это распространенный в Коми крае в XV–XVII вв. тип сельского поселения с церковью), сокращенно – Княжпогостом. Конечно, это не более чем мое предположение.

Другой претендент на резиденцию наместников – Усть-Вымь (к такому мнению склонялся, в частности, историк Ю.В. Гагарин). Там во второй половине XV в. существовал укрепленный городок, где, в частности, пребывал епископ Пермский. Местоположение Усть-Выми в центре края тоже делало этот населенный пункт удобным местом для княжеской «столицы». Здесь было поспокойнее, чем в Княжпогосте, хотя и сюда добирались враги с востока (вогулы, кочевавшие на верхней Вычегде). Однако, как справедливо считал этнограф Л.Н. Жеребцов, епископу и князю было бы, пожалуй, тесновато жить в одном селении (как говорится, двум медведям в одной берлоге не уживаться). Да и стал бы наместник великого князя жить в вотчине епископа? Разве что в самом начале, по приезде в Коми край, Ермолай (если он все же был пришлым – с Руси или Верхокамья) мог какое-то время гостить у епископа в Усть-Выми – до тех пор, пока не обустроил свою резиденцию (если, конечно, существовала такая необходимость).

Наконец, третий вариант – Яренский городок, известный еще со времен Стефана Пермского. Здесь с конца XIV в. существовали оборонительные сооружения, так что в случае вражеского нападения (а время, напомним,

ним, было тревожное, на Руси лилась кровь) наместник мог укрыться от противника за прочными стенами. Яренск находился в отдалении от беспокойных восточных соседей (самояди и вогулов). Отсюда было поближе к Устюгу и другим русским землям, удобнее было поддерживать связи с ними, с Москвой. Сегодня Яренск воспринимается как западная окраина Коми. Но в XV столетии западная граница края (Перми Вычегодской) пролегла гораздо ниже по течению Вычегды, почти у устья Виляди, так что в то время Яренск отнюдь не был окраинным поселением. Поэтому вполне возможно, что именно Яренск был резиденцией вымских князей. Не случайно именно здесь позднее, уже в начале XVII в., расположилась резиденция уездного воеводы – главного должностного лица местного управления. Вспомним и о предположении А.Т. Шашкова относительно происхождения князей Вымских из «еренских князей» – в этом случае Яренск вообще был для них родным.

Назначение великокняжеских наместников стало новым важным шагом на пути закрепления Вымской земли и других частей Коми края в составе Московского государства. Однако Новгород продолжал предъявлять права на эти территории, указывая в своих грамотах Вымскую и иные земли коми среди новгородских владений. Но с этим мало кто считался. Митрополит Иона, например, в своем послании (ок. 1452 г.) упоминает «Сысолу и Вым и Вычегду» как «великого князя вотчину».

В 1456 г. великокняжеское войско разбило новгородцев. Подписанный в том же году договор Москвы и Новгорода ограничивал самостоятельность Новгорода, лишившегося права на проведение самостоятельной внешней политики. Вымь и остальная территория Коми края указаны под общим названием «Пермь» в этом договоре среди новгородских волостей, хотя реальная власть на Европейском Северо-Востоке принадлежала, несомненно, Москве. В 1459 г. войска великого князя Московского умили Вятку. В результате похода вятчане признали власть великого князя, и Вымская земля была избавлена от их нападений.

Долго ли правил Пермью Вычегодской Ермолай Вымский, не известно. Во всяком случае, в 1465 году в роли князя фигурирует уже его сын Василий Ермолаевич. Добившись перелома в борьбе за первенство на Руси и на Севере, московские князья решили распространить свое влияние и за Урал, где располагалась Югорская земля. В 1465 г. великий князь Иван III отправил «Югорскую землю воевать» отряд устюжан под началом воеводы Скрыбы. К нему присоединился князь Василий Ермолаевич Вымский «с вымичи и с вычегжаны». Поход был успешен: «Полону много вывели, за князя великого Югорскую (землю) привели...» В Москву были привезены плененные югорские князья Калпак (Калба) и Течик, которых Иван III отпустил назад править своими княжествами, обязав их платить «дань... соболиную».

При Василии Ермолаевиче Вымском Новгород в результате походов московского войска 1471 и 1477–1478 гг. лишился самостоятельности и перестал предъявлять права на Коми край. Великому князю оставалось сделать последний шаг по объединению страны: провести описание земель и населения, вошедших в единое Московское государство. Но Василий Вымский до этого не дожил. Княжение его завершилось в 1480 г. при весьма трагических обстоятельствах. Князь Василий решил построить на Выми возле Турьи новый укрепленный городок (вероятно, для защиты от возможных набегов «самояди» с северо-востока), однако местные жители взбунтовались и убили князя. Летопись сообщает: «Вымичем не любо тое городок строити: пошто нам этот городок и на кого, и посеки вымичи Василья князя насмерть». Как отмечает археолог Э.А. Савельева, на противоположном берегу Выми известен ручей под названием «Васьбс вийом шор» (в переводе с коми – ручей, где был убит князь Василий). Не исключено, что именно в этом месте и был убит князь Василий Вымский. По мнению Е.В. Вершинина, «расправа с князем Василием косвенным образом свидетельствует о том, что он не принадлежал к местной коми-зырянской знати». Впрочем, фольклорист А.В. Панюков считает, что название ручья никоим образом не связано с Василием Вымским, а последний никакой городок на Выми не строил, и вымичи его не убивали.

После гибели Василия наместниками стали его сыновья Петр и Федор. При них уже на следующий год (1481) в Коми крае было проведено первое описание земель и населения, которое окончательно закрепило эту территорию в составе Московского княжества; длительный процесс вхождения Коми края в Русское государство завершился. В 2021 г. исполняется 540 лет этому знаменательному событию.

Петр Вымский погиб во время зимнего похода в Югру (за Урал) 1499–1500 гг. Его брат Федор Вымский в одиночестве правил Пермью Вычегодской еще два года – до 1502 года, когда великий князь направил князя в Пустозерский городок в низовьях Печоры – «правити на Пусте-озере волостью Печорою». В Вычегодском крае князья-наместники были ему уже не нужны, поскольку земли коми прочно вошли в состав Московского государства и к тому же перестали быть «порубежными». Теперь нужно было укреплять новые северо-восточные рубежи.

Кстати, вскоре, в 1505 году, расстался с должностью великопермского наместника и двоюродный брат Федора Вымского князь Матвей Михайлович. О нем мы тоже мало что знаем. Родился он, возможно, в 1462 г. или чуть раньше, поскольку именно тогда епископ Иона Пермский ездил в Пермь Великую (Чердынь) и крестил «Михайловых княжат», то есть сыновей князя Михаила Ермолаевича. Когда Матвей сменил своего отца

на посту наместника, не известно. Между прочим, в 1471 г. Михаил Ермолаевич едва не лишился наместничьей должности. В тот год великий князь Иван III послал отряды против казанских татар. Войско простояло под Казанью пять дней, но штурм так и не состоялся. Правитель Перми Великой Михаил Ермолаевич стал склоняться к поддержке казанцев. Осенью 1471 г. Иван III послал на Каму войско, чтобы наказать самовольца-наместника. Отряд захватил Чердынь и другие города. Михаил был арестован, в 1472 г. отправлен в Москву, но после того как поклялся в верности великому князю, отпущен назад «на Пермь-ж княжити». Долго ли еще ему довелось быть наместником, не известно. Видимо, больше он супротив воли великого князя не выступал, поскольку со временем власть в Перми Великой перешла по наследству к его уже упоминавшемуся сыну Матвею.

После ликвидации в 1502 г. власти князей Вымских в Коми крае других наместников в Пермь вычегодскую, очевидно, не назначили. В 1505 г. скончался Иван III. В его завещании были указаны в числе других земель и волостей, доставшихся старшему сыну Василию, «Вычегра» (Вычегда), Вымь, Удора, Сысола, Печора, Устюг, Пинега, Мезень, Немьюга, Югра, Пермь Великая и др. Как видно, Пермь Вычегодская как единое образование в этом документе не указана, а названы в отдельности ее составные части. Возможно, после того, как Федор Вымский был переведен на Печору, Вычегда, Вымь, Сысола и Удора не имели общего управителя-наместника и управлялись либо назначенными в эти земли-волости волостелями, либо своими выборными сотниками. Так завершилась почти полувековая история правления князей Вымских.

Источники и литература

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III.
- Вершинин Е.В. Статус князей Вымских и Великопермских как правителей (административный аспект присоединения Северного Приуралья к Русскому государству) // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Tobolsk, 1997. С. 122–124.
- Вершинин Е.В. И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Екатеринбург: «БКИ», 2000. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. С. 285–305.
- Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры. Сыктывкар, 2011.
- Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.
- Давыдов В.Н. Управление Коми краем (Пермью Вычегодской) во второй половине XV века // Коми крестьянство в эпоху феодализма. Сыктывкар, 1983.
- Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 241–271.
- Доронин П.Г. Присоединение Коми края к Московскому княжеству // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 35.
- Жеребцов И.Л. «Жена» князя Вереяского // На рубеже. 2005. № 1. С. 46–48.
- Жеребцов И.Л. У истоков национальной государственности // Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвященные 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 7–36.
- Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Жданов Л.А. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Сметанин А.Ф. Создатели Коми автономии. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006.
- Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005.
- Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.
- Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.
- История Коми АССР с древнейших времен. Сыктывкар, 1978.
- История Коми АССР с древнейших времен. Сыктывкар, 1981.
- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1.
- История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1.
- История Урала. Пермь, 1976. Т. I.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- История Урала: С древнейших времен до конца XIX века. Екатеринбург, 1993.
- Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984.
- Корчагин П.А. Из ранней истории Перми Великой: князя Пермские и Вымские // Филолог. Интернет-журнал Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 2011.
- Мухин В.В. Еще раз о пермских князьях // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 104–106.
- Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1970.
- Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.
- Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. I.
- Панюков А.В. «Назад в будущее»: убийство князя Василия Вымского // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 61–70.
- Панюков А.В. Историзм фольклора vs фольклоризм истории: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 3. С. 103–109.

- Рогачев М.Б. Летопись Коми края. М., 1998.
- Связь времен. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.
- Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 392–401; Кн. 3. С. 43–46.
- Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Пермь, 1995.
- Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218–231.
- Чердынъ и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999.
- Шашков А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского университета. 1997. № 7. (Серия «Гуманитарные науки», вып. 1).
- Шашков А.Т., Редин Д.А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в. Екатеринбург, 1996.

ИСТОРИЯ КОМИ КРАЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

ЯРМАРКИ В ГОРОДАХ ВЫЧЕГОДСКОГО КРАЯ*

*И.И. Лейман***

В конце XVIII в. в Вычегодском крае существовало три города – Усть-Сысольск, Сольвычегодск и Яренск. Согласно Городовому положению 1785 г. в каждом городе полагалось учредить «одну ярманку или более, смотря по обстоятельствам и удобствам» и назначить для ярмарки время и сроки проведения. Однако в конце XVIII в. ярмарки существовали не во всех городах Европейского Севера России.

О точном времени зарождения ярмарок в вычегодских городах известно немного. Еще во второй половине XIX в. современники, пытаясь восстановить дату учреждения наиболее старых и известных ярмарок края, лишь заключали, что свое начало ярмарки ведут «по крайней мере ... далее памяти старожил». В 1781 г. в «Академических известиях» была опубликована информация о существовавших в России ярмарках. Вычегодские города там не значатся. А в «Историческом описании Российской коммерции», изданном в 1786 г., Яренск, Усть-Сысольск и Сольвычегодск уже присутствуют. Известно, что в Яренске (Яренский городок известен с конца XIV в., в конце XVI – начале XVII в. стал уездным центром) с 18 по 23 января проходил не-большой торг «разными мелочными товарами», на который приезжали купцы из Великого Устюга, Вологды и Сольвычегодска. В XIX в. этот торжок получил статус ярмарки, которая проходила также с 18 по 23 января и называлась Афанасьевской.

Относительно Усть-Сысольска (ставшего городом в 1780 г.) в «Словаре учрежденных в России ярмарок и торгов» 1786 г. говорилось: «...бывает ярмарка ноября с 26 число по 29 число; скупают купцы у промышленников мягкую рухлядь». О времени появления ярмарки в Усть-Сысольске пытались выяснить еще во второй половине XIX в., однако во время пожара, случившегося в 1812 г. в городских присутственных местах, все соответствующие документы были уничтожены. Данные современных исследований свидетельствуют, что еще с конца XVII в. в Усть-Сысольке в ноябре – декабре проходила Георгиевская ярмарка. Уже в первой половине XVIII в. жители Усть-Сысольска (тогда он назывался Усть-Сысольским селением) «обладали большими средствами и вели обширную торговлю»; тогда же была учреждена еще одна ярмарка – Васильевская, проводившаяся с 1 по 10 января. Ее обороты были невелики и не шли ни в какое сравнение с Георгиевской: в лучшие годы они едва превышали 2 тыс. руб., а обычно составляли 400–600 рублей. Георгиевская ярмарка, согласно «Экономическим примечаниям Генерального межевания по Усть-Сысольскому уезду» 1784 г., проходила с 26 ноября по 1 декабря. На нее приезжали купцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Лальска и торговали мануфактурными товарами, чаем, сахаром; закупали у местных купцов и крестьян продукты промыслов: меха, кожи, рыбу.

Издавна крупным торговым центром был Сольвычегодск. Он был основан, согласно летописям, в XIV в. жителями древнего Чернигова, находившегося в трех верстах от Сольвычегодска. По преданию, Чернигов являлся важным «торговым местом», жители которого вели торговлю с Сибирью задолго до ее покорения Ермаком. В XV в. Сольвычегодск уже был оживленным торговым центром и поддерживал торговые связи с новгородцами, холмогорцами, чердынцами, удорцами и другими группами коми-зырян, пермяками, «самоедами» (ненцами), «вогуличами» (манси) и другими «сибирцами», ведя торговлю пушными товарами, кожами разных зверей и юфтью. Жители Сольвычегодска долгое время держали в тайне «от других городов русских» один из важнейших своих «источников обогащения» – торговые отношения с Сибирью. В XVI в. в Сольвычегодске уже была сосредоточена торговля мехами, солью и другими товарами. Известна была проводившаяся в Сольвычегодске единственная в России меховая («соболиная») ярмарка, на которую съезжались московские и новгородские купцы, холмогорцы, чердынцы и «других городов», а также азиаты, татары и другие «окрестные народы». Однако с закрытием сибирского тракта в XVIII в. и прекращение деятельности известных в городе промышленников Строгановых привели к постепенному упадку Сольвычегодска и снижению его торгового

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Лейман Ирина Игоревна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, зав. кафедрой Сыктывкарского государственного университета, irinaleyman@gmail.com.

значения. Согласно «Словарю учрежденных в России ярмарок и торгов», к 1789 г. в Сольвычегодске проводилась одна ярмарка. К началу XIX в. в Сольвычегодске проходили уже две ярмарки – Введенская и Прокопьевская. Возникновение этих ярмарок было вызвано тем, что население уезда издавна привыкло собираться в Сольвычегодске «для молитвы» 8 июля в день поминаения Святого Прокопия Устюжского и 21 ноября по случаю храмового праздника во Введенском монастыре. Народ «конечно не приходил сюда с пустыми руками и приносил избытки своих произведений», что и положило начало Прокопьевской и Введенской ярмаркам.

В 1789 г. в России был издан «Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов». Информация в нем о периодических торгах в Усть-Сысольске, Яренске и Сольвычегодске по сравнению с предыдущими изданиями не изменилась.

Особо крупных оборотов ярмарки в Яренске и Усть-Сысольске не имели; среди приезжих торговцев были в основном мещане и купцы из соседней Вятской губернии, а также купцы из Великого Устюга (таким образом, центральный ярмарочный район, во-первых, выполнял функцию по снабжению северо-восточных территорий Европейского Севера России всем необходимым, а, во-вторых, транспортировал местные товары на рынки центральных районов страны). Основными товарами на ярмарках северо-восточного района были пушнина, кожи, рябчики, производимые в уездах продукты. Иногородние торговцы привозили необходимые для местных жителей продукты, мануфактурные и галантерейные товары. В течение года ярмарки северо-восточного ярмарочного района были распределены следующим образом: в январе проводились ярмарки в Усть-Сысольске (1–10 января) и Яренске (18–21 января), в марте – в Усть-Сысольске, в июне – в Яренске и в ноябре – в Усть-Сысольске. Таким образом, все основные «ярмарочные» центры Европейского Севера России были охвачены.

В Усть-Сысольске в первой половине XIX в. существовали две ярмарки – Георгиевская (с 26 ноября по 2 декабря) и Васильевская (с 1 по 10 января). В 1847 г. взамен Георгиевской ярмарки по просьбе усть-сысольских купцов была учреждена Благовещенская ярмарка (25 марта – 5 апреля). Георгиевскую ярмарку купцы находили «для производства торговли неудобною» вследствие часто бывающей в это время распутицы и несоответствия ярмарки срокам окончания некоторых промысловых сезонов. Однако замена оказалась неадекватной: на Благовещенскую ярмарку, тоже «по случаю бывающей распутицы», в 1848 г. «не было привезено никаких произведений и не было такого стечения народа, как прежде на Георгиевской ярмарке». Уже в 1849 г. мещане г. Усть-Сысольска подали прошение о восстановлении Георгиевской ярмарки, которая, по их мнению, «была в самое удобное время для сбыта осенних товаров и вообще всех произведений, и весьма полезна как средоточие здешнего края для приезжающих из соседственных мест». В итоге, в 1849 г. Благовещенская ярмарка была упразднена, а Георгиевская ярмарка восстановлена в прежних сроках проведения.

В конце 1850-х гг. сроки проведения Георгиевской ярмарки были увеличены, вследствие чего ярмарка проводилась с 16 ноября по 2 декабря. В 1870-х гг. последовало некоторое сокращение сроков, и ярмарка стала проводиться с 21 ноября по 4 декабря. В конце 1880-х гг. сроки ярмарки были еще более уменьшены – с 23 ноября по 4 декабря. Сокращение сроков проведения Георгиевской ярмарки было вызвано стремлением привлечь на ярмарку больше мелких торговцев: согласно закону о торговых пошлинах, вышедшему в 1883 году, все ярмарки разделялись на пять разрядов; чем выше был разряд ярмарки, тем больше была пошлина за право торговли. В установленных в 1880-х гг. сроках Георгиевская ярмарка просуществовала до начала XX в. Сроки проведения Васильевской ярмарки не изменялись вплоть до ее упразднения в 1858 г.

Сумма привезенных товаров на Георгиевскую ярмарку составляла в среднем в разные годы от 30 до 70 тыс. руб., а в конце XIX – начале XX в. доходили до 100 тыс. руб. Торговые обороты Васильевской и Благовещенской ярмарок даже не превышали пяти тысяч рублей; в среднем они составляли полторы – две тысячи рублей.

Основными товарами на ярмарках в Усть-Сысольске являлись производимые в Яренском и Усть-Сысольском уездах сукно, овчина, телятина, холст, масло, сало, меха, невыделанные кожа. На Васильевской и Благовещенской ярмарках преимущественно торговали продуктами, среди которых хмель, горох, толокно, масло постное, льняное семя, ржаная мука. На Георгиевской ярмарке по объему привоза лидировали кожа и пушные товары – соболя, лисицы, медведи, волки, россомахи, выдры, хорьки, горностаи, куницы, белки. Меха и другие товары местного производства скупались приезжими, а также непосредственно усть-сысольскими и яренскими купцами, которые затем отправляли товар на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарку и в Санкт-Петербург.

Еще в первой половине XIX в. приезжих купцов на ярмарках практически не было, торговали местные крестьяне и купцы из Усть-Сысольска и Яренска; народу на ярмарке собиралось от 500 до 800 человек. Однако с ростом торговых оборотов Георгиевской ярмарки во второй половине XIX в. среди торговцев появились купцы из Великого Устюга, а также из Архангельской, Витебской и Вятской губерний. В начале XX в. по замечанию современников, торговая жизнь в Усть-Сысольске «заметно росла», а сам город, с населением около пяти тысяч человек, «быстро увеличивался и улучшался».

В Яренске в первой половине XIX в. проводилась одна ярмарка – Афанасьевская, с 18 по 21 января. В начале 1850-х гг. сроки ярмарки были продлены до 25 января, а в начале 1860-х гг. – еще до 28 января. В начале

XX в. Афанасьевская ярмарка проходила с 19 по 26 января. В конце 1840-х гг. в Яренске была учреждена еще одна ярмарка – Ивановская, со сроками проведения с 5 по 22 июня. Сроки Ивановской ярмарки не изменялись вплоть до начала XX в. По объемам торговых оборотов лидировала Афанасьевская ярмарка; привоз товаров на Ивановскую ярмарку, проходившую в разгар полевых работ, в целом был незначителен.

Местные жители сбывали на ярмарках в Яренске лен, масло, сало, меха (белку), кожи, рябчиков. Местная продукция в основном направлялась в Великий Устюг. Приезжие купцы из Вологды, Устюга, Сольвычегодска и Усть-Сысольска продавали на ярмарке различные ткани, мануфактурные изделия, мыло, муку, в небольших количествах чай, кофе и сахар. По объемам привоза лидировали ткани: шерстяные, шелковые, ситцевые и хлопчатобумажные, а наибольшим спросом на ярмарках пользовались продукты, чай, сахар и ткани.

В целом на протяжении XIX – начала XX в. торговые обороты Яренска оставались незначительными, ярмарки в городе имели исключительно местное значение, а сам Яренск характеризовался современниками как «самый бедный из всех городов Вологодской губернии», в котором практически не развивалась внутренняя торговля. В начале XX в. вследствие общего оживления торговли на Европейском Севере России, в Яренске наметился рост торговых оборотов, появились новые торговцы, стало увеличиваться население.

В Сольвычегодске в первой половине XIX в. проходило три ярмарки: Введенская (с 20 по 27 ноября), Прокопьевская (с 7 по 10 июля) и Алексеевская (с 7 по 14 марта). Алексеевская ярмарка существовала, по сути, номинально: съезда торговцев на нее практически никакого не было, так как в это же время проходила ярмарка в Красноборске. В 1870-х гг. вследствие незначительности торговых оборотов Алексеевская ярмарка была упразднена, а Прокопьевская переведена в разряд торжков. В это же время в Сольвычегодске была учреждена новая ярмарка – Евдокиевская (с 1 по 14 марта). Евдокиевская ярмарка также не давала больших оборотов, и поэтому уже в начале 1890-х гг. вместо нее была учреждена Благовещенская ярмарка, проводившаяся с 23 по 25 марта. В эти же годы в Сольвычегодске стала проходить Христофоровская ярмарка. К началу XX в. в городе осталось только две ярмарки – Введенская и Благовещенская.

Сольвычегодские ярмарки по объему торговых оборотов в целом были очень незначительны и, за исключением Введенской ярмарки, не превышали 5 тыс. руб. Объем привоза товаров на Введенскую ярмарку даже в лучшие годы не достигал 50 тыс. руб. Причиной малых оборотов сольвычегодских ярмарок было совпадение их сроков с ярмарками других городов центрального района. Учрежденные в разные годы Алексеевская (7–14 марта), Евдокиевская (1–14 марта) и Благовещенская ярмарки (23–25 марта) Сольвычегодска проходили параллельно с Алексеевской ярмаркой в Красноборске (17–25 марта) и Благовещенской в Лальске (20–25 марта). Прокопьевская ярмарка в Сольвычегодске (7–10 июля) по срокам проведения совпадала с Прокопьевской ярмаркой в Великом Устюге (1–10 июля). И только наиболее удачная по своим торговым оборотам Введенская ярмарка в Сольвычегодске (20–27 ноября) как раз проходила между Михайловской ярмаркой в Лальске (3–8 ноября) и Андреевской в Красноборске (28 ноября – 4 декабря).

Основным товаром на ярмарках Сольвычегодска являлась промысловая и сельскохозяйственная продукция, производимая местным населением. Крупные купцы и дворяне на сольвычегодских ярмарках практически не появлялись. Торговцы, в основном приезжавшие из ближайших городов, привозили на ярмарки товары, не производимые в уезде. По объему привоза лидировали хлеб, кожа, продукты, льняные и шерстяные ткани. На Введенскую ярмарку в значительном количестве привозилась рыба, так как к ноябрю заканчивался рыболовный сезон. Рыба раскупалась как для местного потребления, так и для вывоза за пределы губернии. На Прокопьевской ярмарке, проходившей перед началом полевых работ, наибольший сбыт имели косы и серпы, лодки. В ходе этой ярмарки можно было нанять на летнее время работниц.

Сольвычегодские ярмарки на протяжении XIX – начала XX в. имели исключительно местное значение; закупка сырья и продуктов приезжими купцами была незначительна. В начале XX в. жизнь в Сольвычегодске носила «тихий и отчасти печальный характер»; фабрично-заводских предприятий и крупных торговых фирм в городе не было, численность населения постепенно уменьшалась.

Вычегодский ярмарочный район не играл особой роли для Европейского Севера России в целом как в силу отдаленного географического положения, так и по природно-климатическим условиям, не позволявшим населению производить широкий ассортимент готовой к продаже продукции. Однако этот район был чрезвычайно важен для местного населения, которое только на ярмарках Усть-Сысольска, Яренска и Сольвычегодска имело возможность с выгодой сбыть свой товар, так как во «внеярмарочное» время закупкой товара у местных производителей занимались перекупщики, которые устанавливали на товар крайне невыгодную цену. Кроме того, на ярмарках население отдаленных территорий могло удовлетворить все свои потребности в продуктах и предметах быта, что не могло быть осуществлено посредством стационарной торговли.

Источники и литература

- Голованов Н.В., Мацук М.А. Пути развития торговли в Коми в XX веке. Сыктывкар, 1999.
- Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911.
- Жеребцов И. Формирование нового центра // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 158.
- Жеребцов И.Л., Лейман И.И. Происхождение сыктывкарского рода Жеребцовых // Уваровские чтения–VII. Семья в традиционной культуре и современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции. Муром, 2011. С. 277–280.
- Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми: научно-популярные очерки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.
- Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- Жеребцова И.И. Ярмарка как микромир Российской действительности (на примере Европейского Севера XIX века) // Тезисы докладов XV Коми республиканской молодежной конференции. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 262–263.
- Жеребцова И.И. Ярмарки: познание явления через анализ структуры // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: тезисы докладов. IX Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2005.
- Жеребцова И.И. Организация и проведение ярмарок на Европейском Севере России в середине – второй половине XIX в. // Областные и районные центры России и их округа в историческом процессе: управление, экономика, культура. Яренск, 2005. С. 20–24.
- Жеребцова И.И. Центр, где сосредотачивается общество (Ярмарки на Европейском Севере России в середине и второй половине XIX в.) // Известия Общества изучения Коми края. 2005. № 1. С. 4–12.
- Жеребцова И.И. Механизм сбора сведений о ярмарках в середине – второй половине XIX в. (на примере Европейского Севера России) // Коммуникации – Общество – Духовность. Ухта, 2005. С. 18–21.
- Зайончковский П.А. Ярмарки в России и СССР // БСЭ, М., 1978. Т. 30.
- История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.
- История Коми АССР. Сыктывкар, 1981.
- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1.
- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2.
- История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1.
- История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2.
- История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980.
- Калугин В. Вселенский базар. Книга о рынках, базарах и ярмарках, их истории и многообразии. СПб., 1998.
- Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914.
- Лейман И.И. «Премудрости» и казусы ярмарочного дела в XIX – начале XX вв. (на примере Европейского Севера России) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. С. 40–52.
- Лейман И.И. Ярмарочная торговля в России XIX – начала XX века глазами современников // Известия Общества изучения Коми края. 2006. № 1. С. 15–24.
- Лейман И.И. Экономическое, религиозное и культурное значение ярмарок для населения Европейского Севера России в XIX – начале XX вв. // Культурная и природная палитра северных территорий России: материалы молодежной секции Первого Северного социально-экологического конгресса. Сыктывкар, 2006. С. 29–33.
- Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России: организация и проведение (середина – вторая половина XIX в.). // Вестник Поморского университета: Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2007. Вып. 3. С. 16–20.
- Лейман И.И. География ярмарок на Европейском Севере России: из истории в современность (PR-инструменты в организации современных ярмарок) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 1. С. 110–116.
- Лейман И.И. Социально-экономические и природно-географические факторы организации и проведения ярмарок на Европейском Севере России в XIX в. // Молодежный вестник. Сборник научных работ аспирантов и молодых ученых. Сыктывкар, 2006. С. 49–54.
- Лейман И.И. «Мысли к улучшению быта» (По страницам газеты «Вологодские губернские ведомости», 1852–1855 гг.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2010. Вып. 2. С. 134–142.
- Лейман И.И. Полезные советы губернской газеты. (По страницам «Вологодских губернских ведомостей». 1838–1839 гг.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. С. 13–17.
- Лейман И.И. Ярмарки: как считали и как обсчитывали (охрана правопорядка и статистика на ярмарках в XIX в. на примере Европейского Севера России) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. С. 34–41.
- Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.
- Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.: Автореферат дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.
- Лейман И.И. Система путей сообщения в Коми крае середины XIX в. (по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи) // Социокультурная динамика российской провинции: история и современность (на материалах Республики Коми). Сыктывкар, 2016. С. 52–60.
- Лейман И.И. Природа как фактор развития сферы ярмарочной торговли на Европейском Севере России во второй половине XIX в. // Человек и окружающая среда. Тезисы докладов XIV Коми республиканской научной конференции студентов и аспирантов. Сыктывкар, 2004. С. 53–54.
- Мацук М.А., Шаньгина В.В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996.

- Мацук М.А. Ремесленные и промышленные товары в жизни коми крестьянина XVII – первой половины XIX в. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985.
- Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1995. Т. 2.
- Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1.
- Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962. Т. 2.
- Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск: страницы истории. Сыктывкар, 1989.
- Рогачев М.Б. «Столица Зырянского края». Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар, 2006.
- Рогачев М.Б. «Столица Зырянского края». Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар, 2010.
- Рожкова М.К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России (первая половина XIX в.) // Исторические записки / Ин-т истории АН СССР. М., 1955. Вып. 54.
- Связь времен. Сыктывкар, 2000.
- Словарь учреждений в России ярмарок и торгов // Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. М., 1789. Ч. 5: С–Т.
- Сметанин А.Ф., Лейман И.И. Январская ярмарка в Вологде в XIX – начале XX века: из истории повседневности // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. С. 62–67.
- Шаньгина В.В. Торговые связи Коми края в пореформенные годы XIX в. // Вопросы социально-экономической истории Коми края. Сыктывкар, 1980.
- Шаньгина В.В. Крестьянская торговля в Коми крае в пореформенные годы XIX века // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар, 1995.
- Leiman I.I. Fairs in northern Russia // Encyclopedia of the Barents Region. Oslo, 2016. V. 1. P. 206–208.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ КОМИ И КАРЕЛЬСКОГО НАРОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ

С.А. Тихомиров*

Степень осведомлённости населения о насущном всегда зависела от фактора отдалённости изучаемой территории от эпицентра разворачивавшихся исторических свершений. Коми край в 1812 г. входил в северо-восточные границы Вологодской губернии, призванной стать тыловым регионом Российской Империи, стоявшим на пути проникновения врага к столице государства – Санкт-Петербургу, являясь, по сути, окраинной территорией большой тылового губернского образования. Здесь, как и везде на территории Империи, люди рекрутами и по добровольному призыванию собирались в ополчение. Приходя еженедельно на воскресные проповеди православного духовенства, находясь под влиянием Императорских Манифестов, они делали пожертвования на сбор оружия и обмундирования, выбирали из своего сословий ополченцев, собирали средства в помощь беженцам и эвакуированным гражданам.

Императорский Манифест о сборе ополчения внутри страны последовал 6 июля 1812 г. Вологодский гражданский губернатор Н.И. Барш издал своё распоряжение 17 июля 1812 г. Исходя из воли Августейшей особы, комитет министров постановил *«набрать из обитающих ... в губернии народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до пяти сот человек и более, ... с теми самыми ружьями, которые они при своём промысле употребляют»*.

Весть о наполеоновском нашествии в отдаленных северных уездах Вологодской губернии, как и повсеместно, вызвала патриотический подъём. По всей губернии начался сбор пожертвований на снаряжение войск. В Вологодском крае, куда входили и коми уезды, необходимо было собрать около двадцати пяти тысяч рублей на полковые обозы для формируемых в Ярославле двух егерских и одного пехотного полка. Купцы и мещане Усть-Сысольска собрали 1600 рублей, что было значительно больше требуемой суммы. Деньги незамедлительно были отправлены в губернский центр.

В 1812 г. российское правительство для увеличения численности русской армии провело четыре рекрутских набора. Маленький Усть-Сысольск, где насчитывалось всего около тысячи жителей, выделил 53 человека, экипированных за счет городского общества и отправленных в действующую армию.

В архивах сохранился приговор мещан Усть-Сысольска о наборе рекрутов со ста душ по два человека, датированный 28 августа 1812 г. Вот текст этого документа, в котором зафиксированы имена наших земляков – защитников Отечества. «Мы, нижеподписавшиеся города Усть-Сысольска мещане, по выслушании полученного в градскую думу из Вологодского губернского правления указа и высочайшего манифеста о наборе рекрут с общего согласия приговорили отдать в рекруты: незаконнорожденного Никиту Егорова Тюрнина, законных – Якова Ефимова Забоева, Терентия Михайлова Игнатова, Василия Васильева Вежева, Степана Семенова Елькина, Николая Иванова Викулова, Якова Епифанова Улитина, Сеньку Афанасьева Забоева, Ефима Иванова Чуистова, Павла Григорьева Цивилева, Егора Григорьева, Илью Григорьева Жеребцова, Ивана Петрова Попова, Дмитрия Федосеева Михайлова, Якова Иванова Юрьева, Федора Иванова Зарубина, Афанасия Александрова Кудинова, Михаила Григорьева Фролова, Петра Иванова Бессонова, Сергея Матвеева Титова, Осипа Игнатьева Демина, Семена Иванова Осипова, Павла Васильева Фролова, Назара Иванова Сорвачева, Федора Дмитриева Титова».

В ходе рекрутских наборов 1812–1813 гг. Усть-Сысольск и 21 волость Усть-Сысольского уезда в действующую армию направили 487 рекрутов. В архивных документах сохранились красноречивые свидетельства любви к родине. Усть-сысольский мещанин Михаил Суханов подал городничему Н.Б. Самарину прошение о призыве его на действительную службу, приписав: «Желаю военную службу. Всеусердно желаю». В Яренске на подписных листах жертвователей на создание народного ополчения, по сведениям историка В. Политова, встречались слова: «Состояние не имеют. Ревнуя славе Отечества, жертвую собой, иду на службу».

Немало коми крестьян ушло на войну из других волостей обширного Коми края. Среди них, к примеру, было 89 ижемцев. Тринадцать из них сложили головы в борьбе с врагом. В процентном отношении это меньше по сравнению с выходцами из других мест. Из 74 рекрутов Усть-Сысольского уезда погибли 36. Объяснение здесь напрашивается такое: ижемские рекруты с ранних лет занимались охотой, оленеводством, хорошо владели оружием, отличались сноровкой, выносливостью.

Уже шла война, русская армия, уступавшая по численности наполеоновской, вела тяжелые оборонительные бои, когда император Александр I объявил о создании ополчения. В манифесте, подписанном 6 июля 1812 года, указывалось, что ополчение должно набираться по всем губерниям под руководством местного

* Тихомиров Сергей Алексеевич (Вологда) – директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории, главный редактор издательства «Книжное наследие».

дворянства. Вологодское дворянство, «охваченное непоколебимой любовью к Отечеству», сразу же после получения высочайшего манифеста, принялось собирать живую силу, провиант, обмундирование для немущих офицеров.

1 августа 1812 г. на совещании у усть-сысольского городского головы было принято решение отправить в народное ополчение по четыре человека от каждых 100 мещан. Стоит заметить, что государственные крестьяне (а в Коми крае крепостных крестьян не было) от участия в ополчении освобождались. Но от идеи широкого вовлечения народных масс в ополчение правительство тут же поспешило отказаться. Как отмечал московский губернатор граф Ростопчин, «мы еще не знаем, как повернется русский народ». 18 июля 1812 г. Александр I выпустил новый манифест, в котором ограничил регион формирования ополчения 16-ю центральными губерниями. Вологодская в их число не вошла. И все же, как отмечал историк, участник войны 1812 г. Михайловский-Данилевский, «хотя таким образом общее вооружение было отменено, однако не должно пройти в молчании готовность всей России устремиться к оружию».

Многие северяне участвовали в Петербургском ополчении. В июле 1812 г. вологодский гражданский губернатор Борщ получил предписание из столицы «о сборе охотников для Петербургского ополчения». Было необходимо «набрать из обитающих в губернии народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до 500 человек и более, по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют». Распоряжение было выполнено, «из обитавших в Вологодской губернии племен набраны 600 человек». Доподлинно неизвестно, сколько из них были коми, однако ревизские сказки за 1816 год позволяют установить, что из 21 волости Усть-Сысольского уезда в ополчение ушли 74 человека, 36 из них домой не вернулись. В ополчение записывались и жители Печорского края, входившего тогда в Архангельскую губернию. В Бородинской битве покрыли себя славой Архангельский и Двинской пехотные полки, сформированные из потомственных северян. Они входили в состав Западной армии, оборонявшей знаменитые Багратионовы флеши.

Из охотников Олонецкой и Вологодской губерний были сформированы две дружины – 17 и 18-я. Вологодская дружина под командованием подполковника Моренталя, состоявшая из 612 человек, после спешного обучения 18 октября выступила на фронт. В составе армии Витгенштейна обе дружины участвовали «во всех компаниях до окончания сей войны и при взятии Парижа». Лишь в сентябре 1814 г. ратники возвратились в Россию. Но переступить через порог родного дома удалось не всем. Из 593 рядовых ополченцев 18-й дружины вернулись на родину всего 194. Остальные погибли в боях, умерли от ран и болезней.

Для поддержания ополчения в Вологодской губернии было собрано 85 тыс. руб. Некоторые из имущих горожан жертвовали по тысяче рублей – крупную по тем временам сумму. Небольшой Усть-Сысольск тоже не остался в стороне от этого начинания, горожане собрали для ополчения 630 руб. Спешное отступление французской армии обернулось массовым разорением русских городов и сел. С ноября 1812 по 1814 г. были проведены две кампании по сбору средств в фонд помощи «от войны пострадавшим женам и детям, у коих мужья и отцы находятся на войне». Населением Коми края на эти цели было пожертвовано 502 руб.

Иная ситуация сложилась в Олонецкой губернии. Об этом говорят документы Национального архива Республики Карелия. В одном из архивных фондов (Ф. 278) сохранились уникальные документы о рекрутском наборе в Олонецкой губернии, что выбиралось со ста душ по два человека, в которых сохранились сведения, ранее нигде не встречающиеся. Это материалы об изменении условий принятия в рекруты, антропологические сведения об их росте, возрасте, положении в обществе, их экономическом цензе, социальном статусе, грамотности. Они позволяют проследить, как в Олонецкой губернии вставал вопрос о пополнении действующей армии временнообязанными рекрутами. Сохранившиеся документы говорят о практике отклонения от правил в приёме рекрут, как это отразилось на местном населении, а также об использовании царским правительством воинской обязанности для расправы с неугодными им крестьянами и горнозаводскими рабочими.

Немалый интерес представляют документы о подготовке к войне Наполеона. Об этом знали современники из донесений полиции. Одним из таких мероприятий было решение проблемы людских ресурсов.

Основная тяжесть воинской службы падала на крестьян – самое зависимое население России. Вызвано это было тем, что ряд категорий населения прямо или косвенно освобождался от воинской службы: такую участь ждала дворян, духовенство, купцы. Кроме сословного признака освобождение от воинской службы осуществлялось по национальному и по территориальному признаку. По итогам, приведенным Л.Г. Бескровным, получилось, что от пяти до шести миллионов человек в середине XIX в. было освобождено от воинской повинности. И поэтому вполне естественным был тот факт, что правительство с началом военных действий столкнулось с проблемой нехватки людских резервов.

Для решения этого вопроса был внесён ряд изменений в требования приёма рекрут. В наставлениях о приёме временных военнослужащих от Олонецкого губернского правления отмечались нововведения общего порядка. Во-первых, в 1812 г. возрастной ценз приёма увеличивался. Если раньше принимались мужчины не моложе восемнадцати лет, но не старше тридцати семи, но теперь также не моложе восемнадцати, но

не старше сорока лет. Во-вторых, требования к рекрутам в росте уменьшались на один вершок, разрешалось теперь принимать не ниже двух аршин и двух вершков (то есть, примерно 154 см). Эти меры были вызваны и тем, что в Олонецкой губернии в основном все были низкорослые. В-третьих, теперь разрешалось принимать в рекруты мужчин, имеющих телесные пороки или недостатки, которые не мешали шить им амуницию, владеть и действовать ружьём. На основании этого, в 1812 г. уже не браковали редковолосых, разноглазых и косых, если не умели, хоть как-то объясняться, не имеющих до шести ли до восьми боковых зубов. То есть, главное было, чтобы были в целости передние зубы, предназначавшиеся для скусывания патронов (НАРК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 12 об.).

В Олонецкой губернии встречались случаи ложных показаний. Так, Василий Никитин и Тихон Анисимов заявили о своей негодности к воинской службе. Первый рекрут жаловался на сквозную рану на левой щеке, затруднявшую приём пищи, а второй рекрут прикинулся малоумным. Для выяснения правды Василия Никитина пригласили в рекрутское присутствие, где ему опытным путём давали пищу, а затем – воду. Когда он надувал щёки, закрыв рот, то вода не вытекала. Закончив этот «опыт», выяснилось, что на щеке у него, действительно, имелась маленькая впадинка, которая, однако, была признана не сквозной. С Тихоном Анисимовым поступили иначе... Для его освидетельствования были привлечены односельчане, их опросили, в результате этой процедуры, которые подтвердили, что ранее слабоумием Тихон Анисимов не страдал.

Эти случаи ещё раз подтверждают тот факт, что истинного и высокого чувства патриотизма среди населения не наблюдалось. Крестьяне пытались отклониться от службы не только лжепоказаниями, но и бегством. С отправлением рекрутских партий в Санкт-Петербург правительство столкнулось ещё с одной проблемой. В город приходили партии рекрут «обременённые болезнями и изнурениями, и делаемых ими в пути в большом числе побегов» (НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 76/515. Л. 89). Чтобы это предотвратить, городская и земская полиция предохраняла партийных офицеров от следования через места, где наблюдались эпидемии тех или иных болезней, следили за тем, чтобы в растахах и ночлегах партиям предоставляли лучшие продукты и вино в определённой порции для предупреждения всякого изнурения. Что касается побегов, то было сделано распоряжение о сыске и поимке бежавших рекрут (Там же. Л. 89).

Кроме условий приёма сохранились подробные сведения обо всех рекрутах, которые были представлены к приёму на работу со ста душ по два человека:

1. Никита Дмитриев, холостой, 27 лет, рост два аршина, три $\frac{1}{2}$ вершка, неграмотный, в штрафах не бывал;
2. Николай Петров, женатый, 20 лет, рост два аршина, четыре $\frac{1}{2}$ вершка, неграмотный, в штрафах не бывал;
3. Алексей Тимофеев, холостой, 18 лет, рост 2 аршина, три вершка, неграмотный, в штрафах не бывал и т.д. (НАРК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 17).

Исходя из этих сведений, можно прийти к выводу, что олонечские рекруты были невысокого роста. Зная, чему равняется аршин и вершок, можно подсчитать, что рост самого высокого рекрута Василия Филиппова равнялся 180 см, а самым низким оказался Яков Сафонов, рост которого достигал всего-навсего 143 см. Средний рост рекрут был от 150 до 160 см.

По этому набору в рекруты ушло из трёх уездов около пятисот сорока человек. Только шесть из них, а это примерно один процент, оказалось грамотными. В Олонецком уезде – двое грамотных, в Лодейнопольском уезде – один грамотный человек, в Вытегорском уезде – трое грамотных. Как видно из этих цифр, уровень грамотных среди крестьян был ещё очень низок. Несмотря на то, что эти данные только за 1812 год по набору со ста душ по два рекрута, можно предположить, что похожая ситуация была и с другими рекрутскими наборами. Вероятней всего, такой низкий процент грамотных был закономерен для всей России в XIX в.

Опираясь на данные по возрасту, можно проследить, что во время набора были отмечены отклонения от нормы. Так, например, в рекруты должны были брать мужчин с восемнадцати до сорока лет. Однако встречаются и гораздо более молодые мужчины (и 17-, и 16-, и 15-, и 14-, и 13-летние юнцы-военнослужащие).

Среди рекрут встречались мужчины, которые шли на войну за семьи богатых олончан и государственных крестьян, получая за это денежное вспомоществование. Таких было зафиксировано шесть человек по набору со ста душ по два рекрута. Оплачивалась эта услуга по-разному – от 600 до 1300 рублей. Были среди рекрут такие жители Олонецкого края, которые попадали на службу за недоимки, неповиновение властям, правонарушения, за отсутствие ремесла. Так, например, за Николаем Осиповым числилась недоимка за 1812 год расходных пять рублей, рекрутских десять рублей, и всего пятнадцать рублей (Там же. Л. 149), за что он и был отправлен в рекруты. Всего за недоимки и неимение в городе Олонце торгового дома и ремесла на службу было отправлено девять человек. В добавок, за распутное поведение на войну отправили С.А. Свеникова, М.Ф. Чернышева, А. Емельянова, Н. Осипова.

Таким образом, становится видно, что правительство умело расправляться с неугодными ему людьми, отправляя в рекруты нарушителей порядка и должников.

Любопытен тот факт, что рекрутские наборы один за другим проходили по шестой ревизии, и никто не учитывал, что после каждого набора численность жителей Олонецкого края сокращалась. Кроме этого, в 1812 г. был зафиксирован голод и в Олонецкой губернии, что в свою очередь так же отрицательно сказалось на местном населении, и не удивительно, что среди рекрут встречаются ребята от тринадцати до семнадцати, которых по закону не должны были брать на войну.

Среди олонецких защитников были в основном представители социальных низов. Такая ситуация складывалась не только в одной губернии, но и по всей России. Поэтому на примере олончан можно проследить и такую историческую закономерность: Россию от врагов защищали, как правило, малоимущие слои населения, те, кто не мог откупиться от рекрутчины.

Источники и литература

История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.

История Коми АССР. Сыктывкар, 1981.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1.

История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1.

Национальный архив Республики Карелия. Ф. 278.

Национальный архив Республики Коми. Ф. 37. Оп. 5. Д. 76/515.

Национальный архив Республики Коми. Ф. 278. Оп. 1. Д. 1/1.

РЕКРУТЫ, НАБРАННЫЕ В РУССКУЮ АРМИЮ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ В 1833-1874 ГОДАХ

*Ф.Н. Иванов**

В 1833–1874 гг. российские вооруженные силы комплектовались на основе рекрутской повинности – обязанности податных сословий (мещан и крестьян «разных прозваний») выставять требуемое государству число новых солдат. Рекрутчина была одной из самых тяжелых государственных повинностей, срок военной службы был весьма продолжительным, хотя после Крымской войны и подвергся заметному сокращению. Основные мероприятия по подготовке и проведению рекрутских наборов проводились в губерниях и finalizировались в рекрутских участках (в рассматриваемый период – в городах и волостях), где непосредственно производились раскладка повинности и отбор рекрутов. Небольшой уездный город Усть-Сысольск (нынешний Сыктывкар), в котором, например, в 1833 г. насчитывалась всего 891 ревизская душа мужского пола [1], а в 1874 г. – 1211 ревизских душ мужского пола [2], также был отдельным рекрутским участком. Полноценное изучение истории рекрутской повинности на уровне отдельного населённого пункта невозможно без установления имен всех рекрутов, набранных в армию с его территории. Последнее имеет и большое значение для мемориализации памяти о горожанах Усть-Сысольска–Сыктывкара XIX в., в данном случае служивших в составе Русской императорской армии.

Целью исследования являлось составление полного списка мещан г. Усть-Сысольска, набранных в рекруты в 1833–1874 гг., который и приводится далее в виде приложения к настоящей статье. Период 1833–1874 гг. выбран, поскольку был отдельным этапом в развитии рекрутской повинности в России, хронологические границы которого обусловлены вступлением в действие нового Рекрутского устава 1831 г. и отменой рекрутчины в 1874 г. В списке, помимо фамилий, имен и отчеств рекрутов, приводятся данные о том, сколько рекрутов по манифесту или раскладке планировалось набрать с мещанского общества г. Усть-Сысольска в каждый конкретный набор и указывается статус новобранцев (очередной**, добровольно за своё семейство и городское общество, вне рамок набора, по найму, зачтена рекрутская зачётная квитанция). Данные о наемниках, добровольцах и тех, кто поступил в армию вне рамок наборов, приводятся не по году, в котором люди поступили в армию, а по году, в котором полученные за них зачётные рекрутские квитанции были представлены в рекрутское присутствие. При этом указания на время реального поступления на военную службу указанных лиц также имеются в списке. Такой подход лучше отражает результаты рекрутских наборов.

В качестве источников для составления списка рекрутов были привлечены законодательные акты – манифесты и указы о рекрутских наборах***, а также делопроизводственные материалы, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Коми (НАРК). Законодательные акты необходимы для выявления нормативов рекрутских наборов. Например, рекрутский набор 1866 г. был отменен в Усть-Сысольском уезде, а набор 1868 г. – во всей Вологодской губернии [3]. Однако рекруты, которых требовалось взять с населения г. Усть-Сысольска в эти наборы, были взяты как дополнительные в наборы последующих лет – так, если в 1869 г. по России требовалось по четыре рекрута с 1000 душ, то в Вологодской губернии – по пять, а в Усть-Сысольске – уже по семь рекрутов [4]. Особое значение данная информация приобретает в случае, если сведения о рекрутах сохранились только в очередных рекрутских и посемейных списках.

Делопроизводственные материалы позволяют конкретизировать, сколько рекрутов было запланировано набрать по «раскладке», увидеть практику и результаты набора рекрутов. Документы НАРК о рекрутских наборах в г. Усть-Сысольске хранятся преимущественно в трёх фондах: Ф.275 – Усть-сысольское уездное рекрутское присутствие, Ф.118 – Усть-Сысольская городская дума, Ф.120 – Усть-Сысольская городская управа. Рекрутские присутствия – временные комиссии, ответственные за сбор рекрутов на определенной территории, основные функции которых заключались в определении правильности представления человека в рекруты по формальным показателям, проведении медицинского освидетельствования рекрута на его годность к во-

* **Иванов Федор Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета.

** В 1833–1862 гг. раскладка рекрутской повинности в г. Усть-Сысольске определялась по очередной системе исправления рекрутской повинности, с 1863 г. – по жеребьевой системе. Однако в данном случае мы оставили понятие «очередной» как отличительный признак, что человек поступил в армию в соответствии с принятыми правилами исправления рекрутской повинности в обычном порядке и не воспользовался правом на рекрутские замены (подробнее о системах исправления рекрутской повинности см.: Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний). М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 48–57, 115–116.

*** Опубликованы в Перовом и Втором собраниях Полного собрания законов Российской империи. Также их копии сохранились в делах о рекрутских наборах в фондах НАРК.

енной службе, приеме человека на службу и документальном закреплении данного факта. В результате работы присутствия каждому рекрутскому отдатчику выдавалась специальная квитанция, в которой указывалось, в полном или же не в полном объеме выполнена рекрутская повинность его обществом, и перечислялись поименно принятые на службу рекруты. Таким образом, специфика деятельности рекрутского присутствия определяла относительно небольшой, но достаточный объем информации о рекрутах. К сожалению, в реальности из этого объема сохранились разрозненные данные только по 10 рекрутским наборам в г. Усть-Сысольске. Это «рописания» Вологодской казенной палаты о числе рекрутов, которых требовалось набрать, объявления отдатчиков о доставке рекрутов, приемные рекрутские росписи и выданные отдатчикам из нашего города квитанции рекрутского присутствия. Последние имеют наибольшее значение для составления рекрутских списков, поскольку в них указывалось общее число принятых рекрутов с поименным их перечислением. К сожалению, в делах указанных фондов НАРК сохранилось только 18 таких квитанций, в то время как рекрутских наборов было проведено 25.

В документах фондов Усть-Сысольских городской думы и в пореформенную эпоху также городской управы в наибольшей степени проявляется основное достоинство государственного делопроизводства как исторического источника – комплексный характер его формирования и последующего хранения. Большие массивы таких источников отложились в виде 27 дел о проведении рекрутских наборов. В этих делах встречаются практически все разновидности делопроизводственных материалов – циркуляры, отношения, рапорты, прошения населения, «рописания» о числе рекрутов, объявления отдатчиков о доставке рекрутов, приемные рекрутские росписи и квитанции рекрутского присутствия. Кроме того, в указанных делах имеются очередные рекрутские списки мещан (1835, 1837 и 1847 гг.), посемейные списки мещан (1861 г.) и книги учета населения для рекрутских наборов (1854 и 1860 гг.). В последних разновидностях делопроизводственных материалов содержатся ценные сведения по рекрутской повинности (имена рекрутов с указанием наборов, когда их забрали в армию, указания о принадлежности к семействам, состав семейств). В случае отсутствия квитанций рекрутского присутствия привлекалась информация всех указанных списков, однако она потребовала уточнения и перепроверки.

В целом же имеющиеся источники позволили достичь цели исследования – выявить имена всех рекрутов, набранных в г. Усть-Сысольске в армию в 1833–1874 гг., что потребовало комплексного использования законодательных актов и делопроизводственных материалов, обобщения, анализа и перепроверки данных делопроизводственных материалов, сохранившихся в трех фондах НАРК.

Несомненно, получившийся в итоге список рекрутов (см. Приложение) необходимо дополнить рядом важных данных (вероисповедание, возраст и рост рекрутов, их семейный статус, наличие детей, владение ремеслами, уровень грамотности, номера семейства рекрута в очередном списке и в ревизских сказках), однако поиск подобной информации является уже новым самостоятельным исследованием. Тем не менее данный список имеет не только мемориальную ценность. Так, он показывает несколько любопытных тенденций в практике исполнения рекрутской повинности в уездном городе Усть-Сысольске в 1833–1874 гг. Первое, что бросается в глаза – отсутствие рекрутской «недоимки», то есть, все наборы были выполнены устьсысольцами в срок и в полном объеме. Второе, что так же можно заметить – большинство рекрутов были очередными, число добровольцев, наёмников и внесённых вместо людей рекрутских зачётных квитанций, а также мещан, отданных в рекруты в виде наказания, было небольшим. Так, всего в 1830–1870-е гг. устьсысольскому мещанскому обществу было зачтено 195 рекрутов, из числа которых добровольно отправились в армию три человека или 1,5% от общего числа (за них мещанское общество получило и использовало рекрутские зачётные квитанции), 14 рекрутов или 7,1% – были наемниками, ещё за 3 (1,5%) были сданы рекрутские зачётные квитанции их семьями, а 6 человек или 3% рекрутов отправились в армию по приговору суда за уголовные преступления, либо же «за укрывательство от рекрутства». Интересно и то, что полученные богатыми устьсысольцами за сданных ими наёмников рекрутские зачётные квитанции могли храниться по домам до 10 лет, прежде чем предъявляться в рекрутские присутствия для зачёта. Наконец, из списка можно узнать и имя последнего рекрута в истории Усть-Сысольска – им стал Андриан Софониев сын Цивилев.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 118. Оп. 1. Д. 922. Л. 12–13.
2. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 84. Л. 112.
3. Манифест о производстве в 1867 году рекрутского набора с обеих полос империи от 20 октября 1866 г. // НАРК. Ф. 275. Оп. 1. Д. 66. Л. 3; Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний). М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 89.
4. О производстве в 1869 году рекрутского набора с обеих полос империи: манифест от 25 октября 1868 г., № 46391 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 43. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, 1873. С. 371–372; НАРК. Ф. 275. Оп. 1. Д. 93. Л. 9.

Список рекрутов, набранных в городе Усть-Сысольске в 1833–1874 гг.****

1833 год, 98-й рекрутский набор, 3 рекрута по раскладке:

1. Дмитрий Андреев сын Клыков, очередной
2. Андрей Афанасьев сын Кузнецов, очередной
3. Дмитрий Филиппов сын Темноев, очередной

1835 год, I очередной частный рекрутский набор с Северной полосы (рекрутов по раскладке), по манифесту 5 рекрутов:

1. Степан Васильев сын Коданев, очередной
2. Прокопий Иванов сын Сорвачев, очередной
3. Василий Андреев сын Сорвачев, очередной
4. Иван Васильев сын Малыгин, очередной
5. Павел Иванов сын Молодцов, очередной
6. Тимофей Афанасьев Чуистов (добровольно за своё семейство и городское общество)

1836 год, общий рекрутский набор с обеих полос империи (рекрутов по раскладке), по манифесту 5 рекрутов:

1. Иван Васильев сын Фролов, очередной
2. Андрей Тимофеев сын Зарубин, очередной
3. Иван Семенов сын Фролов, очередной
4. Степан Игнатьев сын Улитин, очередной
5. Дмитрий Степанов сын Клыков, очередной
6. Фёдор Михайлов сын Маегов, очередной
7. Дмитрий Степанов сын Маегов, очередной
8. Василий Феофилактов сын Елькин, очередной
9. Ефим Семенов сын Шешуков (вне набора, по приговору палаты уголовного и гражданского суда)

1837 год:

1. Михайло Ильин сын Маегов (вне набора, по приговору палаты уголовного и гражданского суда)
2. 1838 год, II очередной частный рекрутский набор с Северной полосы, 6 рекрутов по раскладке:
3. Андрей Иванов сын Кайдалов, очередной
4. Данило Иванов сын Елькин, очередной
5. Пётр Иванов сын Базов, очередной
6. Евдоким Александров сын Надеев, очередной
7. Андрей Афанасьев сын Комлин, очередной
8. Зачтена за общество рекрутская зачётная квитанция, выданная мещанскому обществу за Александра Павлова сына Молодцова, добровольно поступившего в рекруты за своё семейство и общество в 1835 г.

1840 год, общий рекрутский набор с обеих полос империи, 5 рекрутов по раскладке:

1. Зачтена за общество рекрутская зачётная квитанция, выданная мещанскому обществу за поступившего в 1839 г. в зачёт будущих наборов Ивана Павлова сына Осипова
2. Максим Андронов сын Жижев, очередной
3. Евдоким Яковлев сын Сорвачев, очередной
4. Антипа Максимов сын Осипов, очередной
5. Петр Игнатов сын Демин, очередной, очередной
6. Иван Иванов сын Куштаков (вне набора, по приговору палаты уголовного и гражданского суда)

1841 год, III очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, 5 рекрутов по раскладке:

1. Степан Иванов сын Куштаков, очередной
2. Иван Степанов сын Титов, очередной

**** Составлен по: НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1195. Л. 1–2; Д. 1203. Л. 9об.–110об.; Д. 1229. Л. 1об.; Д. 1298. Л. 40–105; Д. 1356. Л. 8–83; Д. 1407. Л. 7об.–74; Д. 1515. Л. 5об.–55; Д. 1528. Л. 3; Д. 1608. Л. 33об.; Д. 1618. Л. 2–2об.; Д. 1869. Л. 71; Д. 1997. Л. 1–46об., 54об.; Д. 2097. Л. 10об.–105; Д. 3145. Л. 1–59; Д. 3157. Л. 1–12 об.; Д. 3229. Л. 1а об.–122; Д. 3420. Л. 18, 80об.; Д. 3744. Л. 140об.; Ф. 120. Оп. 1. Д. 11. Л. 136об., 149 об., 153об., 267; Ф. 275. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об.–2, 8–8об.; Д. 6. Л. 1; Д. 10. Л. 1об.–7, 9об.–10; Д. 14. Л. 19об.; Д. 16. Л. 15–15 об.; Д. 22. Л. 34–34об.; Д. 52. Л. 11об.; Д. 59. Л. 1; Д. 60. Л. 1–4; Д. 66. Л. 3; Д. 67. Л. 7об.–8; Д. 70. Л. 15–15об.; Д. 71. Л. 1–1об.; Д. 93. Л. 9–48; Д. 111. Л. 5об.–6, 55об.; Д. 211. Л. 66об., 75об.–76, 72–72об., 80об., 83об.–84.

3. Григорий Матвеев сын Жижев (по найму за семейство М.С. Тренина, квитанция зачтена в тот же набор)
4. Иван Цивилев (по найму за семейство К.Л. Фролова)
5. Иван Цивилев (по найму за семейство Я.С. Цивилева, квитанция зачтена в тот же набор)
6. Зачтена за семейство С.И. Забоева рекрутская зачётная квитанция, выданная ему за охотника Якова Пахомова сына Фомина в 1835 г.

1843 год, IV очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, по манифесту 5 рекрутов:

1. Иван Ефимов сын Сорвачев, очередной
2. Иван Емельянов сын Михайлов, очередной
3. Ефим Яковлев сын Сорвачев, очередной
4. Василий Мосеев сын Сорвачев, очередной
5. Григорий Фёдоров сын Мартынов, очередной
6. Илья Елисеев сын Молодцов, очередной
7. Василий Феофилактов сын Елькин, очередной
8. Афанасий Михайлов сын Осипов (заменён в 1844 г. Ильей Елисеевым сыном Молодцовым)

1845 год, V очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы (7 рекрутов по раскладке):

1. Павел Яковлев сын Лыткин, очередной
2. Михайло Григорьев Сорвачев, очередной
3. Алексей Мосеев сын Сорвачев, очередной
4. Григорий Иванов сын Цивилев, очередной
5. Елисей Алексеев сын Жижев, очередной
6. Зачтена за семейство И.С. Забоева рекрутская зачётная квитанция, выданная ему за охотника Ивана Яковлева сына Забоева в 1835 г.
7. Зачтена за семейство В.Ф. Жеребцова рекрутская зачётная квитанция, выданная ему за охотника Михаила Павлова сына Молодцова в 1840 г.

1847 год, VI очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, 5 рекрутов по раскладке:

1. Андрей Михайлов сын Осипов, очередной
2. Иван Григорьев сын Титов, очередной
3. Николай Дмитриев сын Демин, очередной
4. Зачтена за семейство А.Д. Забоева рекрутская зачётная квитанция, выданная ему за охотника Фёдора Пахомова сына Фомина в 1835 г.
5. Зачтена за семейство братьев Ивана, Ефима и Михаила Сухановых рекрутская зачётная квитанция, выданная ему за охотника Андрея Андреева сына Сорвачева в 1845 г.

1848 год, VII очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, 7 рекрутов по раскладке:

1. Степан Степанов сын Посников, очередной
2. Андриан Васильев сын Цивилев, очередной
3. Павел Иванов сын Молодцов, очередной
4. Дмитрий Семенов сын Забоев, очередной
5. Михайло Иванов сын Шешуков, очередной
6. Иван Степанов сын Попов, очередной
7. Пётр Чуйстов (по найму за семейство И.Г. Жеребцова, квитанция зачтена в тот же набор)

1849 год, VIII очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, 5 рекрутов по раскладке:

1. Иван Ефимов сын Сорвачев, очередной
2. Пётр Григорьев сын Фролов, очередной
3. Иван Павлов сын Титов, очередной
4. Андрей Михайлов сын Есев, очередной
5. Андрей Иванов сын Фролов, очередной

1851 год, IX очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, 5 по раскладке:

1. Филипп Иванов сын Попов, очередной
2. Александр Иванов сын Титов, очередной
3. Максим Гаврилов сын Кузнецов, очередной
4. Алексей Дементиев сын Цивилев, очередной
5. Иван Васильев сын Молодцов, очередной

1853 год, X очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, 12 рекрутов по раскладке:

1. Степан Яковлев сын Вежов, очередной
2. Антипа Григорьев сын Молодцов, очередной

3. Сиверьян Семенов сын Михайлов, очередной
4. Николай Егоров сын Тентюков, очередной
5. Алексей Яковлев сын Лыткин, очередной
6. Василий Алексеев сын Шешуков, очередной
7. Дмитрий Степанов Заболоцкий, очередной
8. Андрей Григорьев сын Безсонов, очередной
9. Андрей Андреев сын Коданев, очередной
10. Андрей Иванов сын Цивилев (по найму за семейство Ф.И. Старцева, квитанция зачтена в тот же набор)
11. Андрей Васильев сын Демин, очередной
12. Фёдор Михайлов сын Жеребцов, очередной

1854 год, XI очередной частный рекрутский набор с Восточной полосы, по манифесту 12 рекрутов:

1. Яков Стахеев сын Сорвачев, очередной
2. Иван Степанов сын Никитин, очередной
3. Иван Дмитриев сын Лыткин, очередной
4. Егор Алексеев сын Клыков, очередной
5. Михайло Иванов сын Тентюков, очередной
6. Модест Максимов сын Фролов, очередной
7. Алексей Никифоров сын Титов, очередной
8. Григорий Максимов сын Цивилев, очередной
9. Алексей Васильев сын Лыткин, очередной
10. Ефим Григорьев сын Безсонов (по найму за семейство А.Л. Заболоцкого, квитанция зачтена в тот же набор)
11. Мартемьян Тентюков, очередной
12. Дмитрий Филиппов сын Фролов, очередной
13. Иван Никитин сын Жеребцов, очередной
14. Иван Никитин сын Осипов, очередной

1855 год, XII очередной частный с Восточной полосы, 9 рекрутов по манифесту:

1. Никита Петров сын Елькин, очередной
2. Тарас Афанасиев сын Сорвачев, очередной
3. Иван Степанов сын Тентюков, очередной
4. Пётр Прохоров сын Забоев, очередной
5. Степан Егоров сын Юрьев, очередной
6. Иван Егоров сын Сорвачев, очередной
7. Андрей Иовлев Жеребцов, очередной
8. Михайло Васильев сын Жеребцов, очередной
9. Кирилл Иванов сын Елькин, очередной
10. Игнатий Николаев Сорвачев, очередной
11. Семён Анисимов сын Забоев, очередной
12. Иван Яковлев сын Забоев (по найму за семейство Ф. и А. Забоевых, квитанция зачтена в набор)

1855 год, общий рекрутский набор, по манифесту 10 рекрутов:

1. Фёдор Яковлев сын Шешуков, очередной
2. Фёдор Гаврилов сын Улитин, очередной
3. Иван Фёдоров сын Осипов, очередной
4. Митрофан Софониев сын Цивилев, очередной
5. Василий Васильев сын Фролов, очередной
6. Мосей Васильев сын Сорвачев, очередной
7. Василий Емельянов сын Сорвачев, очередной
8. Григорий Максимов сын Осипов, очередной
9. Акиндин Афанасьев сын Маегов, очередной
10. Павел Михайлов Фролов, очередной
11. Василий Иванов сын Клыков, очередной
12. Пётр Харлампиев Елькин, очередной

В 1856–1862 гг. рекрутские наборы в России не проводились.

1863 год, весенний набор был отменён в Вологодской губернии.

1863 год, осенний набор (11 рекрутов по раскладке):

1. Егор Касьянов сын Молодцов (по найму за семейство И.М. Сорвачева, квитанция зачтена в тот же набор)
2. Павел Сергеев сын Фролов, очередной
3. Евдоким Бобин, очередной
4. Алексей Лукин сын Кудинов, очередной
5. Семен Егоров сын Юрьев, очередной
6. Алексей Фёдоров сын Кузькоков (в 1867 г. возвращён из армии, взамен него взят Алексей Алексеев сын Рюмин)
7. Кирилл Яковлев сын Заболоцкий, очередной
8. Васильев Дмитриев сын Цивилев, очередной
9. Михайло Афанасьев сын Фролов, очередной
10. Прокопий Сергеев сын Никитин, очередной
11. Михайло Титов сын Безсонов, очередной

1864 год – набор в Усть-Сысольском уезде не проводился.

1865 год (6 рекрутов по раскладке):

1. Назар Дмитриев сын Кайдалов, очередной
2. Никанор Егоров сын Елькин, очередной
3. Григорий Иванов сын Тентюков, очередной
4. Егор Аникиев сын Титов, очередной
5. Егор Дмитриев Коданев, очередной
6. Николай Петров сын Латкин, очередной

1866 год: набор в Усть-Сысольском уезде отменён.

1867 год (6 рекрутов по раскладке):

1. Яков Петров сын Шешуков, очередной
2. Семен Иванов сын Комлин, очередной
3. Прокопий Алексеев сын Клыков, очередной
4. Фёдор Антипов сын Тентюков, очередной
5. Фёдор Иванов сын Тентюков, очередной (в 1873 г. возвращён со службы)
6. Зачтена за Илью Алексеева сына Цивилева рекрутская зачётная квитанция, выданная его семейству за охотника Максима Иоакимова сына Сорвачева в 1863 г.
7. 1868 год – набор в Вологодской губернии был отменён

1869 год (8 рекрутов по раскладке):

1. Кирилл Сергеев сын Цивилев, очередной
2. Андрей Петров сын Жеребцов, очередной
3. Михайло Павлов сын Титов, очередной
4. Василий Яковлев сын Фролов, очередной
5. Афанасий Андреев сын Сорвачев, очередной
6. Василий Петров сын Кайдалов, очередной
7. Константин Дмитриев сын Лыткин, очередной
8. Внесена от общества мещан рекрутская зачётная квитанция, полученная за Доментиана Суханова, сданного в рекруты в 1867 г. вне рамок набора в наказание за укрывательство от рекрутства в набор 1863 г.

1870 год (7 рекрутов по раскладке):

1. Григорий Стахив сын Сорвачев, очередной
2. Стефан Дмитриев сын Сорвачев, очередной
3. Дмитрий Федосиев сын Забоев, очередной
4. Иван Максимов сын Сорвачев, очередной
5. Илья Гаврилов сын Улитин, очередной
6. Антон Васильев сын Фролов, очередной
7. Зачтена за Андрея Андреева сына Улитина рекрутская зачётная квитанция

1871 год (8 рекрутов по раскладке):

1. Ефим Филиппов сын Сорвачев, очередной
2. Павел Степанов сын Нечаев, очередной
3. Андрей Андреев сын Малыгин, очередной
4. Василий Андреев сын Молодцов, очередной
5. Пётр Иванов сын Сорвачев, очередной

6. Иван Андреев сын Посников, очередной
7. Матвей Якимов сын Молодцов, очередной
8. Пётр Иванов сын Тентюков, очередной

1872 год (7 рекрутов по раскладке):

1. Николай Павлов сын Цивилев, очередной
2. Александр Архипов сын Темноев, очередной
3. Василий Михайлов сын Вежев, очередной
4. Иван Степанов сын Клыков, очередной
5. Василий Андреев сын Жижев, очередной
6. Петр Васильев сын Жеребцов (впоследствии заменён зачетной рекрутской квитанцией)
7. Дмитрий Григорьев Безсонов, очередной
8. Павел Алексеев (как вернувшийся из «отлучки»)

1873 год (7 рекрутов по раскладке):

1. Семен Павлов сын Михайлов, очередной
2. Николай Васильев сын Малыгин, очередной
3. Андрей Ильин сын Цивилев, очередной
4. Константин Егоров сын Сорвачев, очередной
5. Александр Григорьев сын Юрьев, очередной
6. Петр Ильин сын Улитин, очередной
7. Яков Емельянов сын Михайлов (вне рамок набора, как вернувшийся из отлучки взамен принятого в 1867 г. Фёдора Иванова сына Тентюкова).

1874 год (7 рекрутов по раскладке):

1. Андрей Алексеев сын Елькин, очередной
2. Степан Алексеев сын Титов, очередной
3. Иван Петров сын Забоев, очередной
4. Степан Петров сын Лыткин, очередной
5. Василий Созонов сын Попов, очередной
6. Зачтена за Михаила Иванова сына Фролова рекрутская зачётная квитанция
7. Андриан Софониев сын Цивилев, очередной

СЕЛЬСКИЕ ЯРМАРКИ КОМИ КРАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

*И.И. Лейман***

Природные и климатические условия северо-востока Европейской России (Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии и восточная часть Мезенского уезда, с 1891 г. – самостоятельный Печорский уезд Архангельской губернии) оставляли населению достаточно ограниченный круг занятий. Северная часть района представляла собой моховую тундру, поросшую мелким кустарником. Остальная часть территории была почти сплошь покрыта лесом; редкие поселения края сосредотачивались по течению крупных рек и были удалены от уездных центров. Основными водными артериями района являлись реки Вычегда и Печора с их многочисленными притоками: Ижмой, Цильмой, Сысолой, Вымью и др. [1]. Главными занятиями местного населения были охота и рыболовство; земледелие в районе практически не развивалось. «При поздних весенних утренниках и ранних осенних заморозках, несмотря на влажность почвы и луга с травой в рост человека, земледелие становится почти совершенно невозможным, и звероловство остается единственным промыслом, обеспечивающим существование туземца», – писал в своем отчете архангельский губернатор [2]. Все мужское население по осени уходило в леса и проводило там зиму; объектами охоты служили белка, заяц, горностай, куропатка, рябчик. Из других видов промыслов развивались рыболовство, лесной промысел (рубка и сплав леса), плотничный и бондарный промыслы, производство войлока. В северных частях района было развито оленеводство, продукция которого – кожи, шерсть, рога, мясо – являлась выгодным предметом торга и обмена; в южных частях района в незначительных размерах существовало земледелие [3].

Географические и природные условия огромных по площади и малонаселенных Мезенского, Усть-Сысольского и Яренского уездов способствовали формированию альтернативных уездным городам центров торговли и проведения ярмарок. Уже в конце XVIII в. ярмарки проводились в Туглиме и Усть-Выми, в деревне Кривонаволоцкой и в Оквадском погосте Яренского уезда [4]. В Туглиме ярмарки проходили уже со второй половины XVII в. Существует легенда, что одна из жительниц Туглима, сжалившись над проходившим через село праведником, дала ему новую обувь взамен его прохудившейся, и «святой в благодарность изрек, что это место будет торговое». XVII век стал и временем расцвета туглимских ярмарок: тогда в селе проходило целых четыре годовых ярмарки. В начале XVIII в. с закрытием официального пути в Сибирь через Яренский уезд, туглимские ярмарки потеряли былую известность и стали играть местное значение [5].

В конце XVIII в. на Вашке проходила одна ярмарка (в январе), в Туглиме – четыре ярмарки (в январе, марте, июне и сентябре), в Усть-Выми – одна ярмарка (в конце января – начале февраля). Приезжие купцы торговали на этих ярмарках «лавочными товарами» и скупали у местного населения «деревенские произрастения и рукоделия» [6]. На январской ярмарке в деревне Кривонаволоцкой основным товаром была рыба, на ноябрьской в Оквадском погосте – пушнина [7].

В первой трети XIX в. ярмарок в северо-восточном ярмарочном районе не проводилось, их заменяли ежегодные сельские торжки. В январе торжки проводились в селе Важгортском и в Усть-Выми Яренского уезда, в феврале – в селах Небдинском и Печерском Усть-Сысольского уезда, в марте – в с. Печерском Усть-Сысольского уезда, в июне и сентябре – в с. Туглимском Яренского уезда [8]. Крупные торговые обороты в конце 1830-х гг. имели январские торжки в селах Важгортском и Усть-Выми Яренского уезда (около 40 тыс. руб.) и сентябрьский торжок в селе Туглимском (13 тыс. руб.) [9]. В восточной части Мезенского уезда Архангельской губернии ярмарок не проводилось. Население этой части уезда было вынуждено продавать товар по невыгодным ценам перекупщикам или везти его на ярмарки в города Пинегу и Мезень Архангельской губернии и на сельские ярмарки Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, терпя при этом большие транспортные издержки.

Сельские торжки северо-восточного ярмарочного района в совокупности с городскими ярмарками составляли годовую «ярмарочную цепь». Основная часть периодических торгов проходила в январе, когда был стабильный зимний санный путь и оканчивались сроки ряда промысловых сезонов (рыболовного и птичьего) [10]. В апреле–мае и октябре–начале ноября ярмарки не проводились из-за частой в это время года распутицы на дорогах.

В 1840–1850-х гг. в русле общего экономического подъема в стране многие торжки северо-восточного района получили статус ярмарок; в это же время в районе были учреждены новые ярмарки. В 1840-х гг. про-

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Лейман Ирина Игоревна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, зав. кафедрой Сыктывкарского государственного университета, irinaleyman@gmail.com.

должала функционировать мартовская Благовещенская ярмарка (до 1840-х гг. – торжок) в с. Печорском Усть-Сысольского уезда. Вследствие того факта, что ярмарка не была учреждена на официальном уровне и существовала «без разрешения начальства», ее торговые обороты не находили отражения в рапортах земских судов и других документах местных органов власти. Сведения о Благовещенской ярмарке в с. Печорском встречаются в источниках до середины 1860-х гг. [11].

В селе Небдинском Усть-Сысольского уезда в 1840-х гг. функционировали две ярмарки: Афанасьевская (18 января – 3 февраля) и Георгиевская (26 ноября – 6 декабря). Стечение народа на ярмарки в 1840-х гг. было совсем незначительное, например, в 1840 г. – 256 человек. Основным товаром на ярмарках были рыба, пушной товар, хлеб, сукно и хлопчатобумажные ткани. Из Мезенского уезда Архангельской губернии на ярмарки привозились олени шкуры и рыба. Георгиевская ярмарка в с. Небдинском просуществовала до 1860 г., когда по постановлению Вологодского губернского правления она была закрыта [12].

В 1844 г. была открыта ярмарка в Ижме Мезенского уезда Архангельской губернии [13]. Инициативу об учреждении ярмарки еще в начале 1840-х гг. на основании материалов отчета Архангельского губернатора за 1839 г. подали Министерство внутренних дел и Министерство государственных имуществ. «Предложение по поводу ярмарки сообразить с местными обстоятельствами» должна была Архангельская Палата государственных имуществ через Пинежского окружного начальника. Последний представил высшему руководству рапорт и приложил к нему «мирские приговоры» крестьян Усть-Цилемской и Ижемской волостей. Крестьяне всецело поддерживали открытие ярмарки и отметили, «что нужные для этого лавки они желают устроить в пользу тамошней церкви». Учреждение ярмарки, по мнению крестьян и окружного начальника, было необходимо, так как ближайшие центры проведения ярмарок находились далеко от населенных пунктов Мезенского уезда, вследствие чего крестьяне терпели большие транспортные издержки или вынуждены были продавать свой товар перекупщикам по низкой цене, что отрицательно сказывалось на благосостоянии местного населения в целом. В итоге Ижемская ярмарка со сроками проведения с 25 декабря по 6 января была утверждена Архангельским губернатором.

В 1853 г. были открыты три летние ярмарки в селах Мезенского уезда Архангельской губернии: Ижме (1 июня – 1 июля), Усть-Цильме (10–20 июля) и Куе (16–25 августа) [14]. Летние месяцы были очень удобны для крестьян: в это время проходили рыболовный и охотничий промыслы, благодаря которым была возможность поставлять на продажу различного рода продукцию. В 1870 г. сроки летней Усть-Цилемской ярмарки были изменены, и ярмарка стала проводиться с 28 мая по 3 июня [15]. Причиной изменения сроков стало несоответствие ярмарки «торговым условиям»: водный путь, по которому торговцы добирались до Усть-Цильмы «нередко изменялся в природе», и поэтому вследствие раннего половодья рек торговцы периодически приезжали на ярмарку раньше времени, а из-за непредвиденных в пути препятствий часто опаздывали к ее началу. В 1853 г. по просьбе крестьян сроки зимней ижемской ярмарки были перенесены на февраль–март (15 февраля – 3 марта). Это время было более удобно для крестьян, так как тогда в Ижемскую волость приезжали чердынские и галицкие купцы [16].

В 1854 г. с разрешения Вологодского губернского правления была учреждена ярмарка в с. Ношульском Кайтановской волости Усть-Сысольского уезда; сроки для ярмарки были назначены с 1 апреля по 1 мая, со времени разлива рек и открытия навигации. Ярмарка проходила при Ношульской пристани, которая еще в конце XVIII – начале XIX в. была важнейшим перевалочным пунктом при перевозке грузов от Вятской и Пермской губерний к Архангельску. Вероятно, неофициально Ношульская ярмарка проходила и раньше, так как ежегодно с открытием навигации на Ношульскую пристань стекалось большое количество народа, «до 10 тысяч человек, имеющих нужду в покупке и продаже разных, особенно жизненных произведений сельской промышленности» [17]. В 1857 г. была учреждена Николаевская ярмарка в с. Усть-Куломе Усть-Сысольского уезда (с 6 декабря по 6 января) [18]. В 1877 г. сроки Николаевской ярмарки были перенесены на 8–20 ноября, вследствие чего изменилось и название ярмарки: она стала именоваться Михайловская [19].

В Яренском уезде в 1850-х гг. функционировало семь ярмарок. Были открыты две ярмарки при Туглимовском погосте: Крещенская (6–13 января) и Купальницкая (24–30 июня), по одной ярмарке – в с. Турьинском (Афанасьевская, 18 января – 1 февраля), с. Усть-Вымском (Герасимовская, 28 января – 7 февраля), погосте Оквадском (Введенская, 21–25 ноября) и в деревне Кривонаволоцкой (Введенская, 21–28 ноября) [20]. Афанасьевская ярмарка в с. Турьинском и Введенская в деревне Кривонаволоцкой существовали только на бумаге – «съезда торговцев» на ярмарки практически не было, вследствие чего во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. ярмарки были упразднены [21]. 21 декабря 1863 г. в с. Усть-Вымь Яренского уезда была учреждена Благовещенская ярмарка (23–26 марта) [22]. В начале 1860-х гг. появились две зимние ярмарки в Мезенском уезде: в Усть-Цильме (1–15 ноября) и Куе (10 октября – 1 ноября) [23].

Таким образом, к середине 1860-х гг. в северо-восточном ярмарочном районе проводилось около 20 ярмарок, которые в совокупности с городскими ярмарками составляли большую годовую «ярмарочную цепь». Сро-

ки проведения некоторых ярмарок совпадали, однако в силу огромной площади территории района и большой разобщенности поселений, эти совпадения не мешали ярмаркам иметь крупные торговые обороты. Ярмарки северо-восточного района проходили практически во все месяцы года (за исключением мая), даже в апреле (при Ношульской пристани) и октябре (в северных территориях района, где к тому времени распутицы на дорогах не было).

Торговые обороты сельских ярмарок северо-восточного ярмарочного района были сравнительно высокими по причине огромной площади района, разобщенности населенных пунктов и их удаленности от уездных центров. Крупнейшими ярмарками являлись Герасимовская ярмарка в Усть-Выми, Крещенская ярмарка в с. Важгортском, Крещенская ярмарка в с. Туглимском Яренского уезда и летние ярмарки в Ижме, Куе и Усть-Цильме Мезенского уезда. Во второй трети XIX в. торговые обороты Герасимовской и ярмарок Мезенского уезда варьировались от 50 до 80 тыс. руб.; торговые обороты Крещенских ярмарок составляли около 50 тыс. руб. Объем привоза товаров на остальные сельские ярмарки северо-восточного ярмарочного района в среднем составлял сумму от 10 до 20 тыс. руб. [24].

Главными предметами торгова на ярмарках продолжали оставаться дичь и пушной товар. С Яренских и Усть-Сысольских ярмарок эти товары увозились в Москву, Санкт-Петербург, на Нижегородскую и Ростовскую ярмарки [25]. Профилирующим товаром на Афанасьевской ярмарке в Небдино Усть-Сысольского уезда была рыба. Продукция ижемцев – оленье мясо, шкуры, рога, замша – в больших количествах отвозились на ярмарку в село Важгортское [26]. На летних ярмарках Мезенского уезда приезжим из Пермской губернии торговцам в больших количествах сбывались рыба, сало и пушной товар в обмен на хлеб и другие продукты. На зимних мезенских ярмарках местные жители сбывали рыбу и пушной товар, а также замшу, которые затем увозились торговцами на Никольскую ярмарку в Пинегу и Москву. Среди привозных товаров были ткани и предметы обихода, доставляемые с Нижегородской ярмарки [27].

К концу XIX в. количество сельских ярмарок в северо-восточном ярмарочном районе почти не изменилось: открывались новые ярмарки и упразднялись незначительные по своим торговым оборотам уже существующие. Новые ярмарки были учреждены в с. Серегово Яренского уезда (Ивановская), Визинге (Рождественская, 25–31 декабря), Лойме (Введенская, 18–21 ноября), Ношуле (Рождественская, 18–25 декабря) и Помоздинском (Никольская, 10–21 декабря) Усть-Сысольского уезда. Торговые обороты новых ярмарок варьировались от 15 до 30 тыс. руб. Крупнейшими ярмарками северо-восточного района были Афанасьевская ярмарка в с. Небдино Усть-Сысольского уезда, Герасимовская в Усть-Выми Яренского уезда и Крещенская в селе Важгорт Яренского уезда; их торговые обороты в среднем составляли соответственно 140 тыс. руб., 80 тыс. руб. и 70 тыс. руб. [28].

В начале XX в. в северо-восточном ярмарочном районе главными промыслами населения по-прежнему оставались охота, рыболовство, лесные промыслы. Неразвитая сеть путей сообщения при больших размерах территории района, а также сезонный характер основных занятий населения способствовали тому, что ярмарки в районе сохраняли свое прежнее значение и большие торговые обороты. В обширных уездах много селений играло роль торговых центров [29].

В 1910-х гг. ярмарки проводились в селах Важгортском, Ленском, Серегово, Туглимском, Усть-Выми Яренского уезда Вологодской губернии. В Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии проходили ярмарки в Визинге, Вишере, Койгородке, Лойме, Небдино, Помоздино, Троицко-Печерском селе, Усть-Куломе, Пыелдино, деревне Морозовской. Крупными торговыми селами в Печорском уезде Архангельской губернии оставались Ижма, Усть-Цильма и Куя; кроме того, большое значение приобрели села Великовисочное, Мохча и Оксина. Торговые обороты многих ярмарок составляли десятки тысяч рублей. Основным направлением товарообмена являлись продажа местным населением пушного товара, дичи, кожи и покупка у приезжих торговцев хлеба, масла, льна, мануфактурных и галантерейных товаров и прочих необходимых продуктов и предметов обихода [30].

Таким образом, огромные размеры территории северо-восточного ярмарочного района при невысокой плотности населения и удаленности многих поселений от уездных центров способствовали формированию сельских ярмарочных центров, где население района могло сбывать собственную продукцию и закупать необходимые продукты и предметы обихода. Эти центры сложились уже в конце XVIII в. и продолжали функционировать на протяжении первой половины XIX в. Во второй половине XIX и даже в начале XX в. ярмарочная сеть северо-восточного района постоянно расширялась, что было обусловлено общим экономическим подъемом в крае при неразвитости сети путей сообщения, тормозившей развитие стационарной торговли.

Источники и литература

1. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли и сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 1. 1900. С. 232; Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью. Ярославль, 1900. С. 10.

лавль, 1911. С. 62–64, 127–128; Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.1. Северная лесная полоса. СПб., б.д. С. 2, 38–39; Лейман И.И. Природа как фактор развития сферы ярмарочной торговли на Европейском Севере России во второй половине XIX в. // Человек и окружающая среда. Тезисы докладов XIV Коми республиканской научной конференции студентов и аспирантов. Сыктывкар, 2004. С. 53–54; Лейман И.И. Система путей сообщения в Коми крае середины XIX в. (по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи) // Социокультурная динамика российской провинции: история и современность (на материалах Республики Коми): сб. статей Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2016. С. 52–60.

2. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2991. Л. 838; Лейман И.И. Социально-экономические и природно-географические факторы организации и проведения ярмарок на Европейском Севере России в XIX в. // Молодежный вестник. Сборник научных работ аспирантов и молодых ученых. Сыктывкар, 2006. С. 49–54.

3. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3025. Л. 217–218, 221; Всеподданнейший отчет исправляющего должность Вологодского губернатора за 1898 г. С. 1; Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли и сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 1. 1900. С. 13; Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью. Ярославль, 1911. С. 127–129; Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.1. Северная лесная полоса. СПб., б.д. С. 12, 38–39; Лейман И.И. Экономическое, религиозное и культурное значение ярмарок для населения Европейского Севера России в XIX – начале XX вв. // Культурная и природная палитра северных территорий России: материалы молодежной секции Первого Северного социально-экологического конгресса. Сыктывкар, 2006. С. 29–33; Лейман И.И. «Мысли к улучшению быта» (По страницам газеты «Вологодские губернские ведомости», 1852–1855 гг.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2010. Вып. 2. С. 134–142; Лейман И.И. Полезные советы губернской газеты. (По страницам «Вологодских губернских ведомостей» 1838–1839 гг.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. С. 13–17.

4. О ярмарках в России // Академические известия на 1781 г. Ч. 7. СПб., 1781. С. 173–174; Словарь учреждений в России ярмарок и торгов // Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. Ч. 5. С–Т. М., 1789. С. 19, 55, 60, 77, 99, 110, 114; Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 6. Кн. 4. М., 1786. С. 58; Сметанин А.Ф., Лейман И.И. Январская ярмарка в Вологде в XIX – начале XX века: из истории повседневности // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. С. 62–67; Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.

5. Вологодские губернские ведомости. 1839. 7 января. № 2. С. 13; Лукошников В. Туглимские ярмарки // Маяк. 1997. 19 сентября; Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.: Автореферат дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.

6. Словарь учреждений в России ярмарок и торгов. // Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. Ч. 5. С–Т. М., 1789. С. 19, 110.

7. Словарь учреждений в России ярмарок и торгов. // Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. Ч. 5. С–Т. М., 1789. С. 55, 77.

8. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 784. Л. 82–84; Лейман И.И. География ярмарок на Европейском Севере России: из истории в современность (PR-инструменты в организации современных ярмарок) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 1. С. 110–116.

9. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1051; Жеребцова И.И. Организация и проведение ярмарок на Европейском Севере России в середине – второй половине XIX в. // Областные и районные центры России и их округа в историческом процессе: управление, экономика, культура. Яренск, 2005. С. 20–24.

10. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961. Ст. 290. Л. 450–454, 458; Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России: организация и проведение (середина – вторая половина XIX в.) // Вестник Поморского университета: Серия «Гуманитарные и социальные науки». Вып.3. 2007. С. 16–20.

11. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408. Л. 26; Жеребцова И.И. Ярмарка как микромир Российской действительности (на примере Европейского Севера XIX века) // Тезисы докладов XV Коми республиканской молодежной конференции. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 262–263; Жеребцова И.И. Ярмарки: познание явления через анализ структуры // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: тезисы докладов. IX Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2005.

12. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 1. Д. 1051. Л. 41; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406. Л. 425–430; Вологодская Губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2. Ч. 3. СПб., 1850. С. 350; Вологодские губернские ведомости. 1860. 10 дек. № 50.

13. ГААО. Ф. 4. Оп. 23. Т. 1. Д. 411; Жеребцова И.И. Центр, где сосредотачивается общество (Ярмарки на Европейском Севере России в середине и второй половине XIX в.) // Известия Общества изучения Коми края. 2005. № 1. С. 4–12; Жеребцова И.И. Механизм сбора сведений о ярмарках в середине – второй половине XIX в. (на примере Европейского Севера России) // Коммуникации – Общество – Духовность. Ухта, 2005. С. 18–21; Leiman I.I. Fairs in northern Russia // Encyclopedia of the Barents Region. Oslo, 2016. V. 1. P. 206–208.

14. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 244.

15. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 790.

16. ГААО. Ф. 4. Оп. 15. Т. 1. Д. 244; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961. Ст. 290. Л. 450.

17. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408. Л. 26; Жеребцов И. «Славная зырянская селитьба» // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 107; Можегов А.И. Ношуль. История села. Сыктывкар, 2007. С. 30, 37–38.

18. Жеребцов И. Формирование нового центра // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 158.
19. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2070; Лейман И.И. Ярмарочная торговля в России XIX – начала XX века глазами современников // Известия Общества изучения Коми края. 2006. № 1 (7). С. 15–24; Лейман И.И. «Премудрости» и казусы ярмарочного дела в XIX – начале XX вв. (на примере Европейского Севера России) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. С. 40–52.
20. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408. Л. 23; РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406. Л. 425–430; Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 год. Вологда, 1856. С. 51–70.
21. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408; РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406. Л. 425–430.
22. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2408. Л. 23.
23. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3025. Л. 247.
24. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 2. Д. 2895; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2406. Л. 425–430; Д. 2961. Л. 483; Д. 2991. Л. 842–848; Справочная книжка для Архангельской губернии на 1870 г. С. 126.
25. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2991. Л. 6–8, 12–13, 849.
26. Арсеньев. О промышленных делах и торговых сношениях в зырянском крае. Этнографический очерк // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 год. Книга 2. С. 52, 54, 59–60.
27. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2961. Ст. 290. Л. 450; Д. 3025. Л. 249–250; Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г. Архангельск, 1870. С. 100–101; Лейман И.И. Ярмарки: как считали и как обсчитывали (охрана правопорядка и статистика на ярмарках в XIX в. на примере Европейского Севера России) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. С. 34–41.
28. Памятная книжка для Вологодской губернии на 1893–1894 гг. Вологда, 1893. С. 115; Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897. Вологда, 1896. С. 94.
29. К познанию родного края // Ежегодник Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911. С. 17.
30. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли и сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 1. 1900. С. 13; К познанию родного края // Ежегодник Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911. С. 27; Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью. Ярославль, 1911. С. 62–64, 127–129; Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 1. Северная лесная полоса. СПб., б.д. С. 38–39.

ПЕРВАЯ КОМИ ГАЗЕТА (К 100-ЛЕТИЮ КОМИ ПЕЧАТИ)*

*М.В. Таскаев***

В XIX столетии библиотеки Коми края выписывали множество центральных и губернских газет (среди последних, например, «Вологодские губернские ведомости», «Архангельские губернские ведомости»), на страницах которых публиковалось множество данных о Коми крае, но обширный регион нуждался в собственной газете.

Впервые идею об издании в Коми крае собственной еженедельной газеты на коми языке выдвинул Каллистрат Жаков. В 1909 г., выступая перед депутатами Усть-Сысольского Земского собрания, он говорил: «Газета займется изучением жизни зырян – чтобы отвлечь их от пороков, как пьянство, и познакомить их с богатствами и всеми формами труда на севере. Она опишет в своих статьях и в рассказах на родном языке их быт и нравы и пути улучшения формы жизни. Север велик, и жизнь разнообразна, следовательно, еженедельная газета, не касаясь политики, найдет обильный материал для своего содержания». Однако до 1917 г. идея издания коми газеты не была осуществлена.

После Февральской революции 1917 г. Россия в течение нескольких месяцев управлялась «посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними». В связи с этим резко возросла степень партийности масс, т.е. «их отношения к основным политическим партиям России». Подобная ситуация стала складываться и в Коми крае, где весной и летом 1917 г. стали возникать уездные, городские и волостные организации общероссийских партий, а также создаваться свои коми политические общества. Одной из первых политических объединений, возникших в Коми крае весной 1917 г., стала «Партия обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» – весьма своеобразный политический конгломерат людей с эсеровскими, кадетскими и социал-демократическими убеждениями. «Партия обновления...» появилась в Усть-Сысольске 30 апреля 1917 г. Инициаторами ее создания выступила группа местной интеллигенции во главе с В.Ф. Поповым, А.Н. Вешняковым и А.М. Мартюшевым. В составе учредителей «партии» были в основном земские служащие, учителя, медицинские работники – всего около 30 человек. В начале мая 1917 г. «Партия обновления...» трансформировалась в «Общество обновления...». В течение нескольких последующих месяцев «Общество обновления...» являлось достаточно влиятельной политической организацией в Коми регионе. Главная цель «Общества обновления...» была сформулирована его председателем В.Ф. Поповым 30 апреля 1917 г.: «Главной ближайшей и непосредственной задачей вновь организуемой партии должно быть пробуждение трудового населения Усть-Сысольского уезда к сознательной общественно-политической жизни и активное его участие в местных органах самоуправления».

Росту авторитета «Общества обновления...» и численности его рядов способствовало издание им первой в истории Коми края газеты – «Известия Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда». Решение об издании собственной газеты «Общество обновления...» приняло 30 апреля 1917 г., но только 15 мая 1917 г. комитет «обновленцев» постановил обратиться в Усть-Сысольский уездный Временный комитет (УВК) за разрешением начать производство регулярного печатного издания. В редколлегию первой коми газеты вошли В.Ф. Попов (председатель редколлегии), М.Д. Кузубожева, П.В. Митюшев, В.М. Чуистов, Е.Ф. Вежева, А.Д. Синцов (секретарь). 18 мая 1917 г. комитет «Общества обновления...» специально рассмотрел вопросы, связанные с изданием газеты (было принято решение приобрести гектограф) и ее распространением. Постановили, в частности, что в первую очередь газету будут получать «фельдшеры, кооперативы, духовенство, учителя и активные работники по Займу Свободу».

Первый номер газеты тиражом в несколько сотен экземпляров вышел в свет 18 мая 1917 г. Газета вышла всего три раза (18 мая, 7 июня и 14 июля 1917 г.), но сам факт ее появления вызвал самый широкий общественный резонанс. Газета распространялась по всему обширному Усть-Сысольскому уезду. На местах крестьяне всей волостью давали деньги на «свою коми газету», выписывали ее «на общество» в самых отдаленных уголках Коми края. Несмотря на то, что газета публиковала исключительно материалы деятельности «Общества обновления...», вопросы, которые рассматривали «обновленцы» на страницах своей газеты (о войне, о лесе, о Временном Правительстве и т.д.), интересовали всех. Отсюда и популярность газеты в Коми крае.

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Таскаев Михаил Владимирович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и этнографии, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

В фондах национального архива Республики Коми (архивохранилище № 1, фонд Р-844) сохранились два номера газеты: от 7 июня и 18 июля. Оба номера полностью русскоязычны.

«Известия Общества обновления...» от 7 июня 1917 г. почти полностью посвящены актуальному для Коми края лесному вопросу. Газета публикует обширный доклад В.Ф. Попова о лесном хозяйстве Коми края, прозвучавший на III Общем собрании «Общества обновления...» 22 мая, где докладчик называет землю, воду и леса «божьим даром» («Кто-нибудь, кроме Бога, может быть хозяином и распределителем этих прав?», – ставит вопрос В.Ф. Попов). Газета публикует резолюцию «обновленцев» по докладу В.Ф. Попова: «... Леса в конце концов составляют национальное (народное) достояние, и ... управление, надзор и хозяйствование над этим достоянием должны быть в умелых руках... Трудовой принцип, трудовое начало всякого владения – пользования – основа правовых воззрений народа на все естественные ресурсы обитаемой им территории...». Впервые в истории края лесные коми богатства были названы национальным достоянием народа!

В этом же номере «Известий Общества обновления...» напечатаны резолюции Общего собрания «обновленцев» от 22 мая 1917 г. об их отношении к продолжающейся Первой мировой войне: «Признаем необходимым укрепление боевой силы и способности нашей славной армии к оборонительным и наступательным, совместно с нашими союзниками, действиям для предотвращения возможного военного поражения России и союзников, что явилось бы не только источником величайших бедствий для Русского народа, но и отдалило бы достижение прочного мира на указанных выше началах».

«Известия Общества обновления...» от 14 июля 1917 г. печатали материалы Общего собрания «обновленцев» от 18 июня 1917 г., посвященные задачам земского и городского самоуправления в связи с изданием закона о волостном земстве, вопросу о выборе кандидатов в гласные городской Думы. Публиковались официальные документы «Общества обновления...» об их отношении к Совету крестьянских депутатов, Временному правительству, Займу Свободы и т.д. Публикуя резолюции собрания «Общества обновления...» о доверии и поддержке Временного правительства, «Известия Общества обновления...» напечатали ряд высказываний известных «обновленцев» по этому поводу. В частности, эсер М.Д. Кузьбожева прямо заявляла, что «Временное правительство состоит из ...истинных защитников народа... Керенского, Чернова...». Эсер П.В. Митюшев предлагал приветствовать вхождение социалистов во Временное правительство, поскольку «...наше Общество есть организация чисто демократическая, а истинными представителями демократии являются социалисты». Он же призывал крестьян к организации Советов крестьянских депутатов на местах.

К сожалению, в архивах пока не обнаружены документы редколлегии «Известий Общества обновления...». Непонятно, почему газета вышла всего три раза и с большим перерывом между номерами. Возможно, имели место финансовые проблемы, но надо также заметить, что уже с августа 1917 г. политическая активность «Общества обновления...» резко падает.

После проведения в Усть-Сысольске в августе 1917 г. уездного съезда Советов крестьянских депутатов, на котором были выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания от Усть-Сысольского уезда П.А. Сорокин, «Общество обновления...» фактически прекратило свою работу. 15 октября 1917 г. состоялось последнее, ликвидационное Общее собрание «Общества обновления...», на котором было принято решение о прекращении деятельности и закрытии «Общества обновления...». Этому во многом способствовало возникновение в Коми крае партийных организаций эсеров и кадетов, куда вошло большинство бывших «обновленцев». Эсеры в Яренском уезде наладили издание «Яренской газеты», в Усть-Сысольске в июне 1918 г. вышли первые (левоэсеровские) номера «Зырянской жизни». Политический конгломерат, каким было «Общество обновления...», выполнив свои узкие политические задачи (а именно – активизировав общественно-политическую жизнь в уезде) распался по партийным интересам.

Подводя итоги деятельности «Общества обновления...», надо признать, что оно оставило глубокий след в истории Коми края как первая коми национальная политическая организация и как издатель первой коми газеты. Деятельность «обновленцев», безусловно, способствовала активизации общественно-политической жизни края.

Итак, 18 мая 1917 г. – день рождения печати в Коми регионе, день выхода первой коми газеты.

Источники и литература

Жеребцов И.Л. Коми край в годы Первой мировой войны (1914–1918): хроника событий // Коми край в годы Первой мировой войны (1914–1918). Сборник документов и материалов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 20–46.

Жеребцов И.Л. Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 20 с.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 88 с.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые коми политики. Сыктывкар: Кола, 2007. 136 с.

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Отношение населения к власти в Коми крае (1917–1919). Сыктывкар, 2006,

- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Меньковский В.И. Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. С. 270–274.
- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2.
- История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2.
- Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 108 с.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 136 с.
- Связь времен. Сыктывкар, 2000.
- Таскаев М.В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург: УрО РАН. 2011. 610 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Российская тыловая провинция накануне и в годы Первой мировой войны (по материалам Коми края): социально-политические и социально-экономические процессы // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 313–319.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Русская революция в национальной провинции (на материалах европейского Северо-Востока) // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века. Материалы международной научной конференции. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 53–57.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Кузнецова Т.Л. Их объединило краеведение. Сыктывкар: Кола, 2008. 112 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Жданов Л.А., Сметанин А.Ф., Создатели Коми автономии. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 128 с.
- Чупров В.И. Коми край в трех русских революциях. Сыктывкар, 1985.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ВСЕРОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УрО РАН И КОМИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ «ПОКАЯНИЕ» (2007–2014 ГОДЫ)*

*В.И. Меньковский, М. Шмигель***

В последние годы внимание историков во все большей и большей степени обращается к проблемам советской истории, которые продолжают оставаться актуальными как для академической среды, так и для общества в целом. Несомненно, в круг этих проблем входит и история сталинизма в различных его измерениях и составляющих. Объективный анализ исторического опыта сталинского периода советской истории вновь приобретает общегражданское значение.

Исследователи Республики Коми в течение длительного времени исследуют историю политических репрессий в России, на ее Европейском Севере. Разумеется, в различные периоды времени изучение этой проблематики осуществлялось по-разному, ибо вполне понятно, что при советской системе такие темы, как, например, «красный террор» эпохи революции и Гражданской войны, политссылка советской эпохи, история лагерей и многие другие находились под запретом. Историки имели возможность анализировать «белый террор», политическую ссылку эпохи самодержавия, «борьбу с кулаками и подкулачниками» времен коллективизации, но все исследования проводились в жестко очерченных идеологических рамках, стеснявших свободу научного творчества исследователей и затруднявших возможности проведения ими объективного анализа исторических событий. Многие содержащиеся в работах названных авторов выводы в значительной мере не соответствуют современным научным представлениям. Тем не менее и в тех условиях ученым удалось собрать чрезвычайно ценный фактический материал, часть которого (увы, далеко не весь) им удалось ввести в научный оборот. Сведения, опубликованные в монографиях и сборниках документов, по сей день сохраняют свою научную ценность и востребованы.

Только во второй половине 1980-х гг. стало возможным более свободно изучать истории политических репрессий – первоначально на уровне исследований биографий отдельных личностей, подвергавшихся репрессиям. В начале 1990-х гг. уже можно было изучить все аспекты истории политических репрессий, поскольку ученым впервые представилась возможность работать с ранее секретными архивными фондами. Огромное значение имели принятие в Республике Коми программы «Покаяние» и создание благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние», а также деятельность общества «Мемориал». В многотомном мартирологе «Покаяние», материалах ряда научных конференций, в публикациях Н.А. Морозова, М.Б. Рогачева, Г.Ф. Доброноженко, В.М. Полещикова, М.В. Таскаева, Л.А. Максимовой, Н.М. Игнатовой, И.Л. Жеребцова и многих других авторов проанализированы закрытые ранее темы, пересмотрены многие прежние выводы и обобщения, введен в научный оборот огромный фактический материал.

Сыктывкар не случайно стал одним из ведущих российских научных центров изучения истории ГУЛАГа и истории политических репрессий. В годы сталинизма через территорию Коми прошли более 100 тыс. ссылных и спецпоселенцев и не менее одного миллиона заключенных, осужденных по политическим статьям.

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-19 «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

** **Меньковский Вячеслав Иванович** (Минск, Беларусь) – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; **Шмигель Михал** (Банска Быстрица, Словакия) – доктор философии, профессор Университета имени Матея Бела, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Их подневольным трудом строились северные города, железные дороги, угольные шахты и нефтепромыслы, велись лесозаготовки. Как отмечал в интервью белорусскому научному журналу «Российские и славянские исследования» директор ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН И.Л. Жеребцов, расположенная на крайнем Северо-Востоке Европы, в уголке между Северным Ледовитым океаном и Уральскими горами, Республика Коми весьма обширна (на ее территории могли бы разместиться две Республики Беларусь), щедро наделена природными богатствами (нефть, газ, уголь, лес, бокситы, титан, марганец и проч., не говоря уже о грибах-ягодах, рыбе, оленине...) и, увы, мало населена – здесь осталось меньше 900 тысяч жителей, 250 тысяч из которых живут в столице, г. Сыктывкаре. Имя многонациональной республики, в которой живут русские, белорусы, украинцы, немцы, татары и многие другие, дал народ коми, составляющий почти четверть населения и принадлежащий к финно-угорской семье, имеющий тысячелетнюю историю и обладающий богатейшей оригинальной духовной и материальной культурой. Наряду с промышленными предприятиями и объектами республика гордится своими театрами, вузами, научными учреждениями и прежде всего Коми научным центром Уральского отделения Российской академии наук, в составе которого шесть институтов и несколько самостоятельных научных отделов и лабораторий, и сотрудники которого почитают за честь заниматься изучением неисчерпаемых природных и историко-культурных богатств края и живущих здесь людей.

В 1998 г. был создан Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние». Содействие и поддержку фонду «Покаяние» оказывают Администрация Главы Республики Коми (РК) и Правительства РК, муниципальные образования РК, УФСБ РФ по РК, Министерство внутренних дел по РК, Министерство образования РК, Центр детского и юношеского туризма РК, Сыктывкарский государственный университет, Национальная библиотека РК, Национальный музей РК, Национальный архив РК, Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал», Сыктывкарская общественная организация «Мемориал», Ухто-Печорское общество «Мемориал», Воркутинская общественная организация «Мемориал», общественная организация «Сосногорский мемориал», Музей и общественный центр им. А.Д. Сахарова (Москва), программа «Возвращенные имена» (С.-Петербург).

Задачами Фонда являются общественный контроль за выполнением Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»; организация и проведение поисковых работ для составления поименных списков жертв политических репрессий и издание многотомного республиканского мартиролога «Покаяние»; участие в обозначении памятными знаками на территории Республики Коми мест компактного проживания и массовых захоронений политических репрессированных; участие в сооружении в г. Сыктывкаре, в других городах и районах республики памятников жертвам политических репрессий; материальная поддержка жертв политических репрессий.

Фонд «Покаяние» и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН приняли участие в подготовке и проведении целого ряда региональных и республиканских научных конференций и симпозиумов. Конференции проводились совместно с Министерством культуры и национальной политики РК, Сыктывкарским государственным университетом, Коми республиканской академией государственной службы и управления при Главе РК, Национальным музеем РК, Обществом изучения Коми края, Сыктывкарской общественной организацией «Мемориал».

В 2007 г. организация научных конференций вышла на качественно новый уровень – всероссийский с международным участием. Как отмечал депутат Государственной думы Российской Федерации Ю.А. Спиридонов, «этим вниманием к сыктывкарской конференции мы во многом обязаны той плодотворной деятельности, которая в течение нескольких лет осуществляется в нашей республике в рамках республиканской программы памяти жертв политических репрессий “Покаяние”, одним из наиболее зримых результатов которой можно назвать многотомный мартиролог жертв политических репрессий “Покаяние”... Над этим изданием совместно трудились и трудятся работники Фонда “Покаяние”, ученые Коми научного центра и Сыктывкарского государственного университета, активисты “Мемориала”, краеведы. Только благодаря такому дружному сотрудничеству во имя благородной цели удалось добиться того, что наш мартиролог “Покаяние” стал уникальным явлением, достойным примером для подражания. На его страницах соединились в одно целое беспристрастность ученого, любовь патриота к своей родной земле и простое, но такое нужное человеческое сопереживание».

Во Всероссийской научной конференции «Репрессивная политика и сопротивление несвободе» 29–31 октября 2007 г. приняли участие ученые-историки, правозащитники, священнослужители, работники органов власти. В день открытия конференции с приветственным словом к участникам обратились Глава Республики Коми В.А. Торлопов, епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим, депутат Государственной Думы РФ Ю.А. Спиридонов. Епископ Питирим поблагодарил организаторов высокого форума за возможность участия в нем духовенства, и особенно за организацию секционного заседания, посвященного репрессиям духовенства и Церкви. «Каждый приезжающий на Коми землю отмечает здесь особую атмосферу, особое чув-

ство благодати, потому что молитвы мучеников заставляют людей задуматься о своей жизни, своей душе, своем будущем. Здесь, на земле, политой кровью мучеников, это чувство особенно обостренно. Оно понуждает нас еще и еще раз говорить о тех страницах истории страны, которые не должны повториться».

С научными докладами на пленарном заседании выступили известные исследователи репрессивной политики доктор исторических наук, профессор Н.А. Ивницкий (Москва), доктор философии Н. Войтович (Варшава). На конференции рассматривались в региональном и межрегиональном ракурсах проблемы противостояния власти и общества в XIX – начале XX в., формирования репрессивной политики тоталитарного государства 1917–1920-х гг., государственный террор в 1930 – начале 1950-х гг., сопротивление населения репрессиям, положение и судьбы репрессированных, диссидентское движение 1960–1980-х гг., эволюция взаимоотношений населения и власти в новой России.

В программу конференции вошло посещение экспозиции «Дети ГУЛАГа» в Национальном музее Республики Коми, а также траурный митинг у часовни, установленной в память жертвам сталинского террора. Одним из итогов конференции стало создание Межрегионального проблемного объединения по истории политических репрессий.

26–30 октября 2009 г. в Республике Коми прошли мероприятия, посвященные Дню памяти жертв политических репрессий. Ключевым событием стала **Всероссийская научная конференция с международным участием «ГУЛАГ на Севере России»**, посвященная 80-летию создания первых лагерей на Европейском Северо-Востоке. Организаторами научного форума стали Коми республиканский благотворительный общественный Фонд жертв политических репрессий «Покаяние», Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Ухтинский госуниверситет. Поддержку мероприятию оказали Правительство и Госсовет Республики, администрация Ухты. Для участия в конференции прибыл епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим.

Конференция прошла в г. Ухта. Член правления фонда «Покаяние» Н. Бушманова подчеркнула, что «ученые, краеведы, музейные работники хотят своими глазами посмотреть на те места, где 80 лет назад зарождалась система ГУЛАГа». Выбор места проведения конференции обусловлен тем, что именно с Ухты началась печальная история ГУЛАГа на территории республики. В 1929 году, в устье реки Чибью прибыла первая экспедиция ОГПУ из 125 заключенных, раскулаченных, ссыльных, вольнонаемных работников и охранников. Началось строительство посёлка, получившего название Чибью (с 1939 г. – Ухта).

В официальных документах Трудколония Чибью именовалась Базой ухтинской экспедиции ОГПУ. К весне 1930 г. построили буровую, и осенью 1930 г. скважина дала промышленный приток девонской нефти. В это же время в 20 км от Чибью (ныне посёлок Водный) была построена химическая лаборатория, в которой исследовались радиоактивные воды, природные и попутный газы, процессы бурения. В результате в 1931 г. удалось организовать промысел, на котором радиевый концентрат впервые в мировой практике стали извлекать из подземных минерализованных вод. В 1938 г. начались массовые казни политических заключенных Ухтпечлага в районе реки Юнь-Яга.

Работа конференции велась по следующим направлениям: политические репрессии против политических противников власти в начале XX в., формирование репрессивной политики государства в 1917–1920-х гг., организация и функционирование первых лагерей, развитие лагерной системы в 1930–1950-е гг. На пленарном заседании, проходившем во Дворце культуры Ухты, были заслушаны доклады д.и.н. В.И. Меньковского (Минск) «История формирования ГУЛАГа в новейшей историографии», Т.С. Садыкова (Астана) «Система ГУЛАГа и трагедия Казахстана», к.и.н. А.Н. Кустышева (Ухта) «Организация принудительного труда в Ухтижемлаге (1938–1955 гг.) и ее эффективность», к.и.н. М.В. Таскаева, д.и.н. И.Л. Жеребцова (Сыктывкар) «Политическая ссылка на Европейском Северо-Востоке России в 1901–1928 гг.».

Особый интерес на секционных заседаниях, проходивших в Ухтинском государственном техническом университете, вызвали выступления д.и.н. Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону) «Лишение избирательных прав как форма политических репрессий», д.и.н. А.Б. Коновалова (Кемерово) «Вклад региональной партийной номенклатуры в развитие управления и функционирования лагерной системы», к.и.н. Н.М. Игнатовой (Сыктывкар) «Реализация политики спецпереселенцев в 1930–1950-е гг.», д.и.н. А.К. Гагиевой (Сыктывкар) «Передача систем НКВД архивной отрасли в 1930-е гг.», к.и.н. М.Б. Рогачева «Развитие системы ИТЛ в Коми АССР», Я.Ю. Котельниковой (Ухта) «Изобразительное искусство Ухтпечлага – Устижмлага в фондах Ухтинского историко-краеведческого музея как часть репрессированной культуры».

С 2011 г. конференции Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН вышли на международный уровень. **I Международная научная конференция «История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность»** состоялась в Сыктывкаре 26–29 октября 2011 г. В ее работе приняли участие историки Беларуси, Казахстана, России и Украины. Пленарные заседания состоялись в Большом зале

Государственного Совета Республики Коми. Секции «Роль ГУЛАГа в социально-экономическом развитии Севера России» и «Актуальные вопросы изучения истории политических репрессий» работали в Государственном Совете Республики Коми, секция «Новомученики и исповедники Российские на Севере: мемориальная деятельность Русской Православной Церкви» – в Белом зале Дома епископа Сыктывкарского и Воркутинского, секция «Мемориальная деятельность на Севере России» – в Министерстве экономического развития Республики Коми.

Конференция открылась вступительным словом И.Л. Жеребцова, директора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и приветствиями Главы Республики Коми В.М. Гайзера, Председателя Государственного Совета Республики Коми, председателя Фонда «Покаяние» М.Д. Истиховской, Епископа Сыктывкарского и Воркутинского Питирима, председателя Духовного управления мусульман Республики Коми Валиахмада хазрат Гаязова.

И.Л. Жеребцов дал оценку продолжающихся в России дискуссий о том, надо ли сегодня обращаться к теме политических репрессий, происходивших в СССР. Он отметил, что когда только начиналось обсуждение темы ГУЛАГа, многие искали в ней сенсаций. Когда ажиотаж спал, в этой теме остались профессионалы. И сейчас, в спокойной обстановке, можно ставить ряд проблем, о которых раньше не задумывались. Но любое серьезное исследование неполноценно без возможности сделать его результаты достоянием общественности – опубликовать, обсудить их на различных форумах (естественно, обсудить в деловой, конструктивной обстановке, без ненужной экзальтации и «охоты на ведьм»). Поэтому можно только приветствовать издание солидных трудов и проведение научных конференций по истории политических репрессий.

II Международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» прошла в Сыктывкаре и Воркуте 15-19 октября 2013 г. Организаторами конференции вновь выступили Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарский государственный университет при поддержке Правительства Республики Коми, Государственного Совета Республики Коми и администрации МО ГО «Воркута».

Конференция открылась в г. Сыктывкар вступительным словом ректора Сыктывкарского государственного университета, председателя Фонда «Покаяние», председателя оргкомитета конференции М.Д. Истиховской и приветственным словом епископа Сыктывкарского и Воркутинского Питирима. Научные доклады сделали М.Б. Рогачев (Сыктывкар, Россия) «ИТЛ в Коми АССР: развитие системы и результаты деятельности»; Т.С. Садыков (Астана, Казахстан) «Вклад исследователей Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в изучение истории политических репрессий»; Н.А. Морозов (Сыктывкар, Россия) «Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР (1942–1946 гг.)»; И.В. Шуйский (Харьков, Украина) «Главный архитектор Сыктывкара, сын харьковского градостроителя (о Ширшове В.П.)».

Затем работу продолжили «Молодежная секция» и круглые столы «Политический террор и социум. Человек в системе ГУЛАГа» и «История ГУЛАГа в издательском проекте “История сталинизма”». Следует отметить, что к началу работы конференции организаторами был подготовлен и издан целый ряд печатных изданий, в том числе тексты докторов исторических наук В.А. Бердинских «ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда»; Е.Ф. Кринко, С.А. Кропачев «Отечественная историография политических репрессий в СССР: формы и практики изучения»; О.Л. Рябенко «Сопроотивление студентов советской Украины сталинской репрессивной политике (1920–1930-е годы)»; Т.П. Хлыниной «Адыгейское дело»: три версии одного события».

Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников международной конференции. В.А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность; хищническое использование природных ресурсов; отторжение технического прогресса; высокую себестоимость гулаговской продукции; торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор делает доказательный вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал ее развитие».

В докладе Е.Ф. Кринко и С.А. Кропачева рассматривался институциональный аспект изучения в советской и российской историографии политических репрессий в СССР. Основное внимание было уделено научно-организационным формам и практикам исследования данной темы, усилению роли общественных организаций в формировании исторических знаний о прошлом и новым способам их представлений. Подчеркнуто, что лагеря ГУЛАГа «изначально создавались как органы подавления “классово враждебных” элементов, а отнюдь не как исправительно-трудовые учреждения с воспитательными целями».

О.Л. Рябенко отметила, что студенчество Украины отличалось активной жизненной позицией, вариативностью мышления, собственным взглядом на события, происходившие в 1920–1930-е гг. Исследователь при-

водит свидетельства высокого протестного потенциала этой категории молодежи, освещает различные формы недовольства политикой режима. Проанализированные материалы позволили сделать вывод о наличии среди студенчества значительного количества несогласных с политикой партии на различных участках хозяйственной жизни и в идеологической сфере. В среде студенчества «постоянно фиксировались разнообразные формы противодействия режиму. Единичные и массовые, анонимные и открытые, они свидетельствуют о том, что центральная власть не оправдывала социальных ожиданий многих молодых людей».

Т.П. Хлынина на примере изучения «Адыгейского дела» рассмотрела процесс рождения конкретных историографических образов. Автор отметила, что современный историк сталкивается с многообразием строительного материала для событий прошлого. Оно включает в себя помимо привычного исторического источника и воображение исследователя, и уровень его общеобразовательной подготовки, и желание говорить с прошлым на языках современной ему науки. «Исследовательские привязанности и пристрастия довольно зримо присутствуют на страницах исторических сочинений, привнося в прочтение одних и тех же источников различные (а порой и взаимоисключающие) смысловые коннотации».

18 октября в г. Воркута участники конференции продолжили работу в рамках международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны», посвящённого 70-летию Воркуты.

Город Воркута (от ненецкого «медвежий угол») расположен на севере Республики Коми, на западных склонах Полярного Урала, на реке Воркута, в зоне вечной мерзлоты. Находится примерно в 150 километрах севернее Полярного круга и в 140 километрах от побережья Северного Ледовитого океана. Воркута относится к районам Крайнего Севера, безморозный период составляет около 70 суток, продолжительность зимы – около 8 месяцев.

В конце 1930-х – начале 1950-х гг. в Воркуте был расположен один из крупнейших лагерей ГУЛАГа – Воркутлаг, организованный в 1938 г. Управление лагеря находилось в г. Воркуте. На пике его численности, в 1951 г., в лагере было до 73 000 заключённых, занятых на добыче угля и шахтном строительстве. Они же построили здесь первую в мире железную дорогу за Полярным кругом.

В 1955 г. Совет министров СССР принял постановление о переводе шахт комбината «Воркутауголь» на вольнонаёмную рабочую силу. Этот перевод был закончен в 1960 г. Воркутауголь до сегодняшнего дня является градообразующим предприятием.

В настоящее время администрация города разработала программу строительства историко-мемориального комплекса «Воркутлаг». На месте бывшего лагеря заключённых в поселке Северный планируется воссоздать место под названием «голгофа ГУЛАГа» со зданиями барачного типа, остатками шахты Аяч-Яга. В музейное пространство войдут мемориальное кладбище и «город-призрак» Юр-шор, в полутора километрах от которого находится место расстрела заключённых, мемориал трудоармейцам Воркуты и комплекс памятников «Терновый венец России», олицетворяющих страны, граждане которых пострадали в годы сталинизма.

Основными темами международного симпозиума в Воркуте стали: ГУЛАГовский и постГУЛАГовский этапы истории Заполярья и Приполярья, роль городов в освоении и развитии Крайнего Севера, градообразующие факторы. На симпозиуме также были рассмотрены проблемы противостояния власти и общества в различные исторические периоды, формирования репрессивной политики тоталитарных государств, государственного террора, сопротивления населения репрессиям, положения и судьбы репрессированных. Основное внимание было уделено событиям первой половины XX в., происходившим на территории бывшего Советского Союза и сопредельных государств и оказывавшим непосредственное или опосредованное влияние на процессы освоения циркумполярной зоны.

Заместитель руководителя администрации г. Воркуты Анатолий Замедянский подчеркнул на открытии симпозиума, что ГУЛАГ был и остаётся неотъемлемой частью истории Воркуты, через которую прошло около 2 миллионов заключённых из более чем 20 стран мира.

В работе симпозиума приняли участие представители разных стран мира. С докладами на пленарном заседании, наряду с российскими исследователями, выступили Генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге Пётр Марциняк, профессор делийского университета Джавахарлала Неру Аджай Патнайк, профессор Белорусского государственного университета Вячеслав Меньковский. Международный симпозиум предоставил всем участникам возможность конструктивного обмена мнениями в созидательной и творческой атмосфере.

Во время конференции особенно подчёркивался тезис о том, что все более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же её принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 г.

Подобные конференции решают не только научные, но и практические задачи. Исследования ГУЛАГа помогают отыскать места захоронений заключенных, выяснить судьбу пострадавших людей, восстановить из забвения их имена, сохранить память о времени и его уроках.

Разумеется, исследования истории политических репрессий учеными Республики Коми не исчерпываются вышеприведенными данными. Сведения о политических репрессиях вошли в крупные обобщающие труды по истории региона, в монографические издания, в том числе и историко-демографической направленности, в учебные пособия и научно-популярные книги, статьи в зарубежных и российских журналах. Только в последние годы появилась большая серия публикаций, посвященных, в частности, репрессированным политическим деятелям.

Источники и литература

- Атлас Республики Коми. М., 2001.
- Бандура С.В., Жеребцов И.Л. History of political repressions in the expositions of the National museum of the Republic of Komi // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo. Vedecký recoenzovaný časopis*. 2/2014. S. 9–19.
- Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Урбанизационные процессы в Коми в первой половине 40-х гг. XX в. // *Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола»*. Сыктывкар, 2004. С. 4–22.
- Бердинских В.А. ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда. Сыктывкар–Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 12 с.
- Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с.
- Бердинских В.А., Меньковский В.И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016.
- В научном поиске. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 72 с.
- Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. 192 с.
- ГУЛАГ на Севере России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27–28 октября 2009 г., Ухта). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. Ч. 1. 150 с.
- Жданов Л.А., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Создатели Коми автономии. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 128 с.
- Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // *Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения*. Сыктывкар, Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 54–62.
- Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 38 с.
- Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // *Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР*. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1987. С. 67–72.
- Жеребцов И.Л. О состоянии историко-демографических исследований // *Российские и славянские исследования*. Научный сборник. Минск, 2010. Вып. V. С. 416–417.
- Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // *Отечественная история*. 1994, № 6. С. 65–73.
- Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // *Жизнь национальностей*. 1996. № 4. С. 31–33.
- Жеребцов И.Л. Черные годы // *Памятники Отечества*. 1996. № 36. С. 176–182.
- Жеребцов И.Л. Клинок марксистско-ленинского анализа // *Покаяние. Мартиролог*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. Т. I. С. 423–464.
- Жеребцов И.Л. Махровский националист // *Покаяние. Мартиролог*. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2. С. 903–906.
- Жеребцов И.Л. Один из лингвистов-«националистов» // *Покаяние. Мартиролог*. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2. С. 952–955.
- Жеребцов И.Л. Изучение истории политических репрессий на европейском Севере России в диссертационных исследованиях начала XXI века // *История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность*. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Ч. 1. Сыктывкар, 2011. С. 72–79.
- Жеребцов И.Л. Сорокин, Кондратьев, Батиев... // *Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века*. Материалы Международной конференции. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. С. 122–127.
- Жеребцов И.Л. Питирим Сорокин и Дмитрий Батиев: параллели судьбы // *Наследие*. 2011. № 1. С. 107–118.
- Жеребцов И.Л. Остров «Архипелага ГУЛАГ» на Европейском Северо-Востоке России // *Российские и славянские исследования*. Минск: БГУ, 2014. Вып. IX. С. 339–346.
- Жеребцов И.Л. Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие // *Жизнь национальностей*. 1998. № 1–2. С. 79–87.
- Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // *Природа*. 2000. № 7. С. 71–75.
- Жеребцов И.Л. Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. (К 95-летию Республики Коми). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 64 с.

Жеребцов И.Л. Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 20 с.

Жеребцов И.Л. Коми: от области к республике // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3. С. 15–22.

Жеребцов И.Л. Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 126–133.

Жеребцов И.Л. Республика Коми: путь к национальной государственности // Татьяна Павловна Хлынина: In Memento. Сборник статей и материалов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 257–268.

Жеребцов И.Л., Мельникова Н.В. Популярная история Республики Коми. Сыктывкар, 2016. 136 с.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Стоявшие у истоков. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 108 с.

Жеребцова И.И. Репрессированная культура. Феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2003. С. 36–38.

Жеребцова И.И. Коми и репрессированные российские немцы: соприкосновение двух миров // IFUSCO XIX. Сыктывкар, 2003. С. 29–30.

Жеребцова И.И. Яков Мороз во главе хозяйственной деятельности Ухтпечлага // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2004. С. 164–171.

Жеребцова И.И. К вопросу о психологическом портрете Якова Мороза // От Воркуты до Сыктывкара. Судьбы евреев в Республике Коми. Сыктывкар, 2003. С. 285–289.

Жеребцова И.И. К вопросу о психологическом портрете Якова Мороза // Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар, 2001. С. 145–150.

Жеребцова И.И., Мартынов Ю.И. База данных «Репрессированные немцы в Коми в 1930–1950-х гг.» и ее анализ // История и компьютер. 2004. № 32. С. 95–96.

Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. 192 с.

Игнатова Н.М. Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы (по архивным данным) // Историческая демография. 2008. № 1. С. 65–70.

Игнатова Н.М. Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг. // Историческая демография. 2009. № 2. С. 48–52.

Игнатова Н.М. Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми республике в 1941–1945 годах // Историческая демография. 2013. № 1. С. 49–55.

Игнатова Н.М. Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми // Историческая демография. 2013. № 2. С. 41–44.

Игнатова Н.М. Национально-возрастная характеристика учащихся спецпоселковых школ в Коми автономной области в 1930-е гг. // Историческая демография. 2014. № 2. С. 15–20.

Интервью профессора В.И. Меньковского с ведущим специалистом в области исторической демографии и исторической географии Европейского Севера России Игорем Любимовичем Жеребцовым // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2014. Вып. IX. С. 333–338.

Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002.

Исторический атлас Республики Коми. М.: ДиК, 1997.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. 560 с.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.

История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1. 544 с.

История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. 688 с.

История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 1. 100 с.

История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. 208 с.

История политических репрессий в СССР в 1930–1950-е годы. Материалы Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. Сыктывкар: Сыктывкарский госуниверситет, 2006. 136 с.

История Республики Коми. 7-11 классы: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М.: ДиК, 2000. С. 117–139.

Кринко Е.Ф. Депортация советских народов в годы Великой Отечественной войны: современная историография. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 12 с.

Кринко Е.Ф., Кропачев С.А. Отечественная историография политических репрессий в СССР: формы и практики изучения. Сыктывкар–Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.

Меньковский В.И., Жеребцов И.Л. II Международная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» (Сыктывкар, Воркута, 15–19 октября 2013 г.) // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2014. Вып. IX. С. 312–314.

Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 222 с.

Научный поиск продолжается. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995. 110 с.

Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. В.А. Молодцов: долгий путь к признанию // Пермистика–16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2017. С. 8–16.

- Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. Деятельность В.И. Лыткина в Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка // *Linguistica uralica*. 1996, № 1. С. 47–49.
- Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л. Деятельность В.И. Лыткина в 1920–1930-е гг. // *Пермистика-5*. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 47–59.
- Некрасова Г.А., Жеребцов И.Л., Демин В.Н. В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997. 58 с.
- Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 304 с.
- От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. 296 с.
- Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.
- Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.
- Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. 256 с.
- Рогачев М.Б., Жеребцов И.Л. Этнодемографическая ситуация в Коми крае. Сыктывкар, 1993.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 136 с.
- Рябенко О.Л. Сопротивление студентов Советской Украины сталинской репрессивной политике (1920–1930 гг.) Сыктывкар-Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.
- Садыков Т.С. Восстание, потрясшее ГУЛАГ. (Об истории восстания заключенных Степлага). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 12 с.
- Связь времен. Сыктывкар, 2000. 860 с.
- Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.
- Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
- Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. 26 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. А.Г. Белобородов в коми ссылке // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. С. 83–85.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2010 г.). Ч. 1. Сыктывкар, 2011. С. 89–95.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // *Историография Коми*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 48–57.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921. Сыктывкар, 2001. 320 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Первые коми политики. Сыктывкар: Кола, 2007. 136 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 88 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. «Мандалада» 1943 г.: к вопросу об антисоветских движениях в национальных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 178–185.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Русская революция в национальной провинции (на материалах европейского Северо-Востока) // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века. Материалы международной научной конференции. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 53–57.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р. Комиретро: 95 лет истории Коми, от официальной до курьезной. Сыктывкар: Титул, 2016. 384 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Кузнецова Т.Л. Их объединило краеведение. Сыктывкар: Кола, 2008. 112 с.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л., Меньковский В.И. Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2014.
- Уляшев О.И., Жеребцов И.Л. Дмитрий Александрович Батиев. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 28 с.
- Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 36 с.
- Хлынина Т.П. «Адыгейское дело»: три версии одного события. Сыктывкар-Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.
- Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 52 с.
- Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Лингвистические исследования Общества изучения Коми края // *Linguistica uralica*. 1990. № 4. С. 306–313.

Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Александр Дж. Национальное развитие и этнополитика в восточно-финских республиках России // Мир России. 1997. № 4. С. 171–182.

Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Мальцев Г.И. Опыт национального строительства коми-пермяков: историко-социологический анализ // Отечественная история. 2005. № 1. С. 74–86.

Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.

Shabajev Y., Zherebtsov I., Kim Hye Jin, Kim Hyun Taek. Pomors, Pomor'e and the Russian North: A Symbolic Space in Cultural and Political Context // Sibirica. 2016. V. 15. Issue 2. P. 73–102.

Shabajev Y., Zherebtsov I. The Siberian movement and modern Russian regionalism // Rethinking Russia's Pivot to Asia: Context, Perceptions, and Prospects. The 6th HK International Conference. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies, 2016. P. 109–121.

**«ПОРАЗИВ ВСЕХ СУПОСТАТОВ, ВЫБИРАЕТ ДЕПУТАТОВ»
(К ВОПРОСУ О НАСТРОЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ВО ВРЕМЯ ПЕРВЫХ
ПОСЛЕВОЕННЫХ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР)***

*И.Л. Жеребцов, Т.С. Садыков***

В начале 1946 г. в Советском Союзе прошли первые в послевоенный период выборы в Верховный Совет СССР. Этому событию придавалось огромное пропагандистское значение. Страна, победившая внешнего врага, должна была продемонстрировать и внутреннее единство, огромным большинством поддержав кандидатов «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Важнейшим показателем успеха выборной кампании являлась явка на избирательные участки. К урнам для голосования должно было придти как можно больше избирателей. За этим бдительно следили партийные и советские органы, НКГБ и НКВД. На последние наркоматы была возложена особая обязанность: не только содействовать высокой явке, но и проследить, чтобы не случилось никаких «эксцессов» на избирательных участках.

Нарком внутренних дел генерал-майор Л.С. Буянов 28 февраля 1946 г. «совершенно секретно» сообщал секретарю Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко «о настроениях населения отдельных районов республики и лагерей НКВД в период подготовки и в день выборов в Верховный Совет СССР». В Коми АССР в выборах принимали участие не только местные «вольные» жители, но также спецпоселенцы и высланные: около 30 тыс. немцев, 10 тыс. спецпереселенцев-«бывших кулаков» и ОУНовцев, а также 50 тыс. вольнонаемных из лагерей НКВД СССР, «в значительном большинстве судимых и наиболее подверженных антисоветскому влиянию». Однако эта категория населения показала высокую активность в день выборов, – с удовлетворением констатировал нарком. – Даже в специальных немецких поселках – Ындин, Вежаю, Зинстан (Усть-Куломский р-н), где сосредоточено большое количество подучетного антисоветского элемента, не было подано ни одного голоса «против». В Усть-Вымском районе спецпереселенцы, работавшие в Райпромкомбинате, «явились на избирательный участок веселые, в праздничной одежде и активно проголосовали, не подав ни одного голоса «против».

А.Г. Тараненко тоже баллотировался в депутаты. В пос. Вожаэль к одному бюллетеню был приложен патристический стихотворный наказ тов. Тараненко:

*После тяжких испытаний
Для родной моей земли
После горя и страданий
В гимне светлых ликований
Пришли радостные дни*

*Поразив всех супостатов
Вся советская земля
В обе равные палаты
Выбирает депутатов
Десятого февраля.*

*Избирая кандидата
Я такой наказ даю:
Когда станешь депутатом
Будь же верным ты солдатом
Храня родину свою*

*Неси знамя ленинизма
Не жалея своих сил,
По идее большевизма
Веди в царство коммунизма
Избирателей своих.*

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми ИЦ УрО РАН; **Садыков Тлеген Садыкович** (Астана, Казахстан) – доктор исторических наук, декан исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

*Пусть ни буря, ни погода,
Не собьют тебя с пути,
Будь слугою ты народа,
Чтобы срок четыре года
Тебе с честью пройти.*

Дальше следует запись: «Не подписываю, чтобы сохранить тайну голосования, да и нужды нет, так думают все избиратели».

Однако же правоохранительные органы выяснили, что так поступали и думали не все. В Визингской избирательной комиссии обнаружили, что в бюллетень вместо тов. Тараненко вписали фамилию сторожа и конюха райкома ВКП(б) Н. Цыпанова. Межадорский избирком установил, что на бюллетене кандидата А.И. Сажиной была написана фамилия председателя колхоза «Красных партизан» И.А. Ершова. В Сталинском избирательном участке на бюллетене А.И. Сажиной было написано «Не надо». В Чухломе на трех бюллетенях А.И. Сажиной была изображена карикатура, на одном на коми языке была сделана надпись: «Отец убил человека. Брат сидел за хулиганство. Не годная». В Палаузе единоличница К.А. Истомина (1919 г.р.), трактористка Гривенской МТС, заявила председателю колхоза им. Кирова: «Я всех кандидатов вычеркнула». В селе Подчерье из 182 избирателей против голосовал 21 («все из числа местного населения, по национальности коми, активно участвовавшие в 1919-20 гг. в кулацко-бандитском восстании против Советской власти»). Начальнику Сторожевского райотдела НКГБ местный избирком передал обнаруженную в урне для голосования листовку следующего содержания: «Долой коммунистов, долой колхозы, да здравствует миллионное крестьянство».

К урнам пришли, конечно, не все. В Сысольском районе, сообщили правоохранители секретарю обкома А.Г. Тараненко, «совершенно не явились для участия в голосовании» 18 чел., 14 из них из Чухломского сельсовета. Категорически отказавшийся голосовать Е.С. Сажин («церковник, связан с монашками, посещает молитвенные сборища») 9 февраля сказал агитатору Корячевой: «Я голосовать не пойду, а если комиссия придет, я ее близко не допущу»; он не принял участия в голосовании и не допустил голосовать свою дочь, отправив ее в день выборов в отдаленный починок Нильзи. Единоличница Е.Г. Сажина прибывшему к ней члену участковой избирательной комиссии заявила: «Голосовать не могу, уберитесь из моей квартиры и больше не приходите». Единоличница А.Е. Зиновьева Анна Егоровна также выгнала из своего дома члена избиркома. В дер. Орловка Подчерского сельсовета девятилетняя А.И. Мартюшева категорически отказалась голосовать, заявив заместителю председателя избиркома Мезенцеву: «Я участвовать в голосовании не буду, и не тревожьте меня, дайте мне умереть без греха».

В Сыктывдинском районе уклонились от голосования 11 чел. («все местные жители, по национальности коми, причем колхозница Надуткина является женой члена участковой избирательной комиссии»). По Севпечлагу НКВД отказались принять участие в голосовании и не голосовали трудмобилизованные поляки С.И. Гушта и В.Д. Дюжлинский, украинцы М.А. Понивняк, Д.А. Дамавский, И.А. Дацакион, Д.В. Капитула. В беседе с работником политотдела Гушта, Дюжлинский, Понивняк, Дацикион и Капитула заявили, что они не могут принять участие в голосовании в силу своих религиозных убеждений, а Дашевский сказал, что он «свой голос в 1938 году отдал богу».

Некоторые после сопротивления всё же проголосовали. В Сталинском (Куратовском) сельсовете «одна единоличница (фамилия устанавливается) с целью уклониться от участия в голосовании сначала спряталась в подполье своего дома, затем перебралась на печь. Пришедшему к ней на квартиру члену избирательной комиссии дважды укусила руку, впоследствии явилась на избирательный участок и проголосовала».

В Ухтинском избирательном округе спецпереселенец-«власовец» Старовойтов трижды отказался от участия в голосовании, заявляя: «Я должен голосовать на родине вместе со своей семьей, а здесь не хочу». После этого его вызвал к себе в служебный кабинет секретарь парторганизации 2-го нефтерайона Ухтокомбината Немчинов «и, будучи в нетрезвом виде, избил Старовойтова, после чего последний принял участие в голосовании. Немчинов привлечен к партийной ответственности».

В Усть-Усинском районе в день выборов уборщица парткабинета водников Е.К. Закирова (1918 г.р.), уроженка Воронежской области («происходит из кулаков»), в клубе водников заявила: «Что нам из этого голосования. Все равно будем голодные и бедные; им хорошо – у них условия приличные. Раньше было жить хорошо, люди кушали сыр, масло, а теперь только говорят, что жить стало лучше, где тут правда». В дер. Лемты единоличница П. Мартюшева, получив бюллетень и идя к кабинке, заявила: «Выбирать будем, но избранные кандидаты чтобы голодом народ не держали, а то в первых выборах на словах обещали много, в действительности ничего нет».

Вскрывались и ошибки членов избирательных комиссий. На Глотовском избирательном участке одному избирателю вместо положенных трех бюллетеней был выдан только один. Как на грех, один из невыданных бюллетеней был на самого товарища Тараненко. «Председатель избирательного участка тов. Будрин пытался

доказать, что избиратели, видимо, сами не опустили бюллетени в урну», однако это предположение было опровергнуто в результате пересчета оставшихся у комиссии после голосования бюллетеней.

Секретарю обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко доложили также о том, что «характерные отрицательные проявления» были зарегистрированы и в предвыборный период. Так, литовка Бересене в общежитии Кустпрома Затона сплава в разговоре о предстоящих выборах сказала: «Нас агитируют, чтобы участвовать в выборах и голосовать за выдвинутых кандидатов, но зачем нам участвовать в выборах, мы ведь литовцы, а не коми, кандидатов не знаем и участвовать в выборах не будем».

Спецпереселенец–литовец Б.П. Дабашкинскис (1894 г.р.), работавший на рубке леса в Вельском лесопункте, на собрании рабочих по вопросу о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР заявил: «Мы, литовцы, выбирать в Верховный Совет СССР русских депутатов не будем, пускай выбирают кому нужно, а мы из своих литовцев выберем».

Спецпереселенка–литовка А.Е. Капучене в лесоучастке сплава барака Вельского лесопункта в присутствии других переселенцев заявила: «До голосования еще долго, мы еще подумаем будем ли голосовать; вот если меня отпустят в Литву, тогда, может быть, пойду голосовать, а если не отпустят, голосовать не пойду».

Ученик–сапожник Ф.В. Фролов (1929 г.р.) в мастерской Местпрома сказал: «Народ не выдвигал кандидатов, за которых предлагают голосовать людям, а их выставили сверху, народу не дают выдвинуть своих кандидатов, им только подсовывают готовых и хотят показать, как будто этих кандидатов выдвинул сам народ. На всех собраниях которых присутствуешь, приходится только голосовать» («Отец Фролова бывший белобандит, осужден за к-р. преступление»).

В Айкино вновь прибывшие для работы на судовой верфи спецпереселенцы были размещены в бараках, где, по оценке правоохранительных органов, «отсутствуют самые необходимые санитарные условия», во время составления списков на голосование выкрикивали: «Голосовать будем за Христа, но не за депутатов».

В сельхозе «Северный» агитатор мобилизованный немец А.Д. Гафнер проводил занятие в бараке мобилизованных немцев по ознакомлению их с положением о выборах в Верховный Совет СССР; во время занятий немцы И.И. Гаан и Г.В. Эсменгер «бросили в Гафнера рыбной головкой и тряпкой». В Воркутлаге НКВД вольнонаемный О.Ф.Васильев (1920 г.р.), помощник начальника участка шахты № 4 («отбыл наказание за бандитизм»), «будучи в нетрезвом состоянии, пришел в женский барак поселка и сорвал со стены обращение к избирателям Воркутского избирательного округа»; привлечен к уголовной ответственности.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В УССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА В ЛИТЕРАТУРЕ И ПРЕССЕ

*Н.А. Белостоцкий**

Первые послевоенные годы украинское общество находилось в состоянии победной эйфории, а культ Сталина достиг своего апогея. Подавляющая часть украинского народа поддерживала режим или была в отношении него аполитичной (это не касается вновь присоединенных земель Западной Украины). Однако со временем желание перемен и надежды на лучшую жизнь стали вразрез с реальным положением, которое во многом определялось политикой властей. Это вело к распространению критических настроений среди всех слоев населения. Поэтому с утверждением и восстановлением советской власти начинаются процессы восстановления контроля над общественными настроениями и мыслями, которые проявились в форме борьбы с религией, космополитизмом, «украинским буржуазным национализмом», «низкопоклонством» перед Западом.

Деятельность власти в общественно-политической жизни в послевоенный период была в основном направлена на установление контроля над всеми слоями общества. Уничтожив часть украинской интеллигенции, а оставшихся поставив в строгие рамки идеологического контроля, советская власть оставила украинский народ без оформленной критической мысли, что определило ее стихийный характер в послевоенное время. Держать общественные настроения под наблюдением и контролировать поведение граждан властям с каждым годом становилось все труднее.

С деятельностью органов печати была связана одна из наиболее разветвленных систем идеологического контроля в СССР в целом и УССР в частности. Мы имеем в виду Главное управление по делам литературы и издательств при Совете народных комиссаров СССР (позднее при Совете министров СССР) – «Главлит СССР». Изначально на Украине этот орган вырос из секретариата ЦК КП(б)У, где уже в 1920 г. существовал Отдел издания газет. Но его официальное рождение состоялось несколько позже. 6 июня 1922 г. Советом Народных Комиссаров СССР был принят декрет, которым был образован Главлит СССР как орган Наркомата образования. В УССР Главлит был создан по постановлению Совета Народных Комиссаров УССР от 11 августа 1922 г. В то время он назывался «Центральное управление по делам прессы при Наркомате просвещения УССР». Название «Главлит» (Главное управление по делам литературы и издательств) эта организация получила в 1946 г. [1].

Во главе этой структуры стоял Уполномоченный Совета народных комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Также существовали республиканские Главные управления по делам литературы и издательств, которые действовали при Советах министров союзных республик. О деятельности этой организации на Украине в послевоенные годы можно узнать из «Положения о Главном управлении по делам литературы и издательств при Совете министров УССР». Это положение было принято совместным постановлением Совета министров УССР и ЦК КП(б)У за № 1275 от 16 июля 1946 г. Постановление подписали Председатель Совета министров УССР Н.С. Хрущев и второй секретарь ЦК КП(б)У Д.С. Коротченко [2]. Постановление декларирует, что Главлит УССР является руководящим органом, который осуществляет на территории УССР все виды государственного политико-идеологического контроля за назначенными к изданию или распространению печатными материалами, фотографиями, репродукциями произведений искусства, а также радиовещанием, публичными лекциями и выставками. Главлит УССР занимался составлением перечней произведений, запрещенных на территории Украины. Такими считались произведения, которые, по мнению цензуры, содержали в себе сообщения и взгляды, направленные против существующего в СССР социалистического строя, против политики Советского правительства и ВКП(б).

Непосредственное отношение к осуществлению идеологического контроля в структуре Главлит УССР имели следующие отделы.

1) Отдел предварительного контроля, который осуществлял все виды государственного контроля над печатными изданиями, подготовленными к выходу в тираж центральными издательствами УССР, а также над всеми видами вещания Украинского радиокomiteта.

2) Отдел последующего контроля, который осуществлял все виды государственного контроля над печатной продукцией полиграфических предприятий УССР. К тому же последующий контроль заключался в оценке уже изданных произведений и принятии мер запретительного характера в отношении тех из них, которые нарушали соответствующие правила.

* **Белостоцкий Никита Александрович** (Харьков, Украина) – директор музея истории Харьковского национального университета строительства и архитектуры, соискатель кафедры истории России Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, birgir@mail.ru.

3) Отдел библиотек и книготорговой сети занимался проверкой печатных изданий, которые содержались в библиотеках и системе книжной торговли. Этот отдел несет немалую ответственность за уничтожение культурно-исторического и научного наследия украинского народа. Представители этого подразделения организовывали изъятие из библиотек и книжной торговли запрещенных печатных изданий. Дальнейшая судьба изъятых книг была печальна. Согласно циркуляру Главлита СССР за октябрь 1949 г. № 8 [3] изъятые в соответствии с перечнями Главлита печатные материалы должны были сдаваться в спецфонд (спецфонды имели только наиболее крупные библиотеки). Если библиотека не имела спецфонда, книги приказывали уничтожать путем сжигания. Таким образом был уничтожен учебник «История Украины. Краткий курс» 1941 г., изданный под редакцией известных украинских историков С.М. Белоусова, П.Г. Гуслистого и др. [4]. Изъятие этого пособия связано с кампанией в Институте истории АН УССР, которое организовали идеологические надзиратели из ЦК КП(б)У на протяжении 1944–1947 г. Под видом борьбы с «националистической школой» М.С. Грушевского Управление пропаганды и агитации при ЦК КП(б)У занималось ликвидацией остатков национального сознания в среде украинских историков. С этой идеологической акцией был связан приказ начальника Главлита СССР К.Ф. Полонника № 52 от 29 октября 1946 г. Он требовал изъять из библиотек общественного пользования и книготорговой сети УССР работы М.С. Грушевского и В.К. Винниченко. В указанном документе предписывалось изъять на местах «все произведения, за все годы, на всех языках» [5].

4) Отдел контроля изданий, ввезенных из-за границы, и тех, которые вывозятся за границу. Этот отдел выполнял роль идеологического фильтра, отделяющего советскую Украину от окружающего мира.

На местном уровне Главлит был представлен Управлениями по делам литературы и издательств при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся (далее – Обллит). Обллит руководил деятельностью городских и районных уполномоченных по делам литературы и издательств, которые старательно выполняли обязанности идеологических цензоров. Гигантские объемы деятельности Управления отражены в документах той эпохи. Так, например, значительные негативные последствия для развития образования и культуры на Украине имело постановление Совета министров УССР № 1566 от 06.09.1946 г. Постановление имеет гриф «Не подлежит разглашению!» В тексте постановления говорится: «Совет министров указывает на засоренность библиотечных фондов в книжных магазинах УССР враждебной и буржуазно-националистической литературой и обязывает Главлит Украины провести проверку книжных фондов во всех массовых библиотеках. Совет министров УССР также обязывает Комитет по делам культурно-просветительных учреждений изъять из сельских и районных массовых библиотек всю иностранную литературу (имеется в виду литература на иностранных языках Н.Б.), сосредоточить ее в областных и крупных городских библиотеках» [6]. Издавая подобный приказ, Совет министров практически инициировал обеднение фондов и без того нищих сельских библиотек. Советское руководство по сути отнимало у украинского крестьянина право на культурное и интеллектуальное развитие. Подытоживая результаты этой кампании: начальник Главлит УССР К.Ф. Полонник с гордостью сообщил о том, что его подчиненные, выполняя постановление Совета министров УССР № 1566 от 06.09.1946 г., «оперативно и качественно провели проверку книжных фондов Республики с целью их окончательной очистки от политически вредной литературы». В 7108 проверенных библиотеках было изъято 80010 экземпляров книг [7].

Деятельность Управления по делам литературы и издательств всегда находилась под пристальным наблюдением коммунистической партии. Практически все руководящие должности в составе Управления согласовывались с партийными органами соответствующего уровня. Начиная с райкомов КП(б)У (для районных уполномоченных Главлита) и заканчивая ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б) для высших функционеров. Одна из важных функций Управления содержалась в организации рассылки сигнальных экземпляров печатных изданий в контролирующие органы. Назовем несколько самых важных адресов, куда в соответствии с приказом Уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по охране военной тайны в печати № 111 от 21.02.1945 г. [8] издательства обязаны были доставлять контрольные экземпляры своей продукции:

- Уполномоченный Совета народных комиссаров по охране государственной тайны в печати (позже Совета министров СССР);
- Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ СССР (позднее Министерство государственной безопасности (МГБ СССР);
- Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б);
- Отдел пропаганды и агитации обкома КП(б)У.

Особенно интересна информация с данного приказа, касающаяся контроля обллитов за пересылкой протоколов заседаний и совещаний партийных организаций (начиная с областных и заканчивая первичными) в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [9]. Тем самым Главлит в какой-то степени был инструментом косвенного контроля даже за деятельностью партийных структур. Таким образом, Областные управления по делам литературы и издательств составляли важное звено аппарата политического контроля в СССР. Сле-

дует подчеркнуть и тот факт, что Управление по делам литературы и издательств подчинялось Совету министров СССР (на союзном уровне), Совету министров УССР (на республиканском уровне), исполнительным комитетам Областных советов депутатов трудящихся (на областном уровне).

Подводя итоги, можем указать, что послевоенная политическая жизнь Украины и Советского Союза была отмечена новыми идеологическими процессами, которые можно условно назвать «Идеологической индустриализацией». Эти процессы были вызваны теми тенденциями, которые проявили себя в послевоенном мире. Сама же безальтернативная идеология сталинизма продолжала двигаться тем же путем, меняя лишь формы и объемы работы, но никогда не меняя сущность коммунистических взглядов. Для тоталитарной сталинской идеологии этот период можно считать временем триумфа, который одновременно стал поворотной точкой к окончательному упадку всей системы, который состоялся через 38 лет после смерти самого ее создателя.

Источники и литература

1. Відомості наведено за книгою Шаповал Ю.І. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. К.: Генеза, 2001. С. 159–162.
2. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф.Р. 4734. Оп. 1. Д. 5. Л. 39–41.
3. ГАХО. Ф.Р. 4734. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.
4. Історія України. Короткий курс. / Білоусов С.М., Гуслистий К.Г., О.П. Оглоблін, М.Н. Петровський, М.І. Супруненко, Ф.О. Ястребов. К.: Видавництво АН УРСР, 1941. 411 с.
5. ГАХО. Ф.Р. 4734. Оп. 1. Д. 24. Л. 42.
6. ГАХО. Ф.Р. 4734. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
7. ГАХО. Ф.Р. 4734. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
8. ГАХО. Ф.Р. 4734. Оп. 1. Д. 9 Л. 15.

СОПРОТИВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ СТАЛИНСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ (1920–1930-е ГОДЫ)

*О.Л. Рябченко**

Студенчество всегда отличалось активной жизненной позицией, вариативностью мышления, собственным взглядом на происходящие события. Многочисленные источники свидетельствуют о высоком протестном потенциале этой категории молодежи, о различных формах недовольства политикой режима. В современной историографии окончательно не разработана типология форм сопротивления населения сталинскому режиму. В частности, Н. Вертом предложено четыре уровня «сопротивлений» в сталинском СССР: 1) активное, проявляющееся в полном отторжении советской системы или основной составляющей политики режима; 2) социальное неподчинение, объединяющее широкую палитру действий и моделей поведения. Оно было проявлением стратегий ухода от контроля, от ограничений и запретов, установленных режимом в самых разнообразных сферах экономической и общественной жизни; 3) несогласие или расхождение во взглядах, которое определяется как любая форма оппозиционных и нонконформистских настроений, выражающаяся в стихийной форме критика по отношению к тому или иному аспекту режима и его политики; 4) игнорирование норм, ценностей и идеологии режима, направленных на создание «нового человека» [1].

Протестные действия студентов основывались на отрицании отдельных компонентов коммунистического режима. С начала 1920-х гг. большевистским властям неоднократно приходилось сталкиваться как с активным, коллективным сопротивлением студентов и профессоров, так и с «пограничными формами» инакомыслия и недовольства [2]. Протест проявлялся, прежде всего, в стенах учебных заведений. Молодежь, которая еще сохраняла традиции старой школы, «боролась за свободную, независимую от государства, самоуправляемую школу, за свободу собраний, сходов, за свободные выборы студенческих организаций» [3]. В Харьковском ИНО, как вспоминал И.Н. Буланкин, «вся эта масса проявляла бурную активность – не в пользу Советской власти. Борьба протекала под лозунгом: “За ИНО!” или “за университет!”», что в переводе на политический язык означало: “за или против Советской власти”» [4]. Подавляющее большинство вузов настороженно относилось к всевозможным советским нововведениям. Например, по словам политкомиссара Каменецких вузов С. Чалого, «профессора и часть студентов ИНО встретили мнение о коллективе протестом» [5], на момент основания эту идею поддерживали только 15% студентов, а когда коллектив был провозглашен обязательным для всех сотрудников, часть студентов оставила институт [6]. Протест проявился и в порче имущества ИНО, и в портрете В. Винниченко, висевшем в одном из помещений этого института, и в посадке свеклы вверх корешками [7]. Политком Харьковского института сельского хозяйства и лесоводства сообщал, что в помещении института развешаны иконы, срывались плакаты и объявления комячейки [8]. Отношение профессоров и студентов к коммунистам было враждебным, за редким исключением и в Екатеринославском горном институте, хотя ячейка ВКП(б) в 1921 г. и насчитывала всего три человека [9].

Студенчество не ограничивалось противостоянием внутри учебных заведений. В феврале – марте 1922 г., протестуя против нового «Положения о вузах», забастовали профессора Киева, Одессы, Каменец-Подольского [10], а в Москве, Петрограде, Харькове и других городах прошли студенческие митинги и демонстрации [11]. Во время Кронштадтских событий лидеры эсеро-меншевицкого студенчества пытались организовать акции в поддержку тех, кто выступил против большевистского режима. Во многих вузах Киева, Харькова, Одессы распространялись эсеровские прокламации, особенно во время Московского процесса над эсерами. При отсутствии фактического материала трудно говорить о природе их происхождения, но в отчете Киевского ИНО, например, указывалось, что эти листовки распространялись в институте не студентами [12]. По мнению проф. А. Квакина, наоборот, антисоветские партии активно вели работу среди студенчества и через него влияли на рабочих и крестьян [13]. Но, как отмечали современники, к протестам власть оставалась глухой, а зачастую отвечала новыми арестами [14]. На протяжении 1921–1922 гг. в вузах Украины проходили аресты студентов – членов партии меньшевиков и эсеров. Например, в середине сентября 1922 г. за принадлежность к партии РСДРП(м) в Харькове было арестовано двадцать человек [15]. Все они были обвинены «в печатании и распространении нелегальных антисоветских листовок, журналов, в антисоветской агитации среди рабочих, в устройстве целого ряда нелегальных собраний ...» и высланы за границу и в Туркестан [16].

Следующая волна студенческих протестов была связана с вузовскими чистками, особенно сильное недовольство вызвала социально-академическая проверка 1924 г. Исключенные из киевских вузов, отмечал начальник Киевского окружного ГПУ Иванов, настроены озлобленно и нервно. Отдельные студенты

* **Рябченко Ольга Леонидовна** (Харьков, Украина) – доктор исторических наук, проф., зав. кафедрой истории и культурологии Харьковского национального университета городского хозяйства имени А.Н. Бекетова.

высказывали мысли о мести и терроре. В Медицинском институте группа студентов попыталась призвать, путем распространения прокламаций, к террору над «участниками проверочных комиссий, которые, якобы, совершают над ними насилие» [17]. Многие студенты связывали пожар в КПИ с действиями исключенных студентов, а некоторые даже призывали к таким актам и в других вузах, «поскольку демонстрация протеста не подействует должным образом». Появились листовки следующего содержания: «Товарищи студенты! За время нашего пребывания в стенах института мы выпили горькую чашу насилия и, наконец, 1924 год нам предлагает выпить ее до дна. Издеваются над личностью, топчут ее ногами, нас душат за горло, чтобы мы голосовали “единогласно” – Гринюки, Карпуси, Герасимовы, Кислюки и другая сволочь по приказу “из центра” творят своё каиново дело. Людей, которые голодали, которые в невероятно трудных условиях грызли гранит науки, лишают возможности пользоваться результатами своего труда. Нам бросили вызов, мы, студенты, его принимаем. НЕ хныкать, НЕ унижаться, а действовать должны мы, не демонстрациями на улицах, где мы беспомощны, а вооруженной рукой террориста мы этих жалких трусов – негодяев сможем заставить себя уважать. Мы будем такими же безжалостными, как безжалостные они с нами. К действию, товарищи студенты! Группа студентов. Гринюки, Карпуси и К ... “мементо море”» [18]. Студенты этого института даже собирались обратиться за помощью к миссии тред-юнионов, прибывшую в это время в Москву, и которая вскоре должна была посетить Киев.

Листовки с призывом к молодежи «проснуться от зимней спячки» появились и в Харьковском медицинском институте: «Помните, что мы – сила, мы сможем заставить с собой считаться, помните, что наше “я” смогут услышать не только здесь, но и там. Помните, что только решительностью действий мы сможем достичь своей цели и уничтожить “социалистических народных рабоче-крестьянских погонщиков”» [19].

Конечно же, наиболее активные студенты, которые протестовали против чистки, были арестованы. Так, стопроцентному пролетарию А.В. Давыденко, братья которого погибли на фронтах гражданской войны, находясь в рядах Красной Армии, за распространение листовки-протеста пришлось «доучиваться» на Соловках [20]. А по словам В. Бруновского, который в 1926 г. мог вести точную статистику казней ГПУ в Бутырской тюрьме, в 1926 г. из Киева в эту тюрьму были привезены 76 «бандитов», среди них – восемь студентов, которые организовали протест против академической чистки. Все они были казнены [21].

В конце 1920-х – 1930-х гг. характерными были разнообразные формы противодействия: индивидуальные и групповые, открытые и анонимные. Прежде всего следует отметить свободу высказываний, которую позволяли себе многие, в том числе партийные студенты и комсомольцы. Проявлением оппортунизма считались антипартийные разговоры, несогласие с генеральной линией партии, коллективизацией. Информация, которая передавалась в ОГПУ, свидетельствует, что партийными билетами в 1932 г. оплатились студенты Харьковского института красной профессуры Алексеенко, Комаровский, Поголиев и Рощенко за «разговоры о неверности линии партии ... где это видно, чтобы люди сидели голодными и пухли от голода» [22]? Аналогичные разговоры были зафиксированы среди студентов Киевского института профобразования. Например, студент Бурсов говорил, что «на селе голодают, а говорят об успехах пятилетки» [23]. Многие никогда и никому не высказывали свои мысли, потому что «комсомольцу за это может хорошо влететь как стороннику правых...» [24]. Именно так записал в своем дневнике М.Я. Афанасьев, харьковский студент. Его дневник – рефлексия на события, происходящие в украинской деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Из этого источника мы можем узнать о повседневном историческом мышлении студента – выходца из деревни. 26 ноября 1929 г. юноша сообщает: «Я иногда думаю, что неверно делает советская власть, что вытягивает последние соки из крестьян. Во всех газетах только и видишь (Классовая борьба. Наступление на кулака, планы хлебозаготовок) а потом рядом с этим читаешь (На Н-ской станции зерно некуда девать, зерно гниет под открытым небом... зерно сыпается прямо в грязь, потому что нет помещений, куда можно было бы убрать хлеб). Вот по поводу этих фактов я думаю, что каждое сердце более сознательного крестьянина наверное проснется и на почве этого возникают такие противоречия между крестьянством и советской властью. Основная масса крестьянства, насколько я сейчас знаю, ни чуть не заинтересована в пятилетке...» [25]. Получая письма от родных, М. Афанасьев знал истинное положение крестьян, сочувствовал им и боль эту выплескивал на страницах: «И вот сегодня, когда я прочел письмо от бабушки, я ясно представил себе картину крестьянской жизни ... хлеба нет, распродали последних животных, приближается зима, детям надо ходить в школу, а ходить не в чем, есть нечего, старики прожили век, много терпели унижений от царизма, а потом власть перешла в руки пролетариата, и опять голые, голодные, необразованные, закованные в цепи некультурности и не слышно почему-то там отзвуков культурной революции, которую так хорошо нарисовала партия в своих планах» [26]. Но сомневался этот студент только относительно политики партии в деревне, в остальном же был убежден, что «компартия и советская власть делает все правильно».

Протест студентов выражался и в отказе выезжать на посевные и заготовительные кампании, на ликвидацию многочисленных «прорывов» на заводах, шахтах, строительных объектах. В отчетах часто отмечалось,

что эта работа проводилась без особого энтузиазма, было много случаев дезертирства. Характерной можно считать заявление партийца с 1919 г. Каплана, студента Сталинского горного института: «Мы не каторжники, чтобы выполнять такую норму, сколько успеем, столько и сделаем» [27]. Поддержали члены партии и выступление студента Бондаренко по вопросу выезда на Днепрострой, в котором он с возмущением заявил, что «студенты – пробка, которой затыкают все дыры» [28].

На партийных, комсомольских или профсоюзных собраниях неоднократно отмечались случаи голосования против заранее спланированных решений, особенно против исключения однокурсников из комсомола. Причем известны не только одиночные выступления, но и групповые. Например, студент Днепропетровского института народного образования Заборовский, протестуя против исключения из комсомола своего товарища, подал заявление в бюро, где написал: «Прошу исключить меня из комсомола и дать возможность свободно мыслить» [29]. На общем собрании, где разбиралась эта ситуация, его поддержали 135 студентов.

Известны случаи критики работы партийных студентов и протест против выдвижения их на руководящую работу в выборные студенческие органы. Вместо коммунистов – «подлиз и неблагонадежных людей» – предлагались другие, более достойные кандидатуры [30]. Также наблюдалось распространение теории на право сомнения, о чем неоднократно заявлялось на собраниях [31].

О широком распространении «крамольных взглядов» свидетельствует и тайное распоряжение, направленное во все институты в августе 1928 г., где от ректоров требовалось периодически сообщать в Народный комиссариат образования о политическом состоянии вузов (в апреле и октябре), а также предлагалось «сообщать о настроениях лектуры и студенчества в отдельных случаях независимо от установленного термина» [32].

Особенно встревожены были власти обстановкой на занятиях, где профессора «обрабатывали» студентов и последние начинали менять свои взгляды [33]. Преподавателей обвиняли в том, что они используют кафедру для пропаганды «вражеских» идей, иронизируя советские лозунги типа «догнать и перегнать» [34]. Студенты, в свою очередь, говорили, что «в СССР эксплуатируют рабочих сильнее, чем за рубежом», что «мы держимся только на терроре» [35]. Они противостояли организованным формам обучения, выступали против ударничества, бригад и сокращения терминов учебы, отказывались участвовать в общественной работе [36]. Недовольство властью и недостаточная борьба с «вражеской» профессурой квалифицировались как «великий прорыв правого оппортунизма».

Более того, студенты открыто демонстрировали свое сочувствие преподавателям, освобожденным из-под ареста, например, в Житомирском ИНО группа студентов III курса, в том числе и комсомольцы, аплодисментами встретила преподавателя, арестованного по делу «Союза освобождения Украины» и через некоторое время выпущенного на свободу [37]. В восточных регионах Украины часть студенчества распространяла прокламации и занималась агитацией в поддержку арестованных по делу СОУ [38]. В связи с этим ЦК КП(б)У требовал от партийных организаций вузов усиления воспитательной работы. В вузах имели место также факты агитации против митингов с целью разоблачения «контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевской банды» [39].

Как правило, такие «идеологически невыдержанные» студенты исключались из вузов. Для продолжения учебы им надо было прилюдно раскаиваться, заверять о своей благонадежности и активно работать после этого в различных органах для выявления других оппозиционно настроенных студентов. После восстановления в правах студентов многие бывшие «оппозиционеры» доказывали свою преданность идеям партии тем, что сами решительно «чистили» студенческие ряды от «чужих». Например, исключенного в 1928 г. из партии «оппозиционера-троцкиста», секретаря комсомольской ячейки Киевского института народного хозяйства С.И. Броневого не только защитили от преследований, но и взяли на работу в ГПУ. Позже С.И. Бронева с гордостью отмечал, что «работая в ГПУ в Киеве принимал активное участие в разгроме троцкистской оппозиции, особенно арестовывая троцкистов, которые возглавляли оппозицию в институте народного хозяйства и втянули меня в нее» [40].

Поддерживать тех, кто подпадал под критику, было опасно, большинство вынуждено было приветствовать постановления об исключении всевозможных «врагов» и «оппозиционеров» из комсомола и институтов. Разные документы говорят о молчаливой поддержке студентами действий партячек, троек, «легкой кавалерии» и других инстанций, созданных для очищения от неблагонадежных. Во время процессов чисток они молча созерцали происходящее, готовились к занятиям или играли в морской бой. Происходило формирование самого массового типа молодежи в вузах – конформистского.

Но все же, несмотря на преследования и репрессии, на опасность исключения из вузов, в студенческой среде постоянно фиксировались разнообразные формы протестного поведения. Например, в Одесском политехническом институте во время выборов в Советы в 1929 г. «систематически срывались лозунги, стенгазеты, плакаты, приказы» [41]. В одних вузах появлялись авторские стенгазеты антисоветского содержания с иллюс-

трациями [42], в других, как в Днепропетровском горном институте, стенгазеты анонимно расписывались «хулиганскими» надписями или комментариями на речи Сталина, был сломан бюст Ленина, что расценивалось как действия «классовых врагов» [43]. В 1934 г. неоднократно появлялись нецензурные надписи на портретах К. Маркса, рисовались «контрреволюционные» карикатуры на Сталина [44]. Кроме этого, в начале 1930-х гг. во многих вузах стали появляться фашистская символика и лозунги типа: «Пусть живет фашизм». Свастика была обнаружена, например, на стенах Киевского польского педагогического института, между окнами обнаружены крестики.

Своеобразным протестом против политики власти можно считать срыв демонстраций, митингов, вечеров, студенческих собраний, явка на которые не превышала 40%. В Запорожском педагогическом институте (1937 г.) была сорвана явка на октябрьскую демонстрацию, когда вместо 1000 студентов появилось около сотни. В противовес этому, студенты могли очень организованно собираться на незапланированные властью акции. Как провокация был квалифицирован выход во время занятий всех студентов Харьковского института профобразования на похороны Н. Хвилевого [45].

Широкое распространение получили в то время контрреволюционные анекдоты и другие образцы студенческого «фольклора». Их можно считать своеобразной летописью того времени. Потребность в осмыслении реальности, несмотря на всю трагичность ее последствий, и тем более, потребность поделиться своими размышлениями с ближним, хотя и с некоторой опасностью для жизни или свободы, толкала людей на откровенность, пересиливала страх. Образцы «студенческого фольклора» дошли до нашего времени в небольшом количестве, поэтому важными есть и тексты, и идеи, определившие их появление.

Сквозь призму сатиры и юмора, как одной из ее форм, можно увидеть разнообразные проявления повседневности студентов, представить испытания судьбы, подготовленные для молодежи советской действительностью. К нам дошло небольшое количество таких образцов, ибо в большинстве случаев они не публиковались, а передавались в устной форме. Они свидетельствуют о критическом отношении к политике партии, которая пыталась воспитать единое мировоззрение у молодежи. В криминально-следственном деле Т. Забары написано, что этот студент не только рассказывал анекдоты, а пытался доказать тождественность этих анекдотов с жизненными реалиями. В качестве примера приведем один анекдот, написанный Т. Забарой: «Что такое артель? – Если прочитать это слово справа налево (на украинском языке – артиль), получится литра, а литра – это водка, а водка – это дурман, поэтому артель – это дурман для крестьян» [46]. А студенты Киевского ИНО любили во время занятий пускать по рядам листики с разными стишками, где каждый что-то дописывал. О стихах своего однокурсника, в будущем поэта Н. Шеремета, которые отвечали идеологии партии, но которым недоставало поэтичности, они не без иронии писали:

Думати не треба, – все вже ясно,
Нам вказали шлях наш до мети.
Лиш наказ виконувати вчасно
І бадьоро крізь життя іти [47].

Очень откровенные размышления иногда можно было встретить на страницах периодических изданий. Например, ответ абитуриента на вступительном экзамене, который на вопрос: «Что такое Советская власть?», перефразируя лозунг «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны», висевший на стене, ответил, что это – «коммунизм минус электрификация», а под электрификацией, соответственно, следует понимать «коммунизм минус Советская власть» [48]. Для того, чтобы прийти к таким выводам, следует знать только одну математическую формулу, зачем же читать много книг! Автор этого произведения откровенно ни с кем и ни о чем не полемизирует, но в данном случае мы можем говорить о литературном произведении как общественном поведении, как общественном поступке. Мы с точностью не можем сказать, можно ли этот стиль рассматривать как отражение реального поведения автора в жизни, возможно, это только так называемое «поведение в письме», но в 1926 г. этого было достаточно, чтобы оказаться под следствием. В данном случае мы имеем яркий образец сатирического осмысления действительности.

«Хоть каким был опасным жанр сатиры, – вспоминал В. Сокил, – я полюбил его как форму, в которой минимально можно было в строго цензурованных условиях критически оценивать общественные явления и политические процессы» [49]. Несмотря на преследования, зная, что ждет в случае выявления авторства, студенты таким способом показывали свое отношение к действительности.

Смех объединял, помогал выстоять, позволял чаще видеть комическое в совершенно несмешных ситуациях. Политические по содержанию надписи появлялись и в туалетах. По словам М. Москвина, в туалете Харьковского технологического института можно было прочитать «вместо обычной похабщины» – лозунги, воззвания. «Вот требование изгнать ректора; вот надпись, кроющая советское правительство непечатными словами; вот основы Конституции будущего государства, сочиненные каким-то вузовцем; вот карикатуры на политические и бытовые темы; размышления, за которые ссылают в Соловки» [50]. Д. Нитченко вспоминал,

что когда П. Тычиной с целью самосохранения был издан сборник стихов под красноречивым названием «Партия ведет», то «общественное сознание мгновенно и безжалостно отреагировало на это «событие» появлением на стене туалета Киевского университета экспромта:

Тичина також наш поет,
Він часто ходить у клозет,
Та він не сам туди іде –
Його скрізь партія веде» [51].

«Корень учения горек, а анекдоты его смешные», «Мало радости, что многие веселого сегодня» – звучало как приговор студенческим экспромтам, ставило табу на смех. Как говорил великий Гоголь, человеческого смеха боится всякий, даже тот, кто уже ничего на свете не боится. Смех становился острым и опасным оружием для обеих сторон. За один единственный политический анекдот в начале 1930-х гг. начали сажать в тюрьму и не только того, кто смеялся:

– За что посадили?
– За большой язык: рассказывал анекдоты. А тебя?
– За лень. Услышал анекдот и думаю: завтра донесу,
а товарищ не поленился ...

Анекдоты, как и другие юмористические нарративы, являются семантически богатым, образно насыщенным и достаточно распространенным способом реакции на политическую ситуацию в стране. В них причудливо сочетались и ненависть, и протест рядового гражданина против жестокости и несправедливости политики государства, и надежды, и мечты его, и смех, и слезы. «Их передавали шепотом, улыбаясь, на перекрестках улиц и на трамвайных остановках, оглядываясь, где-нибудь в конторе сотрудники, их передавали открыто и громко, чокаясь рюмками, в тесном кругу знакомых», – вспоминал профессор О. Маньков [52]. С первых шагов советской власти наиболее распространенными стали политические анекдоты. Острота анекдота была в его мгновенной реакции на событие и в лаконичности. В среде студентов достаточно распространенными были анекдоты о седьмом условии Сталина и антисемитские анекдоты, причем их распространяли и сами евреи. Так, большим мастером в этом деле был студент Харьковского технологического института, еврей по происхождению Гандварг, который рассказывал их однокурсникам в большом количестве, например: «В чем разница между Сталиным и Моисеем? – Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из политбюро» [53]. И таких анекдотов была неисчислимое количество. Трудно сказать, были их авторы случайными или нет, но они молниеносно разносились по всей стране.

В это время очень распространенным среди разных верст населения был бытовой (повседневный) антисемитизм. Не исключением были и студенты: «Волна антисемитизма среди студентов ширится и растет. Имеют место даже избиения студентов-евреев» [54]. Их называли «жидовскими мордами», «абрашами», в разговорах «слово “жид” склоняется всякими способами» [55], что часто провоцировало драки и даже поножовщину, как это случилось в Харьковском технологическом институте [56]. На общих партийных и комсомольских собраниях в президиум поступали записки с вопросами: «Почему евреев переселяют в Крым?», «Почему евреи в большинстве своем торгаши?» [57]. Евреев обвиняли в хозяйственных трудностях, в бюрократизме аппарата, в протекционизме. Недовольство положением освещалось и в устном творчестве:

«Жид заседает в Совнаркоме.
Жид всей страной управляет.
Жид нас повсюду вытесняет.
Жидами Крым уж населяют.
Русь в Палестину обращают» [58].

Власть выделяла две формы антисемитизма: активно-сознательный как составная часть контрреволюционной работы со стороны «вражеских» групп населения, к которым принадлежали «кулачество и петлюровщина в селе, часть спецовой интеллигенции в городе» и бытовой, несознательный, который развивается посредством влияния первой категории и поэтому объективно также выступает в поддержку активной формы антисемитизма [59]. Поэтому и стихи, и высказывания о том, что «евреям дают землю в Крыму, а украинцев гонят в Сибирь», расценивались как опасные, считалось, что под «лозунгами национальной вражды к евреям» ставились задания ведения «контрреволюционной борьбы с советской властью: на случай войны – бить евреев, коммунистов, а потом и профсоюзы» [60]. В тайной сводке Одесского окрпарткомса указывалось, что антисемитские разговоры среди студентов носят массовый характер практически во всех вузах и в первую очередь там, где основную массу студентов составляют выходцы из сел [61]. Неудовольствие вызывали те привилегии, которые будто были у евреев. В стихотворении студента Т. Забары, например, читаем:

«Запродана Україна, така її доля.
Жидам вона запродана, вони зараз керують,
А ці бідні українці по допрах бідують» [62].

Неоднократно на собраниях поднимался вопрос о введении процентной нормы для евреев при поступлении в институты: «Выступает комсомолец и жалуется, что в КИНХе маловато украинцев. И здесь же объясняет: мало потому, что много евреев... После него берет слово член бюро комсомольского коллектива и развивает эту мысль: «Надо предпринять решительные действия. Верно, что много евреев. Не мешало бы ввести процентную норму (не больше двух процентов) для евреев в вузах» [63]. Процентные нормы были действенным инструментом снижения численности студентов-евреев в вузах Российской империи [64]. В советских вузах призывы к ограничению количества лиц еврейской национальности квалифицировались как «неслыханные выкрутасы» со стороны людей, «скрывающих свое классово чуждое лицо за комсомольским билетом», в прессе предлагалось «привить всем студентам непримиримую вражду к антисемитизму» [65]. Несмотря на это, евреи неоднократно становились объектами насмешек и издевательств. Такое отношение вызывало сопротивление евреев, например, комсомолка этой национальности в Киевском ИНХ на собрании призывала евреев к единству для совместной борьбы [66].

Безнадежность в противостоянии большевистскому режиму толкала некоторых студентов к нелегальному побегу за границу. Студентам приходилось пересечь не одну границу на своем пути к свободе: чаще всего бежали через Румынию и Польшу [67]. В Польше, если студент попадал в руки полиции, его арестовывали и отправляли обратно на верную погибель. Так, например, пытались поступить с Г. Клименко, бывшим студентом Киевского политехнического института, которого на родине преследовали и арестовывали большевики за повстанческую работу в 1919 и 1920 гг., но он смог убежать из ЧК в Польшу. Там его снова арестовали, но отправить в Советскую Украину не успели – Г. Клименко удалось бежать в Чехословакию в ноябре 1923 г., где он и обратился в Совет Союза студентов-эмигрантов из Великой Украины с просьбой принять его в эту организацию [68]. Так же поступил и Ф. Антонович-Лещинский, который в период с 1918 по 1921 г. был казаком в украинской армии, а после окончания освободительной борьбы пытался закончить начатое в 1918 г. образование на физико-математическом факультете Киевского университета Святого Владимира (в советские времена реорганизованного в Киевский институт народного образования), но вынужден был нелегально переехать в Польшу, а затем в 1923 г. также нелегально из Польши, спасаясь от преследований полиции [69].

Но не всем выпадало счастье избежать или преодолеть тюремные стены. Так, студента Каменецкого сельскохозяйственного института И. Чорного, который в 1922 г. сделал попытку нелегально через Польшу добраться в Прагу с надеждой учиться в университете, «поляки поймали во Львове и вернули в Советскую Россию», где неудачник, просидев два месяца в ГПУ, был возвращен для продолжения образования [70]. Это вовсе не означает, что его «грехи» были забыты, поскольку уже в следующем году И. Чорный был «вычищен» из института [71]. О дальнейшей его судьбе также легко догадаться.

Выход из «крошечного мрака» виделся некоторым студентам в самоубийстве, например, в Одесском сельскохозяйственном институте за четыре месяца случилось пять самоубийств [72]. Аналогичные происшествия происходили во многих вузах, но они рассматривались «как попытка подрыва работы в деле проверки студенчества» [73]. Так, когда студент IV курса мехфака Киевского политехнического института П. Богун повесился, узнав о намерениях исключить его из института как чуждый элемент, в газете этого института говорилось: «Нас не испугает казнивший себя петлюровец [...] Настоящий пролетарский студент не должен бояться проверки, а наоборот, он должен усилить свое участие в работе по проверке» [74]. Заместитель наркома просвещения УССР А.Т. Приходько отмечал, что самоубийства были следствием произвола проверочных комиссий в институтах [75]. А в периодике таких людей объявляли «дезертирами из общего фронта» и призывали «поставить этот вопрос перед всей студенческой организацией во весь рост и сделать из этих фактов нужные политические выводы» [76]. Активный комсомолец, пользовавшийся уважением всего курса за свою доброжелательность, веселый нрав, хорошую успеваемость, был исключен из комсомола и Харьковского университета за сокрытие того, что отец в годы нэпа имел небольшой торговый киоск на рынке. «В большинстве из нас внутри против этого все протестовало» [77], – писал Б. Красовицкий. Но это не мешало исключению. В отчаянии студент пришел на занятия группы и выпил раствор цианистого калия, пытаясь покончить с жизнью. В больнице его удалось спасти и к радости студентов восстановили в университете (но не в комсомоле). Остро чувствуя фальшь действий власти, некоторые партийцы открыто заявляли на собрании о своем несогласии с генеральной линией партии, пытались распространять свои взгляды среди партийцев и комсомольцев, ища в них участие. Но стена непонимания и молчания, и, как следствие, обвинение во «вредности взглядов» и исключение из партии, довольно часто становились поводом для лишения себя жизни [78]. Не имея возможности противостоять тоталитарной системе, добровольно выходя за пределы

бытия, самоубийцы пытались хотя бы привлечь внимание широкой общественности к действительному положению вещей в обществе. О влиянии на саму систему говорить в этом случае не приходится.

Таким образом, многочисленные факты позволяют говорить о наличии среди молодежи значительного количества несогласных с политикой партии на различных участках хозяйственной жизни и в идеологической сфере. В тоталитарном обществе дефицит свободы размышлений и высказываний на политические темы компенсировался с помощью антипартийных разговоров, своеобразного фольклора, политических анекдотов, которым не требовалось особое разрешение для возникновения и распространения. Студенческий мир не был исключением, необходимость в осмыслении действительности и самопознании приводила к разнообразию позиций, взглядов, оценок преобразований в обществе, позволяла увидеть за праздничным фасадом противоречивость жизни. Невозможно точно сказать, сколько студентов имели, по выражению В. Сосюры, пятиконечную звезду на фуражке, а на сердце – тьму, важно другое – среди них постоянно фиксировались разнообразные формы противодействия режиму. Единичные и массовые, анонимные и открытые, они свидетельствуют о том, что центральная власть не оправдывала социальных ожиданий многих молодых людей.

Источники и литература

1. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Никола Верт; [пер. с фр. А.И. Пигалева]. М., 2010. С. 338–340.
2. См.: Рябенко О. Студенти радянської України 1920-1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентифікації. Харків, 2012. С. 176–181.
3. Олицкая Е.Л. Мои воспоминания. Frankfurt/ Main, 1971. Кн.1. С. 170.
4. Академик Иван Николаевич Буланкин. 1901–1960. Харьков, 2004. С. 74.
5. Чалий С. Жони професорські // Вісти. 1922. 17 лют.
6. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1513. Л. 48.
7. Комарницький О.Б. Студентство Кам'янець-Подільського інституту народної освіти в період репресій (20-ті роки ХХ ст.) // Іван Огієнко і сучасна наука та освіта: наук. зб. Серія історична та філологічна. 2009. Вип. 6. С. 53
8. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 405. Л. 53.
9. Ляликов Ю.С. Человек, который «видел» электроны. Кишинев, 1978. С. 31.
10. Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні у 1920-ті рр. Тернопіль, 2000. С. 92.
11. Маслов С. Россия после 4 лет революции. Париж, 1922. С. 171.
12. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 2. Д. 1077. Л. 172.
13. Квакин А.В., Постников Е.С. Завоевание высшей школы: Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 470.
14. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 79.
15. Тріпутіна Н. Вірність покликанню: Черкес Даниїл Самойлович // Реабілітовані історією: Харківська область. К.; Х., 2008. Кн. 1, ч. 2. С. 161.
16. Отраслевой архив Службы безопасности Украины, г. Харьков. Д. 015151. Л. 8.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1908. Л. 16.
18. Там же. Л. 20.
19. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 6. Д. 594. Л. 66, 68.
20. Там же.
21. Бруновский В. Дело было в СССР: (странички из воспоминаний бывшего «смертника») // Архив русской революции. М., 1993. Т. 19–20. С. 132.
22. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5558. Л. 3.
23. Там же.
24. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 6. Д. 583. Л. 168.
25. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 6. Д. 583. Л. 168.
26. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 6. Д. 583. Л. 168.
27. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5558. Л. 110.
28. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 25.
29. Оплесками «бортаться» з правою ідеологією // Студент революції. 1930. № 9. С. 35.
30. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-5645. Оп. 3. Д. 1. Л. 108.
31. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 21.
32. Государственный архив Житомирской области. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
33. Злодії що вкрали студентські квитки // Комсомолец України. 1929. 14 лютого.
34. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 31–32.
35. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-5645. Оп. 3. Д. 1. Л. 108.
36. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 16.
37. Сумний О. Студентство в національному будівництві // Студент революції. 1930. № 8. С. 2.
38. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 18.
39. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7096. Л. 15.

40. Цит. за: Золотарьов В. секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: Справи та люди. Харків, 2007. С. 10.
41. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 32–33.
42. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 3. Д. 2767. Конверт; Там же. Оп. 1. Д. 6174. Л. 33, 35.
43. Рябов М. Новорічна прогулянка антисеміта Ямпольського // Студент революції. 1933. № 4. С. 1.
44. ЦГАОО України. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1114. Л. 12.
45. ЦГАОО України. Ф. 7. Оп. 1. Д. 906. Л. 31.
46. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 6174. Л. 25, 26.
47. Костюк Г. Зустрічі і прощання: Спогади. Кн.1. Едмонтон, 1987. С. 157.
48. Трушков В. Формула советской власти // Красное студенчество. 1926. № 10. С. 24.
49. Сокіл В. Здалека до близького: Спогади, роздуми. Едмонтон, 1987. С. 208.
50. Москвин М. Хождение по вузам. Воспоминания комсомольца. Paris, 1933. С. 12.
51. Нитченко Д. Від Зінькова до Мельборну // Березіль. 1992. № 3–4. С. 113.
52. Маньков А.Г. Из дневника рядового человека // Звезда. 1994. № 2. С. 151.
53. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
54. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3021. Л. 8.
55. Антисеміти вишкіряють зуби // Комсомолец України. 1929. 11 січня.
56. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
57. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
58. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 2. Д. 1839. Л. 12, 13.
59. Государственный архив Полтавской области. Ф. Р-369. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.
60. Государственный архив Полтавской области. Ф. Р-369. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.
61. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3021. Л. 8.
62. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 6174. Л. 19.
63. Антисеміти вишкіряють зуби // Комсомолец України. 1929. 11 січня.
64. Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? М., 2007. С. 63.
65. Антисеміти знов оруднують в Геодезичному інституті // Комсомолец України. 1929. 17 жовтня.
66. Мірошніченко О., Баумштейн В. Що робиться в Київському інгоспі // Студент революції. 1929. № 4. С. 23.
67. Рябченко О.Л. «Мысли эмигрантского студенчества тянутся к Золотой Праге»: дороги и бездорожья украинских студентов в послевоенной Европе (1920-е годы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 167.
68. ЦГАОО України. Ф. 269. Оп. 1. Д. 870. Л. 126.
69. Там же. Л. 42.
70. ЦГАВО України. Ф. 166. Оп. 5. Д. 604. Л. 109.
71. Рябченко О.Л. «...А ви у сусідів шукаєте долі»: Українські студенти-емігранти з Наддніпрянщини у Польщі (перша половина 1920-х років) // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер.: Історія. 2009. Вип. 23. С. 131.
72. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 29.
73. Дефі Ф. Замість некролога // К.П.І.: газета прол. студентства, професури та службовців Київ. політех. ін.-ту. 1929. № 80.
74. Там же.
75. ЦГАВО України. Ф. 166. Оп. 9. Д. 52. Л. 148.
76. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 34.
77. Красовицкий Б.М. Воспоминания. Харьков, 2008. С. 133.
78. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 622. Л. 94, 95.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ГУЛАГА В КОМИ АО В 1929–1930-е ГОДЫ*

*В.Н. Каракчиев***

С первых лет своего существования советская власть была заинтересована в развитии промышленности. Из-за своей относительно близкой расположенности от Москвы и объему полезных ископаемых территория Коми АО стала объектом повышенного внимания властей. В 1921 г. Д.А. Батиев, заместитель председателя Коми Облревкома, предложил идею создания системы лагерей в регионе и использования труда заключенных. В 1929 г. на территорию Коми АО стали прибывать первые партии заключенных и спецпоселенцев. В связи с дислокацией лагерей на территории области осуществлялось взаимодействие местных органов власти и ГУЛАГа.

Одним из первых точек сотрудничества стало решение вопроса о расположении административных и хозяйственных подразделений в г. Усть-Сысольске (совр. г. Сыктывкар), а также формирование управленческого аппарата и дислокация Усевлон. В октябре 1929 г. по договору с административным отделом Коми ОИК Усевлон получил сроком на год «все без исключения помещения, постройки...» для помещения заключенных [3, с. 352–353]. Основной целью Усевлон была эксплуатация природных богатств в районах Ухты и Печоры, а также изыскание нефти и лесоразработки [4, с. 379].

Труд прибывавших с 1929 г. в Коми АО заключенных использовался как на добыче полезных ископаемых, так и на строительстве различных объектов (дорог, мостов, шахт и т.д.). Часто работы проводились близ населенных пунктов, где были отмечены случаи контакта между заключенными и местным населением. 12 августа 1929 г. временно исполняющий должность начальника Усевлона Р.И. Васьков вынужден был обратиться с просьбой в Коми ОИК: «Замечено, что местные жители... имеют сношения с заключенными вверенных мне лагерей...». Он попросил решить вопрос об исключении подобного рода взаимоотношений. 18 августа Коми ОИК издал постановление, в котором говорилось, что «сношения с заключенными лагерей, работающих на постройке железнодорожной линии “Усть-Сысольск – Пинюг” и тракта “Усть-Сысольск – Половники – Ухта” недопустимы и будут караться». Известно, что местные жители обменивали вещи на продукты у заключенных или покупали за наличный расчет [3, с. 356]. Тема строительства ж/д «Усть-Сысольск – Пинюг» раскрыта в статье М.Б. Рогачева «Усевлон и история “мертвой дороги”» [3, с. 345–373].

По мнению местных властей, строительство железной дороги «Усть-Сысольск – Пинюг» и гравийной дороги Сыктывкар–Ухта являлось стратегической задачей для развития промышленности в регионе. В связи с этим Президиум Коми ОИК издал постановление обязать РИК (Ижемский, Усть-Вымский, Прилузский, Сыктывдинский, Визинский) оказывать максимальное содействие руководству лагерей в строительстве дорог [1, д. 46, л. 3]. 25 июня 1932 г. Ф.Г. Тараканов (председатель Коми ОИК) направил телеграмму начальнику Гулага М.Д. Берману: «Строительство дороги без вашей помощи успешно развернуть невозможно» [3, с. 369].

В 1932 г. поселок Чибью (совр. г. Ухта) посетила бригада Коми обкома партии, где ознакомилась с производством и достижениями в области добычи нефти и радиоактивных вод, а также с хозяйственным укладом Упитлага, организованного в июне 1931 г. на базе Ухтинской экспедиции ОГПУ [4, с. 498]. Это событие способствовало написанию письма начальника лагеря П.И. Дикого председателю Коми ОИК Ф.Г. Тараканову, в котором он отметил, что надлежащей помощи со стороны местных партийных и советских организаций Упитлагу не было [2, д. 913, л. 9]. А ситуация достаточно сложная: назрела необходимость строительства электростанции в 900 кв, железной дороги протяженностью в 70 км и т.д. «Вместо помощи со стороны организаций – исключительное молчание...» – писал начальник лагеря и попросил предпринять действия в этом направлении [2, д. 913, л. 11].

Подобную просьбу о помощи писал начальник Ухтпечтреста Я.М. Мороз, обращавшийся к А.А. Семичеву, секретарю Коми Обкома ВКП(б), за содействием в предоставлении Ухтпечтресту транспортных средств и доставки грузов к комбинату [2, д. 944, л. 4–5]. В феврале 1934 г. было издано постановление Президиума Усть-Вымского РИК, где сельсоветам указывалось обеспечить грузоперевозки Ухтпечтреста. Председателям сельсоветов было дано предупреждение, что невыполнение поставленных задач будет рассматриваться как невыполнение директив КРИК и ОИК о превращении Северного края и Коми Области в промышленный район [1, д. 168, л. 62].

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Каракчиев Владислав Николаевич (Сыктывкар) – старший лаборант сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, karakchiev.vlad@yandex.ru.

Таким образом, взаимодействие местных органов власти и начальников лагерей ГУЛАГа выразилось в достижении общей цели – развитии промышленности в регионе. Местные органы власти применяли административный ресурс, а лагерное начальство использовало труд заключенных для решения стратегических задач.

Источники и литература

1. НАРК. Ф.Р. 93. Оп. 1.
2. НАРК. Ф.П-1. Оп. 2.
3. Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 2000. Т. 3. 496 с.
4. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М.: Звенья, 1998. 600 с.

Список сокращений

ГУЛАГ – Главное управление лагерей
Коми АО – Коми автономная область
КРГА ОПДФ – Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований
КрИК – Краевой исполнительный комитет
НАРК – Национальный архив Республики Коми
Облревком – Областной революционный комитет
ОИК – областной исполнительный комитет
РИК – районный исполнительный комитет
Упитлаг – (Ухтинско-Печорский ИТЛ, Ухтпечлаг)
Усевлон – Северные лагеря ОГПУ Особого назначения, Севлаг, Севлон

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В УСИНСКОМ РАЙОНЕ В 1930–1950-х ГОДАХ

*Л.Я. Канева**

В первые десятилетия Советской власти в Коми автономной области происходят события, которые определяют всю последующую историю края. В начале 1930-х гг. геолог Г.А. Чернов открыл на северо-востоке Коми, в бассейне реки Воркуты, месторождение угля. Дальнейшие исследования показали, что запасы угля в этом районе огромны. Страна в то время испытывала огромную нужду в топливе. Поэтому руководство Советской России приняло решение о немедленном начале освоения Воркутинского угольного месторождения. Уже в 1931 г. на правом берегу реки Воркуты возник населенный пункт Воркута, позже ставший городом.

Если еще в конце двадцатых годов Коми область являлась преимущественно аграрной, то уже к 1937 г. промышленность давала 75% валовой продукции народного хозяйства республике. Промышленное освоение Севера в значительной степени проводилось руками заключенных и спецпереселенцев. На территории республики в конце 1930-х гг. было дислоцировано семь крупных лагерей ГУЛАГа (Главное Управление лагерей трудовых поселений и мест заключения), являвшихся мощными многопрофильными предприятиями [1].

Согласно особому приказу за № 31 заместителя начальника управления «Ухтпечлаг» Матвеева от 3 марта 1934 г. были намечены и выполнены мероприятия, которые позволили в труднейших условиях построить крайне необходимую дорогу. И 6 августа 1934 г. узкоколейная дорога от поселка Рудник до реки Усы протяженностью 64 км была введена в эксплуатацию (к окончанию укладки путей до рудника на узкоколейке в наличии имелись два паровоза и 24 платформы грузоподъемностью по 8,2 т каждая).

Воркутинский уголь стали вывозить по Усе и Печоре в Нарьян-Мар, а затем через Баренцево море в Архангельск и Мурманск. Через Усть-Усу проходили сотни тысяч всевозможных грузов.

25 февраля 1936 г. в составе Коми области был образован Печорский округ с центром в селе Усть-Уса. В новое административно-территориальное образование вошли Ижемский район с охватом Ухты, Усть-Усинский и Усть-Цилемский районы с охватом Воркуты на р. Усе и Щугора на Печоре. Первым председателем Печорского окрисполкома был А. Нахлупин, первым секретарем окружкома партии – С. Гуляев-Зайцев [2].

Вместе с тем промышленный подъем на севере республики (в 1936 г. автономная область Коми превратилась в Коми АССР) повлиял и на развитие Усть-Усы. В эти годы застройка села идет сверхбыстрыми темпами. Управление Печорского речного пароходства в 1935 г. со всеми службами перебазировалась в новый райцентр. Население села доходило до 13 тыс. чел. Однако расцвет Усть-Усы был недолговечным.

На строительстве Северной железной дороги до осени 1941 г. работали свыше 85 тыс. заключенных и около 30 тыс. вольнонаемных. А к началу 1942 г. общая численность заключенных в железнодорожных лагерях достигла 170 тыс. чел. Темпы сооружения железной дороги с началом войны ускорились, поскольку возросло ее стратегическое значение, особенно для снабжения военной промышленности районов Европейского Севера, железнодорожного транспорта и морского флота углем, нефтью и газом, лесом.

Путь укладывался одновременно на нескольких участках (одна группа строителей шла навстречу другой). Передовые бригады и «боеучастки», специально созданные политотделом на ключевых объектах стройки, в некоторые дни прокладывали до пяти километров пути. Таких темпов тогда еще не знала отечественная практика железнодорожного строительства.

К концу декабря 1941 г. укладка железнодорожного пути на заполярном участке Северо-Печорской магистрали была завершена. 28 декабря открылось рабочее движение поездов между Котласом и Воркутой [3].

Очевидцы рассказывают, из воспоминаний Алексея Серафимовича Чупрова, бывшего жителя Усть-Усы. «С 1933 по 1941 годы Усть-Уса волею судеб превращалась в центральную базу людских и материальных ресурсов Усинского, затем Воркутинского отделений управления “Ухтпечлаг”, а после разделения лагерей (май 1938 г.) – управления “Воркуталаг”. Сюда не по своей воле прибывало много людей, заключенных и ссыльных, среди которых были интеллигентные, высокообразованные специалисты разных отраслей народного хозяйства. Они неделями ожидали здесь отправки дальше по реке Усе – на заготовку дров для пароходов, в зарождавшиеся подсобные сельскохозяйственные поселения, на строительство угольной индустрии, дорог и обустройство поселков по добыче каменного угля и т.д.

Заключенные как правило жили на баржах, ожидая свободные буксирные пароходы, а некоторые даже квартировали у селян. Мой отец работал в заготовительной конторе, имел общительный характер и, видимо. По велению души, он иногда встречался с некоторыми из заключенных. Их беседы о литературе, искус-

* Канева Любовь Яковлевна (Сыктывкар) – художественный редактор редакционно-издательского отдела Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

стве, культуре, истории, об электрификации, а также и о свободе, не могли не заронить зерна в мой детский ум и сердце.

Усть-Уса в те годы была в зените своей славы: возводились рубленые из бруса двухэтажные 8- и 12-квартирные жилые дома; великолепный деревянный речной вокзал по образцу химкинского в Москве; парадная лестница, которая вела от пристани до вершины угорья, где возвышалось здание вокзала. Лестница состояла из двухсот двадцати с лишним ступенек и нескольких площадок со скамеечками для отдыха. На площадках у пристани были построены цилиндрические и призмобразные киоски, буфеты и ларьки.

С 1929 года в селе действовал консервный завод по переработке оленины, дичи, речной белой рыбы. Усть-Уса того времени напоминала небольшой северный городок с дощатыми тротуарами и двухэтажными деревянными домами.

Бурно развивающаяся Усть-Уса оставалась в стороне. Выше по Печоре возникал другой перевалочный пункт и одновременно железнодорожный узел – поселки Канин Нос и Печора» [4].

Великая стройка велась руками тысяч заключенных, но и руководящий состав округа не минула эта чаша. Во второй половине 1930-х гг. Печорский округ трясло от так называемой «чистки». Не обошли стороной репрессии и представителей интеллигенции. В октябре 1937 г. Усть-Усинский районный отдел народного образования подготовил «Список учителей, подлежащих к освобождению от работы как несоответствующих», в который был включен 31 человек. Среди них числились: Колмаков, «лишенный избирательских прав», А. Пунегова, которая «имела тесную связь с «врагом народа Калининым», И. Артеев – «сын стражника», Н. Туисов, который «был в числе зажиточных», И. Ануфриев – «в тетрадях учащихся допустил антисоветские слова», И. Колодешников – «содержит жену попа, тещу, присвоил имущество попа», А. Сметанин – «состоял в группе меньшевиков, его дядя – самый крупный кулак», Т. Колмакова – «дочь служителя культа», П. Терентьев, у которого «брат жены – троцкист».

А между тем в это время в округе не хватало квалифицированных медицинских и педагогических кадров. В 1937 г. по всей Печоре работали всего девять врачей и 15 учителей с высшим образованием [5].

Однако на пути угольщиков встал вопрос – как доставлять необходимое оборудование и людей в Воркуту и как оттуда вывозить уголь? Единственно возможным в то время оказался водный путь по Усе и Печоре в Нарьян-Мар, а затем через Баренцево море – в Архангельск и Мурманск. Но и до Усы надо было как-то добираться. Для этой цели в 1934 г. от воркутинского поселка Рудник до реки Усы была построена узкоколейная железная дорога протяженностью 64 км.

Особое внимание уделялось речному транспорту, выполнявшему основную часть перевозок. Укреплялась производственная база Северного и Печорского речных пароходств. Дальнейшее развитие получило речное судостроительство: были построены новые судоверфи (место постройки и ремонта судов), организованы ремонтно-механические мастерские, в том числе в п. Ошкурья.

Началась переброска всего необходимого оборудования и строительных материалов для строительства угольных комбинатов Воркуты и Инты. Усть-Уса, да и другие населенные пункты стояли на этом пути. Сотни тысяч всевозможных грузов несли на себе воды Усы. Только в 1940 г. в шести километрах от Усть-Усы зимовало 30 барж с 300 автомашинами на борту и три парохода. Для переброски зазимовавших грузов была проложена зимняя трасса [6].

Если вопрос с дорогой, а значит и с доставкой необходимых материалов был решен, то вопрос о том, кто же будет работать на угольных шахтах, оставался открытым. И сталинское руководство вновь решает использовать «на благо Родины» заключенных. По берегам Усы и Печоры возникает большое количество лагерей. Тысяча невинных людей, брошенных в тюрьмы, так называемые «враги народа», стали невольными рабочими воркутинских шахт [7].

Осознавая важность развития «северной кочегарки» (так стали называть Воркуту). В октябре 1937 г. правительство принимает решение о строительстве Северо-Печорской железной дороги (Коноша – Котлас – Воркута). Ее строителями тоже стали заключенные. Из-за невыносимых условий труда, скудного питания, плохой одежды многие из невольников не выжили и навсегда остались лежать в Коми земле. Имена тысяч из них до сих пор неизвестны.

С вводом Северной железной дороги Усть-Уса утратила свое значение. Теперь все грузы пошли по введенной в строй железнодорожной магистрали. Поэтому в 1941 г. Печорский округ был ликвидирован. Управление пароходства переехало в Канин (ныне Печора). Усть-Уса осталась центром Усть-Усинского района [8].

До середины 1950-х гг. заключенные местных лагерей, отбывшие срок наказания, являлись одним из основных источников пополнения населения городов и рабочих поселков. После освобождения многие бывшие заключенные оставались на работе в тех же городах и поселках, уже как вольнонаемные рабочие и служащие [9].

В 1950–1960 гг. в п. Ошкурья Печорского района жили высланные (так называли их в поселке): немцы, евреи, финны, украинцы, китайцы. В больнице работал квалифицированный врач – еврей. Рядом с нами жили

украинцы в своем доме, по фамилии Аникиенко. Дом был длинным и помазан побелкой, состоял из трех комнат, и было у них восемь детей. Отец работал конюхом. В школе-одинадцатилетке работала немка – была директором школы, по фамилии Гинсбург. Не далеко от нас жил финн, был женат на коми женщине. Дом у него был небольшой, и не похож на дома в поселке. Китайцы работали, убирали выгребные ямы. Никто в поселке их не обижал. В 12 км от п. Ошкурья располагалось село Усть-Уса, на высоком берегу р. Печоры. В средней двухэтажной школе, которая была построена в 1938 году, работала немка Герта Юлиусовна. Она жила возле школы в учительском двухэтажном доме, с двумя дочерьми Гертой и Галей [10].

Возникшие первоначально на базе одного промышленного предприятия, месторождения полезных ископаемых или транспортного узла, большинство поселков городского типа и в дальнейшем сохранило узкую промышленную специализацию и не меняло административный статус. Часть поселков по мере роста и развития преобразовалась в города, превращаясь в административные и культурные центры. Статус городов приобрели шесть рабочих поселков: Воркута, Ухта, Инта, Печора, Сосногорск, Микунь. Третья категория поселков потеряла свою самостоятельность, ввиду слияния их с другим городским поселением (в 1949 г. пос. Канин объединен с пос. Печора и образован в гор. Печора; в 1958 г. пос. Усть-Воркута включен в состав пос. Елецкий). Четвертая категория, в связи со свертыванием производственной базы в этих населенных пунктах, утратили городской статус и перешли в разряд сельских поселений (пос. Кырта в 1958 г. и пос. Ошкурья в 1959 г.). В строительстве этих поселков и в формировании их населения основную роль сыграли выходцы из других регионов страны, в значительной части своей – узники ГУЛАГа [11].

Советское правительство в 1930–1950 гг. принудительно использовало бесплатную рабочую силу, благодаря которой были решены задачи экономики страны.

Источники и литература

1. Машков А.О., Машкова Н.П. Усинск: от рассвета до расцвета. Сыктывкар, 2007. С. 88.
2. Там же. С. 89.
3. Там же. С. 91.
4. Там же. С. 92.
5. Там же. С. 93.
6. Моя Родина Усинск. Усинск, 2009. С. 82.
7. Там же. С. 84.
8. Там же. С. 85.
9. Безносова Н.П. Роль ГУЛАГа в формировании сети посёлков городского типа в Коми АССР в 1930–1950 гг. // История и перспективы развития Северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. (Материалы I Международной научной конференции). Сыктывкар, 2011. С. 4.
10. Канева Л.Я. Развитие хозяйства Ижемского района в 1930–1950 гг. // История и перспективы развития Северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. (Материалы I Международной научной конференции). Сыктывкар, 2011. С. 193.
11. Безносова Н.П. Роль ГУЛАГа в формировании сети посёлков городского типа в Коми АССР в 1930–1950 гг. // История и перспективы развития Северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. (Материалы I Международной научной конференции). Сыктывкар, 2011. С. 6.

«СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ» (ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ)

*Н.А. Кобрин**

Тема репрессий является неотъемлемой частью истории нашего государства и одной из ее самых тяжелых страниц. Слова И. Сталина «сын за отца не отвечает», произнесенные на совещании передовых комбайнеров (1 декабря 1935 г.) в ответ на выступление участника совещания А.Г. Тильба: «Хоть я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян», были широко растиражированы, но использовались государственной властью в своих целях.

Спецпереселенцы – это правовой статус высланных, в отношении которых не было учтено ограничение до 16-летнего возраста, указанное в статье 35 Уголовного Кодекса РСФСР 1936 г. Выселялось население вплоть до грудных детей и стариков без указания сроков высылки. В тридцатые годы сложился бессистемный комплекс правительственных директив и указаний, распоряжений и приказов отдельных ведомств (прежде всего, ОГПУ–НКВД) в отношении спецпереселенцев. Документы были изданы не законодательными, а исполнительными органами, нередко являлись актами, вопиюще противоречившими конституционным принципам и нормам советского государства. Спецпереселенцы формально не считались репрессированными, но фактически являлись таковыми, поскольку лишались избирательного права и права на передвижение (запрещалось покидать спецпоселки).

На 1 апреля 1939 г. в трудпоселках страны в качестве учетного населения находилось 264 983 семьи (990 476 чел.) в том числе 385 тыс. детей и подростков. По учетным данным на 1 января 1952 г. на спецпереселении состояло на учете 2 736 187 чел., в том числе 875 740 детей и подростков [8, с. 257]. В документах регламентировавших работу со спецпереселенцами большое место отводилось школе. В сентябре 1938 г. в трудпоселках действовало 1196 начальных, 370 неполных средних, 136 средних школ, а также 230 школ профтехобразования, 12 техникумов [5, с. 115].

В 1930–1940 гг. на поселениях спецпереселенцев создавалась система детских учреждений, которая сыграла важную роль в спасении беспризорных и сирот. В частности, в 1935 г. перед руководством Коми автономной области встала необходимость организации девяти детских домов на 550 детей-сирот спецпереселенцев. В детских домах дети находились до 14 лет, затем их возвращали в спецпоселки для трудоустройства в статусе спецпереселенцев [6, с. 250].

С 1935 г. были сняты ограничения для детей спецпереселенцев при поступлении в учебные учреждения на базе неполной средней школы. На основании постановления СНК СССР и ЦК ВКПБ(б) от 15.12.1935 г. «О школах в трудпоселках» разрешалось детей спецпереселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших средние школы допускать на общих основаниях поступать в вузы. До принятия этого документа детей спецпереселенцев после окончания начальной школы или неполной средней школы направляли на производство или в систему ФЗУ и промышленные училища. Поступление на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения детей спецпереселенцев на практике стало наиболее распространенным легальным способом освобождения из ссылки. В 1939–1940 гг. на учебу было освобождено 18 451 детей спецпереселенцев. Однако запрет на проживание в режимных местностях, определенный Постановлением № 1143-280 с СНК СССР от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных», к которым относились крупные города, где находятся в основном вузы и техникумы, практически блокировал возможность реализации спецпереселенческой молодежи право на образование. Советская власть проводила политику ограничения обучения детей спецпереселенцев в высших учебных заведениях. Так, например, 28 мая 1952 г. было принято секретное постановление ЦК КП(б) Казахстана «О приеме спецпереселенцев в вузы». Для обучения спецпереселенцев было определено только 15 учебных заведений – вузы сельскохозяйственного профиля, два медицинских, один технологический и педагогический. На конкурс по всем этим вузам допускалось 215 чел., поступить из них могли только 105 абитуриентов. Таким образом, власть жестко регулировала возможность реализации права на высшее образование [2, с. 118].

Восстановление детей спецпереселенцев в правах было необходимым условием возможности призыва их в армию. До начала Великой Отечественной войны спецпереселенцы в Красную армию и флот не призывались [7, с. 25]. В годы войны подлежала призыву в армию освобожденная призывная молодежь, получившая паспорта на основании Постановления СНК СССР № 1143-280с от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» [7, с. 28].

* **Кобрин Николай Андреевич** (Воронеж) – кандидат юридических наук, доцент Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I.

По итогам 1942 г. на воинскую службу было призвано 60 747 чел. из детей трудпереселенцев, достигших призывного возраста. На основании приказа № 002303 НКВД СССР от 22 октября 1942 г. все спецпереселенцы, призванные на воинскую службу, и прямые члены их семей (жены, дети) снимались с учета трудссылки. Снятие с учета трудссылки оформлялось специальными постановлениями, которое выносилось на каждую семью на местах поселения руководством органов НКВД и прокуратурой на основании справок, выданных военкоматами [6, с. 281].

После Второй мировой войны прекращался призыв в армию спецпереселенцев. Только в 1955 г. дети спецпереселенцев стали призываться на воинскую службу после принятия Распоряжения Совета Министров СССР от 23 марта 1955 г. «О призыве некоторых категорий спецпереселенцев на военную службу», на основании которого было распространено действие закона о всеобщей воинской обязанности на детей спецпереселенцев с 1936 года рождения [2, с. 258].

Действовавшее в период применения репрессий законодательство формально не требовало внесения решений о применении репрессий в отношении детей, не достигших 16-летнего возраста. Однако по существу эти дети репрессировались, фактически подвергались мерам принуждения. То обстоятельство, что к моменту необоснованного применения репрессий к родителям они не достигли возраста, позволяющего юридически привлечь их к ответственности, не имеет значения для оценки их правового положения и не может служить основанием для ограничения их прав и свобод в процессе реабилитации. Дети, насильственно или вынуждено помещенные в места ссылки, высылки, спецпоселения, т.е. в условия явного лишения прав и свобод, в силу статьи 1 закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» признаны репрессированными по политическим мотивам. Недопустимость отказа в признании их репрессированными по политическим мотивам подтверждается и требованиями статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, установившей, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона [1, 3].

Постановлением Конституционного суда от 18 апреля 2000 г. № 103-0, исходя из конституционно-правового смысла нормы части первой статьи 2.1 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», определена позиция власти в отношении детей, оставшихся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или обоих родителей, необоснованно репрессированных по политическим мотивам. Они также признаны репрессированными по политическим мотивам. Генеральная прокуратура РФ в письме от 3 августа 2001 г. № 13р. «О порядке исполнения определения Конституционного суда РФ от 18.04.2000 г. № 103-0» определила органам прокуратуры разрешать заявления о признании подвергшимся политической репрессии и реабилитации лиц, лишившихся в несовершеннолетнем возрасте опеки родителей, в случаях, когда репрессии в отношении их родителей осуществлялись по решениям судов или несудебных органов. Требовалось обеспечить разрешение заявлений граждан в кратчайшие сроки.

Репрессивная политика Советского государства в полной мере затронула десятки тысяч детских судеб. Дети «врагов народа», не понимавшие – почему их родители «враги», несли на себе это клеймо. Процесс реабилитации детей спецпереселенцев затянулся на долгие годы и еще не завершился. Реплика «сын за отца не отвечает» все годы советской власти оставалась только пропагандистским лозунгом.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 18.10.1991 г. № 1761-1 ФЗ «О реабилитации жертв политических репрессий» (ред. От 30.11.2011 г. № 361-ФЗ). Система Консультант Плюс.
2. Бугай Н. Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: «Их надо депортировать: документы, факты, комментарии» / М.? Дружба народов, 1992. С. 288.
3. Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л.С. Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: исследования, воспоминания, документы / Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 294 с.
4. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.). М.: Социс, 1995. 216 с.
5. Земсков В.Н. Спецпереселенцы в СССР 1930–1960 гг. М.: Социс, 2003 г. 210 с.
6. Игнатова Н.М. Горькие судьбы // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. Т. 1. С. 238–290.
7. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывшие кулаки» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. Т. 4. С. 19–30.
8. Суслов А.Б. Спецконтингент советского тоталитарного общества: некоторые особенности социального и правового статуса (на примере Пермского края) // Права человека в России: прошлое и настоящее. Сборник документов и материалов научно-практической конференции. Пермь, 1999. С. 42–60.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ

*А.Н. Кустышев, В.Н. Бубличенко, В.В. Юрченко**

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на советскую пенитенциарную систему и обусловила снижение ее экономической роли в обществе. Ряд факторов – уменьшение численности спецконтингента, послевоенная амнистия и освобождение различных категорий заключенных – существенно сокращали возможности экономического развития гулаговских структур. Общий недокомплект рабочей силы на предприятиях ведомства во втором полугодии 1945 г. составил около 750 тыс. чел. [1]. Данное обстоятельство вело к снижению его экономического потенциала, в том числе и на Европейском Севере России. В первую очередь это касалось дислоцированных на территории региона исправительно-трудовых лагерей, но одновременно распространялось и на колонии.

В отличие от ИТЛ НКВД – МВД СССР исправительно-трудовые колонии решали менее масштабные задачи по выпуску продукции. Тем не менее в них были сосредоточены важные для народного хозяйства страны производства. К примеру, согласно отчету УИТЛК УМВД Архангельской области за 1946 г. в промышленности наиболее высоким был удельный вес деревообработки (выполнение плана по выпуску товарной продукции составило 7623 тыс. руб.). Далее следовала швейная отрасль (2641 тыс. руб.). Существенно меньшую роль играли лесозаготовка (368 тыс. руб.), металлообработка (335 тыс. руб.). В незначительных масштабах заключенные колоний Архангельской области занимались валяльным (254 тыс. руб.), кожевенным и обувным производствами (164 тыс. руб.) [2]. Колонии выпускали сверлильные станки, вагонетки, висячие замки, деревянные бочки. Качество изделий было низким. Потери от брака за первый квартал 1946 г. оценивались в 95 тыс. руб. (15,8% от себестоимости продукции) и способствовали ее удорожанию на 52,2% [3].

В начале 1946 г. на территории Вологодской области находились четыре промышленных колонии, сельскохозяйственная и контрагентская ИТК. В течение года их количество незначительно увеличилось [4].

Наибольший удельный вес в промышленном производстве ИТК области имела швейная отрасль (23,7% товарооборота); далее следовали деревообработка (16,9%); лесозаготовка (5,7%); металлообработка и кожевенно-обувное производство (примерно по 3,6% товарооборота). Спецконтингент колоний занимался производством клепок тарной, деревянных бочек, валенок, хозяйственной веревки, топоров, а также заготовкой древесины и лесовывозом [5].

На территории Европейского Севера России, где функционировало значительное число гулаговских образований различного типа, одним из направлений деятельности исправительно-трудовых и колоний, оказывавших определенное влияние на социально-экономическое развитие региона, были контрагентские работы. От них существенным образом зависело финансовое положение данных учреждений. Однако оно было не стабильным. В одних случаях договорная деятельность приносила ИТК доход, в других – значительные убытки.

Качественный состав заключенных, которым располагали колонии, существенным образом осложнял их производственную деятельность. Так, в 1948 г. заключенных первой категории (годных к выполнению тяжелых физических работ) на территории рассматриваемых областей насчитывалось минимальное количество. К примеру, на 1 октября доля их составляла в ИТК Архангельской области 3,9%; в ИТК Вологодской области – 1,2%. В колониях преобладали лица, годные к выполнению легких физических работ (третья категория трудиспользования). Их удельный вес составил в Архангельской области 46,3%; Вологодской области – 54,2% [6].

В послевоенный период производственная структура подразделений УИТЛК – ОИТК УМВД на Европейском Севере России не претерпела существенных изменений, однако очевидно, что проблема эффективности труда заключенных причиняла много беспокойств руководству ГУЛАГа, поскольку все недостатки советской пенитенциарной производственной системы не только не исчезли, но и продолжали усугубляться.

В сентябре 1948 г., под воздействием продолжавшегося спада производственных показателей, советские органы управления приступили к внедрению в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР системы заработной платы для осужденных [7]. С учетом накопленного опыта, она была утверждена в марте 1950 г. [8]. Однако нововведение не привело к резкому скачку производственных показателей на гулаговских предприятиях.

* **Кустышев Андрей Николаевич** (Ухта) – кандидат исторических наук, зав. кафедрой истории и культуры Ухтинского государственного технического университета, akustyshev@ugtu.net; **Бубличенко Владимир Николаевич** (Ухта) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ухтинского государственного технического университета, vbublichenko@mail.ru; **Юрченко Виталий Вячеславович** (Ухта) – ст. преподаватель кафедры истории и культуры Ухтинского государственного технического университета, yurvit@bk.ru.

Исследования производственной деятельности исправительно-трудовых колоний НКВД – МВД СССР позволяют сделать вывод о неполном соответствии советской пенитенциарной системы потребностям мобилизационной экономики страны. Указанная тенденция предопределила ее кризис и распад во второй половине 1950-х гг.

Источники и литература

1. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: сб. док. Т. 3 / Сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 32.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р- 9414. Оп. 1. Д. 3150. Л. 43.
3. Там же. Л. 1, 2.
4. Там же. Д. 3158. Л. 6.
5. Там же. Л. 56.
6. Там же. Оп. 1а. Д. 467. Л. 83–108.
7. Там же. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2892. Л. 142, 143.
8. Там же. Ф. Р-5446. Оп. 80а. Д. 7641. Л. 1–3.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЭКСПОЗИЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

*И.Л. Жеребцов, С.В. Бандура***

В конце 20-х – 50-х гг. XX в. на долю Коми республики, расположенной на крайнем Северо-Востоке Европы, выпала суровая доля – быть одним из крупнейших островов советского «Архипелага ГУЛАГ». История региона, его экономического и социального развития неразрывно связана с формированием системы «исправительно-трудовых» лагерей. Идея экономического освоения обширных территорий Севера путем использования принудительного труда возникла еще в 1921 г. [1], когда Политбюро ЦК РКП(б) решило организовать на р. Ухте концентрационный лагерь на 10–20 тыс. чел. и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках.

Эта идея стала масштабно реализовываться на рубеже 1920-х – 1930-х гг., когда использование принудительного труда репрессированных легло в основу стратегии развития отдаленных районов СССР. В 1929 г. был принят «ускоренный вариант» первого пятилетнего плана, для реализации которого требовалась, в частности, концентрация трудовых ресурсов на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов, достигавшаяся благодаря использованию подневольного труда. В том же году правительство Советского Союза приняло постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому в отдаленных малонаселенных районах предписывалось создать крупные исправительно-трудовые лагеря для «эксплуатации природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Тогда же началась коллективизация, сопровождавшаяся тяжелейшими репрессиями. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» часть кулачества «подлежала высылке в отдаленные местности Союза ССР». Одним из таких «отдаленных» регионов стал Европейский Северо-Восток, стремительно покрывшийся сетью «специальных поселков» и лагерей [2].

Уже в 1929 г. близ Усть-Сысольска (с 1930 г. – Сыктывкар, столица Коми) был образован первый лагерь, в котором в конце года находилось более 20 тыс. заключенных. В том же году было положено начало лагерю на р. Ухте – печально знаменитому Ухтпечлагу. Со следующего года в поток заключенных, направлявшихся в Коми, влились десятки тысяч спецпереселенцев («раскулаченных» крестьян), которых использовали как рабочую силу для развития лесной промышленности, ставшей «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области». В результате к середине 1930-х гг. в некоторых районах Коми местное («вольное») население составляло чуть более половины, а то и меньшинство жителей. В 1940-х гг. в регионе появились новые категории спецпоселенцев – поляки, евреи и немцы, члены семей ОУНовцев, «власовцы», литовцы и др. [3].

Колесо репрессий тяжело прокатилось и по местному населению: в Коми «раскулачивали» крестьян, сажали за «саботаж» рабочих и инженеров, отправляли в лагеря за «национализм» писателей и ученых, судили коммунистических руководителей, еще недавно стоявших у власти [4].

Система лагерей и спецпоселков, доминировавшая в индустрии Коми на протяжении двух десятилетий, начала постепенно сворачиваться с 1953 г., просуществовав до второй половины 1950-х гг. и оставив глубочайший след в истории региона. «Наследство» ГУЛАГа можно найти во всех сторонах жизни республики – экономике, культуре, системе расселения. Однако этот очевидный для всех факт долгое время был фигурой умолчания. Ни в публикациях, ни в экспозициях музеев республики десятилетиями не упоминалось о лагерном прошлом Ухты, Воркуты и многих других населенных пунктов республики, о «пятнах» в биографии множества видных местных деятелей экономики, науки, культуры, медицины.

Тем не менее комплектование музейных коллекций, связанных с ГУЛАГом, как ни парадоксально, невольно началось еще в середине 1940-х, когда Коми республика была «лагерным царством». Все достижения народного хозяйства региона в тот период неизбежно базировались на успехах эффективного использования труда заключенных и в целом успехах экономики ГУЛАГа. Отражением этих успехов стала выставка 1946 г., приуроченная к 25-летию Коми автономии. Открытая в Сыктывкаре в специально построенном павильоне в стиле сталинского классицизма, она показывала только лучшие результаты промышленности, сельского хозяйства и культуры Коми. Свою продукцию представляли все народные комиссариаты (министерства), организации и предприятия местного, республиканского и союзного подчинения, расположенные на терри-

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; **Бандура Светлана Владимировна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заместитель директора Национального музея Республики Коми.

тории республики. Все выставочные образцы после закрытия павильона были переданы в Республиканский краеведческий музей [5]. Так в коллекции музея появились предметы, выполненные руками заключенных на предприятиях системы ГУЛАГ: декоративная керамическая тарелка «25 лет Коми АССР» (изготовитель Севжелдорстрой МВД Коми АССР); деревянная шкатулка столярной работы «25 лет Коми АССР» (изготовитель Севжелдорстрой МВД СССР, г. Воркута), шахматы, выполненные в технике резьбы по кости (изготовитель Усть-Вымьтрест МВД); коллекция кукол, изготовленная в Рапасском цехе Севжелдорлага НКВД СССР и др.

Однако исследование архивных документов, сбор информации о судьбах людей, подвергшихся репрессиям, и представление этих материалов на экспозициях и выставках стало возможным лишь во второй половине 1980-х гг. Совершенно открыто о репрессивной политике советского государства начали говорить в конце 1980-х гг. В городских и районных музеях Коми республики стали появляться сначала отдельные материалы и экспонаты, а затем выставки и экспозиции, посвященные истории политических репрессий в СССР. Наиболее основательно эта тема нашла отражение в деятельности Национального музея Республики Коми^{***}, где работа по изучению темы репрессий, комплектованию коллекций и строительству выставок выделялась в отдельное направление.

Во второй половине 1980-х гг. сотрудники музея стали проводить изыскательскую и выставочную работу по истории репрессий в Коми АССР. В 1988 г. впервые на экспозиции к 100-летию писателя, драматурга, основателя коми национального театра Виктора Алексеевича Савина (1888–1943) были представлены документы о репрессиях против творческой интеллигенции. В 1937 г. Виктор Алексеевич был арестован и осужден по политической статье. Отбывал срок в Воркуте, затем в поселке Адак на р. Уса Коми АССР. Закончился его жизненный путь в Сибири. Среди реликвий музея последнее письмо В.А. Савина домой из лагеря: «1 июля 1943 г. Привет, мои дорогие! Я уже не в Адаке, а судьба забросила далеко-далеко в Сибирь – Новосибирскую область... В дороге совершенно ослаб... Особенно плохо было в дороге с питанием и сильно отощал, а через это и здоровье пошатнулось...». Письмо, написанное незадолго до смерти в лагере на станции Итака Томской области, передано в музей младшей дочерью писателя Инессой Викторовной Савиной-Макаровой [6]. Изучение документов о В.А. Савине и о других представителях коми культуры (В.Т. Чисталёве, В.И. Лыткине, А.С. Сидорове и др.) было продолжено в архивах Министерства внутренних дел и рассекреченных материалах Национального архива Республики Коми.

В 1989 г. впервые состоялась экспедиция сотрудников музея в место расположения одного из лагерей системы ГУЛАГа. С территории поселка Вожаель, где с 1937 по 1960 г. находился Устьвымский исправительно-трудовой лагерь, были привезены предметы лагерного быта: металлические решётки, двери, колючая проволока следственного и штрафного изоляторов, форма для выпечки хлеба, котелки, миски, умывальник, доска с надписью «Запретная зона. Вход воспрещён». Участниками экспедиции были запечатлены лагерные постройки, места массовых захоронений. Работа по выявлению материалов о репрессированных и отбывавших наказание в лагерях на территории республики была продолжена в тесном сотрудничестве с обществом «Мемориал», созданном в Сыктывкаре в 1989 г.

Фонды музея стали пополнять немногочисленные, но столь ценные материалы о конкретных людях, прошедших лагерь Коми АССР. Среди них коллекция о Ф.Г. Воропаеве (автобиография, справка об освобождении, письмо из лагеря, фотографии) [7], о А.С. Никульцеве [8] и др., воспоминания репрессированных. Корпус документов Алексея Семёновича Никульцева (1900–1965) знакомит с судьбой выдающегося врача, сделавшего 11 тысяч операций, получившего звание Заслуженного врача Коми АССР (1962), не по своей воле оказавшегося в республике [9]. В печально известном 1937 г. А.С. Никульцев был арестован и осужден особой тройкой УНКВД на 10 лет за «контрреволюционную агитацию». Отбывал срок в Устьвымлаге, работая врачом в лагерьном госпитале в Весляне. В 1951 г. приговорён к ссылке на поселение. Проработал в Весляне до выхода на пенсию в 1963 г. Приведём некоторые документы из коллекции доктора Никульцева: *Квитанция № 758 от 29.06.1937 г. следственной тюрьмы г. Ленинграда о принятии от заключенного Никульцева А.С. паспорта и военного билета* [10]; *Справка № 9282/26420 от 25.07.1946 г. Управления Устьвымского исправительного трудового лагеря Никульцеву А.С. об отбытии наказания с учетом снижения срока наказания на один год по постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 7.10.1944 г.* [11]; *Справка № 4-У-056 г. от 16.10.1956 г. об отмене постановлений в отношении Никульцеву А.С. Особой тройки УНКВД от 14.10.1937 г. и Особого совещания от 4.07.1951 г. и прекращении дела за отсутствием состава преступления* [12]; *Поздравительное письмо № 12/408 от 5.11.1962 г. Никульцеву А.С. в связи с присвоением почетного звания Заслуженного врача Коми АССР, за подписью начальника управления п/я 243 Степченко и начальника Политотдела п/я 243 Ильина* [13]. Состав и содержание этих документов наглядно свидетельствуют о репрессивной

^{***} Музей в г. Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар) основан в 1911 г. по инициативе местной интеллигенции и Архангельского общества изучения Русского Севера. В 1940 г. преобразован в Республиканский краеведческий музей, в 1994 г. присвоен статус Национального музея.

политике советского государства. В них – вехи истории, прошедшие по судьбам многих: от 1937 – года начала массовых репрессий до 1956 – развенчания «культа личности» и ещё многое, не поддающееся здравому смыслу, как государственная награда (присвоение звания) тому, кто был «врагом народа».

Документальные источники подсказывают тематику выставок, рассказывающих о репрессиях. Так, попытка осмысления таких категорий, как «наказание» и «награждение», была предпринята в выставочном проекте «Кара, подвиг и награда... Судьбы – учёных лауреатов Сталинской премии» (2010 г.). Концепция выставки восходит к ранней социологической работе П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» [14], в которой Сорокин обращается к психологическим и социальным причинам этих явлений. Сталинская премия была учреждена 20 декабря 1939 г. в ознаменование 60-летия И.В. Сталина. Большая часть лауреатов Сталинской премии из Коми республики работала в системе ГУЛАГ. С помощью лагерей на протяжении нескольких десятилетий руководство страны решало важную стратегическую задачу – колонизацию и освоение природных богатств Севера. Путем арестов «под заказ» обеспечивалась потребность в специалистах для освоения месторождений. Так в лагерях Коми АССР оказались геологи Андрей Яковлевич Кремс и Альберт Ефимович Бернштейн, инженер-электрик Дмитрий Михайлович Крашенинников. Крупнейшим нефтегазобывающим лагерем страны был Ухтижемлаг, площадь которого составляла 50 тыс. кв. км (1/8 часть территории Коми АССР). Целый ряд специалистов из этого лагеря в 1947–1949 гг. получили звание лауреатов Сталинской премии II степени. Это были инженеры-геологи, награждённые за открытие Верхнеижемского – Вой-Вожского, Нибельского нефтегазового месторождений: М.А. Бернштейн, А.Я. Кремс, И.В. Носаков, А.М. Сиротко, В.С. Паничев; разработчики шахтного способа добычи нефти (впервые в СССР): П.М. Звягин, С.Ф. Здоров, А.И. Адамов, С.М. Бондаренко, Е.Я. Юдин, М.М. Зоткин. На выставке были представлены как материалы из фондов Национального музея Республики Коми (портреты сталинских лауреатов 1947 г., написанные известным коми художником Пантелеймоном Михайловичем Митюшёвым; личные вещи, награды, документы награждённых), так и из Ухтинского историко-краеведческого музея с кабинетом А.Я. Кремса (предметы из коллекции: портрет, диплом лауреата сталинской премии, портфель, рукопись, книги и др.). Автобиографии, докладные записки о рационализаторских предложениях, телеграммы об открытии месторождений, схемы корпусов радиового завода Водного промысла из Национального архива Республики Коми с грифом «Совершенно секретно», представленные на выставке, характеризуют личные и производственные стороны лауреатов сталинской премии [15].

Выставочная деятельность Национального музея Республики Коми по теме «ГУЛАГ в Республике Коми» на современном этапе объединена в долгосрочный выставочный проект «Памяти репрессированных», который осуществляется в тесном сотрудничестве с Коми республиканским благотворительным и общественным фондом жертв политических репрессий «Покаяние». С момента основания фонда в 1998 г. построено более десяти выставок.

Цель проекта – на основе предметов личного происхождения (писем, дневников, воспоминаний, личных вещей) показать атмосферу тоталитаризма в советском обществе, способы и формы сопротивления в условиях несвободы, строжайшего контроля и диктатуры над человеком. Задача каждой выставки – раскрыть историю репрессивной политики советского государства через разные социальные и возрастные категории людей: женщин и детей; спецпереселенцев и заключённых лагерей; творческих людей – ученых, артистов, художников, прошедших через лагерь и ссылки [16].

В октябре 2002 г. в рамках совместного проекта была построена первая выставка: «Я разделил судьбу страны...». В ее основу легли воспоминания, документы и фотографии тех людей, которые в 1930–1950-е гг. были детьми. Они – дети «врагов народа», «члены семей изменников Родины», прошли через унижение и насилие, лишившись своих родителей, попав в детские дома и детприемники, став сиротами по вине государства. Уникальность этой выставки была в том, что детские воспоминания героев выставки удалось подтвердить документально. В Национальном архиве Республики Коми и архиве Министерства высшей и средней школы Республики Коми нашлись справки из детских домов Толика Слесаренко, родившегося в Печорлаге и трагически погибшего в возрасте девяти лет в детском доме; польской девочки Марыси Цубер, чья судьба навсегда осталась связанной с Республикой Коми.

На выставке были представлены и материалы из фондов Национального музея Республики Коми: документы по детским домам, детские игрушки, выполненные заключёнными Севжелдорлага МВД Коми АССР. Выставка вызвала огромный интерес как у взрослых, так и у школьников. Она способствовала фиксации воспоминаний, поиску новых документов, фотографий.

Ещё одно обращение к «детской» теме состоялось в 2007 г. выставкой «Мы дети страшных лет России...» (Дети ГУЛАГа). Цель выставки – раскрыть тему политических репрессий сквозь призму семейных взаимоотношений, показать противостояние семьи как хранительницы общечеловеческих ценностей, накапливаемых поколениями, и государства, идеология которого сводилась к созданию послушного человека, лишённого ис-

торической памяти. Впервые были представлены архивные материалы, ранее хранившиеся под грифом «Совершенно секретно» в Национальном архиве Республики Коми: информация МВД Коми АССР о количестве детей, находящихся при лагерях, нормы питания детей заключенных матерей в домах младенца, справки о гибели детей, запросы о розыске детей и подростков и др. На выставку было привлечено большое количество материалов из личных архивов: Е.В. Марковой – заключенной Воркутлага, Н.А. Морозова – рожденного в Инталлаге, И.Е. Кулакова – потомка спецпоселенцев (спецпоселка Ичет-Ди в Троицко-Печорском районе) и др. К выставке был подготовлен каталог [17].

Новое исследовательское и выставочное направление было реализовано в рамках выставки «Сквозь замки проходят музы...» (2004). Впервые прозвучал материал, рассказывающий о художниках, прошедших лагерь и ссылки. Главной идеей стал рассказ о творчестве в условиях несвободы, стремлении сохранить индивидуальность вопреки системе, найти форму самовыражения в условиях диктатуры [18]. В проекте приняли участие Национальная галерея Республики Коми, муниципальные музеи республики, Международное историко-просветительское, благотворительное, правозащитное общество «Мемориал» (г. Москва). На выставке, наряду с работами известных художников и скульпторов (П.Э. Бендель, Н.П. Жижимонтов, А.Я. Вундер, Н.А. Бруни, Н.А. Миллер и др.), были представлены многочисленные работы неизвестных художников, прошедших лагерь и ссылки на территории Коми АССР.

В 2006 г. тема творчества в условиях несвободы была продолжена выставкой «Цветы Севы Городецкого», материалы которой рассказали о судьбе заключенного Воркутлага Всеволода Городецкого. Большая часть уникальной коллекции его лагерных рисунков из фондов Национального музея Республики Коми – это цветы: фиалки, маки, васильки, розы, нарциссы. В них трепетный «далёкий от лагерной действительности» мир Севы Городецкого – художника-заключённого.

В 2005 г. в отделе истории музея состоялась выставка под названием «И следы потерялись в снегах...» (ГУЛАГ – Абезь), посвященная Абези – крупнейшему центру Севжелдорлага. Ее материалы проследили двадцатисемилетнюю историю Абези – лагпункта, узники которого строившие Северо-Печорскую железную дорогу, внесли большой вклад в промышленное освоение территории Коми [19]. Уникальные документы позволили показать человеческий подвиг и человеческую трагедию в истории строительства железнодорожной магистрали Котлас – Воркута. В собрании музея хранится альбом «Строительство Северной железнодорожной магистрали Котлас–Воркута. Абезьский район», запечатлевший строительство железной дороги [20]. Поселок Абезь стал известен и как крупнейший инвалидный лагерь, в котором содержались люди, известные всему миру: философ Л.П. Карсавин, искусствовед Н.Н. Пунин, генерал литовской армии И.В. Иодишус, египтолог М.А. Коростовцев, капитан сборной команды «Спартак» по футболу А.Н. Старостин и др.

Долговременность проекта позволила получить большой опыт в осмыслении сложной исторической темы. Сделать проект «Памяти репрессированных» более насыщенным информативно и визуально позволило привлечение материалов из разных (государственных и муниципальных) музеев и архивов республики.

Выставка «Светлый мир я сама сотворю» (Посвящается женщинам, прошедшим ГУЛАГ), построенная в музее в 2009 г., стала тому ярким примером. Она раскрыла особый пласт лагерной культуры – женское творчество. Вышивка, вязание, красиво оформленная на оберточной бумаге поздравительная открытка, балетная пачка из марли. Ведь именно женщины могли создать красоту и уют практически из ничего. Художницы, актрисы, поэтессы, спортсменки... Они создавали свой собственный мир, в котором не было места насилию. Их творчество было актом духовного сопротивления режиму [21]. Один из разделов выставки был раскрыт на материалах Интинского краеведческого музея, рассказывающих о женщинах – заключенных женских отделений Минерального лагеря. Открытки, вышивки, кружевные салфетки, письма, вышитые на ткани – все это вызывало огромный интерес и восхищение у посетителей выставки.

В 2012 г. музей обратился к малоизвестной и малоисследованной теме «Имя классика русской литературы в измерении репрессивной политики советского государства». Влияние творчества Пушкина на русскую культуру XIX–XX вв. не вызывает сомнения. Однако имя Пушкина, его творчество стали частью «лагерной культуры» в 1930–1950-е гг. Емкое выражение «Пушкин – наше всё» могло звучать и в этом контексте. Сохранились документальные и вещественные источники, рассказывающие о постановках по произведениям Пушкина в театрах ГУЛАГа, поэтических вечерах, рукописные самиздатовские книги и др. С именем Пушкина связаны важные вехи в истории культуры Коми республики: открытие Республиканского музыкального театра оперой «Евгений Онегин» в 1958 г. В 1937 г. к 100-летию смерти Пушкина в Ухте был открыт памятник поэту, выполненный узником Ухтпечлага Николаем Александровичем Бруни. С ГУЛАГом связана не только судьба сына известного архитектора; в Ухтижемлаге теряются следы правнука профессора Я.И. Карцова – одного из преподавателей Пушкина в Царкосельском лицее. Участь сталинских репрессий не обошла и потомков классика русской литературы. Выставка с неоднозначным названием «Репрессированный Пушкин» объединила материалы из хранилищ государственных и муниципальных музеев Республики Коми, общества «Мемориал»

(Москва), фонда жертв политических репрессий «Покаяние» (Сыктывкар), Литературного музея А.С. Пушкина (Москва), архивов республики [22]. В лагерях на территории Коми АССР предположительно находились три потомка и родственника семьи Пушкина. Один из них – Борис Юрьевич Козловский, геолог, геофизик [23]. Он был арестован и приговорён к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях в декабре 1934 г. В качестве заключённого продолжал вести грависъёмки в районе Чибью. Освобождён досрочно. Перед освобождением главный геолог Ухтпечлага так же репрессированный Н.Н. Тихонович характеризовал Ю.Б. Козловского как «весьма крупного специалиста по гравиметрии», что сопровождалось просьбой о его оставлении в системе ГУЛАГа в качестве вольнонаёмного работника.

В заполярной Воркуте, печально знаменитом Воркутлаге, при драматическом театре разнорабочим числился заключённый Пьер Данзас, потомок секунданта А.С. Пушкина – Константина Карловича Данзаса. Из письма художника Константина Иванова: «...Мы называли его то Петром, то Французом, а женщины всегда называли его «Данзасиком». Это худой, почти двухметрового роста детина-француз. Родственник известной в России фамилии француза Данзаса – друга Пушкина. Он же был дальним родственником де Голля. Попал в Воркуту и отсиживал срок в разных лагерях и на разных работах благодаря своей излишней любознательности к Советскому Союзу, к России (пришили шпионаж). В театр разнорабочим его устроили добрые люди... После мытарств по разным лагерям, работа в театре была отдыхом. В основном он занимался уборкой театра... Мне никогда не хватало времени... Поэтому на работу в театр я приходил раньше всех. Но всегда, у театра уже был «француз». Он методично, не спеша, расчищал от снежных заносов подходы в театр...». Программки с репертуаром произведений Пушкина в постановке лагерных театров как своеобразная причудливая связь времён, незримая нить между «золотым» XIX и суровым XX веком.

В 2013 г. материалы, объединённые темой репрессий, нашли мультимедийное воплощение: подготовлена электронная карта «ГУЛАГ в Республике Коми». Цель проекта – наиболее полно представить визуальную составляющую истории террора на территории Республики Коми, помочь оценить сегодняшнее состояние памяти о нем. На электронной карте показаны места расположения лагерей и спецпоселков, дана их характеристика и статистические данные. Карта позволяет увидеть «визуальную историю» ГУЛАГа: административные здания лагерей, бараки для заключённых, снимки некрополей, памятных знаков, портреты заключённых и т.д. Наряду с материалами из фондов Национального музея Республики Коми, можно познакомиться с виртуальными экспозициями муниципальных музеев нашей республики, посвященных теме политических репрессий. В разделе «Мартиролог Республики Коми» представлены списки и биографические справки на репрессированных в 1930–1950-х гг., созданные в ходе огромной исследовательской и поисковой работы Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние».

Электронный ресурс «ГУЛАГ в Республике Коми»**** призван стать своеобразным компасом в поиске утраченных корней, установлении имен, мест заключения, могил своих родных и близких, прошедших через горнило массовых репрессий.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. С. 105–106; Атлас Республики Коми. М., 2001.
2. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. С. 303–307; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2; В научном поиске. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991; Научный поиск продолжается. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1995.
3. Жеребцов И.Л., Максимова Л.А., Игнатова Н.М., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В. Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. С. 112–117; Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993; Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000.
4. Полешиков В.М. За семью печатями. С. 130–153; Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков. Сыктывкар, 2005; Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар, 2006; Некрасова Г.А., Демин В.Н., Жеребцов И.Л. В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997; Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995; Связь времен. Сыктывкар, 2000.
5. Сова В.А. История в событиях и лицах. Страницы истории Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2011. С. 90–91.
6. В.А. Савин. 1888–1943. К 100-летию со дня рождения / Сост. Т.А. Чисталёва. Сыктывкар, 1988. С. 13.
7. Национальный музей Республики Коми (далее – НМРК). КП 9464.
8. НМРК. КП 10804.
9. Жеребцова Л.С. Врачи // Связь времён. Сыктывкар. 2000. С. 411.
10. НМРК. КП 10804/23.
11. НМРК. КП 10804/24.

**** Электронный ресурс «ГУЛАГ в Республике Коми» размещён на сайтах museumkom.ru; museumtur.ru.

12. НМРК. КП 10804/29.
13. НМРК. КП 10804/54.
14. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914.
15. Кара, подвиг и награда. Судьбы учёных – лауреатов Сталинской премии. Информационный буклет к выставке / Сост. Е.И. Морозова. Национальный музей РК. Сыктывкар, 2010.
16. Морозова Е.И. Проект «Памяти репрессированных» // Музеи и краеведение. Материалы Междунар.науч.-практ. конф. «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурного наследия в современном мире». Сыктывкар. 2011. С. 134–136. (Тр. Национального музея РК. Вып. 8).
17. «Мы дети страшных лет России...» (Дети ГУЛАГа). Каталог выставки. Сыктывкар, 2007.
18. «Сквозь замки проходят музы...» (Посвящается художникам, прошедшим лагеря и репрессии). Каталог выставки. Сыктывкар, 2003.
19. «И следы потерялись в снегах...» (ГУЛАГ – Абезь). Буклет к выставке. Сыктывкар, 2005.
20. НМРК. КП 10601.
21. «Светлый мир я сама сотворю» (Посвящается женщинам, прошедшим ГУЛАГ). Буклет к выставке. Сыктывкар, 2009.
22. Репрессированный Пушкин. Буклет к выставке / Сост. Е.И. Морозова. Сыктывкар, 2012.
23. Морозова Е.И. Репрессированный Пушкин // Архивы Республики Коми: из прошлого в будущее. Сыктывкар, 2012. С. 153–157.

ИСТОРИЯ КОМИ ЛИТЕРАТУРЫ

ФОРМЫ ОПИСАНИЯ КОМИ КРАЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX ВЕКА*

*В.А. Лимерова***

Словесность Коми края XIX в. относится к наименее изученным периодам истории коми литературы. Такое положение в немалой степени объясняется инерцией восприятия коми литературы как достаточно молодой, получившей свое активное развитие после 1917 года. При этом отдельное имя И. Куратова, допущенное в советский период в историю коми литературы, трактуется как исключительное, феноменальное, не характерное для финно-угорских народов России. Обратим внимание хотя бы на то, что наше куратоведение располагает не одним десятком работ, в которых рассматриваются многочисленные контакты первого коми поэта с русской и всемирной поэзией, и не имеет ни одной, более или менее полно раскрывающей связь поэта с культурным, в том числе литературным пробуждением родного края. Между тем известные законы литературного развития и здравый смысл подсказывают, что поэт такой величины как Куратов не мог возникнуть без плодотворной почвы, вне связи с краевой словесностью, которая имела к тому времени не одни только фольклорные формы. Научное описание этих форм – один из путей выявления объективной картины литературной жизни края и того историко-культурного контекста, в котором оказалось закономерным появление оригинального творчества И. Куратова.

Известный нам литературный материал позволяет говорить о том, что преобладающей формой творчества местных литераторов явились жанры прозаические, полифункциональные, служившие одновременно способом участия местной интеллигенции в изучении и описании края. Их появление можно отнести к 1840-м гг., ко времени учреждения РГО, инициировавшего сбор материалов на местах, а также к появлению региональных печатных органов в виде губернских ведомостей, репертуарная политика которых была связана с задачами самоописания региона. Многосоставность задач, которые выполнял местный автор, определила синкретичность ранней словесности и преобладание промежуточных между научным и литературным описаниями форм творчества. В жанровом и содержательном отношении эта «учено-художественная» словесность представляет собой довольно пеструю и не вполне сложившуюся картину, но в ней уже намечаются отдельные жанровые образования, заметное место среди которых занимают травелог, местнографические сочинения, этнографический очерк.

Наиболее многочисленную группу текстов составляет травелог – описание путешествия («Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова (1848), «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» (1853), «Тотьма. Путевые замечания в 3 письмах» Г. Лыткина» (1853), «Поездка в Устьсысольск» В. Кичина и др.). Приобщение местного автора к литературному творчеству преимущественно через различные подвиды травелога связано с начавшимся планомерным исследованием территории Коми края, осуществляемым Академией наук и научными обществами. На всем протяжении XIX в. эти исследования находились на стадии описания материала, а необходимым условием его сбора оставались эмпирические наблюдения, которые производились во время предпринятых в научных целях путешествий. Современные исследователи насчитывают более тридцати экспедиций, участники которых «добывали» необходимые им научные сведения в поездках по разным зырянским провинциям. Вполне закономерно, что на местах путешествие стало осознаться в качестве основного способа изучения и описания края. Популярность травелога можно объяснить и самой спецификой объекта творчества. Взявшись составить впечатление об обширности Коми края, сочинитель прибегал к травелогу как наиболее эффективной форме репрезентации пространства в его протяженности.

Своего рода дополнением к травелогу, тяготевшему к обзорно-лаконичной компоновке географического материала, выступили тексты, организованные идеей описания отдельно взятой местности, места, населенного пункта – их условно можно назвать местнографическими сочинениями. «Корткерос. Зырянское селение» (1852), «Нечто об Устьсысольске» В. Кичина (1865), «Несколько слов о г. Устьсысольске и его уезде»

* Работа выполнена в рамках Программы интеграционных проектов УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в.».

** Лимерова Валентина Александровна (Сыктывкар) – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, juva64@yandex.ru.

П. Богданова (1848), и др. – характер названий ясно указывает на общую с путешествием прагматическую задачу этих текстов, состоящую в знакомстве с территорией края, и в то же время фиксирует принципиально другой способ его описания – без актуализации перемещения рассказчика в пространстве. Вырастая из травелога, формируясь внутри него, местнографические произведения выделяли в путевом пространстве значимые и наиболее подверженные семиотизации локусы. Для описания выбирались крупные населенные пункты, служившие торговыми, экономическими, культурными центрами разных провинций обширной родины зырян. Особое внимание авторы местнографических очерков уделяли ярмарочным селам, благодаря чему «покрытая непроходимыми дремучими лесами-дебрями и болотами», «угрюмая и безлюдная страна дальнего Севера» приобретала черты богатого, оживленного, населенного предприимчивыми людьми края.

Особую группу сочинений составили этнографические очерки, среди них «Ярмарка на Вашке» И. Титова (1840), «Охота за белкой...» Е. Балова (1840), «Зыряне и их охотничьи промыслы» Ф. Арсеньева (1873). Ставя народоведческие задачи, местный «очеркист» был внимателен не столько к исключительным лицам и случаям из народной жизни, сколько к явлениям, способным составить впечатление о народе в целом, о характерных чертах быта и нравов. В большинстве своем очерки создаются с соблюдением правил, характерных для этнографических сочинений своего времени, и выражают точку зрения русского человека на уклад жизни нерусских народов России. В то же время внутри народоведческого очерка намечается процесс региональной и национальной самоидентификации автора, сквозь чужую точку зрения постепенно пробивается взгляд местного наблюдателя, создается почва для формирования героя и его национальных черт.

Следует особо отметить, что среди произведений краевых авторов XIX столетия возможно выделить и другие жанровые разновидности. Нами намечены лишь самые общие направления и преобладающие типы творчества местного литератора, положившего начало формированию литературного образа Коми края.

КУРАТОВЕДЕНИЕ В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА*

Л.Е. Сурнина**

Творчество И.А. Куратова стало выдающимся явлением в истории коми и финно-угорских литератур. По мнению ученых, творчество поэта стало одной из вершин национальных литератур России XIX в., а в период демократического просветительства зарождающаяся коми литература в лице Ивана Куратова по силе реального отображения жизни народа оказалась наравне с литературами, имеющими давние традиции [1, с. 67].

Изучение идейной стороны и проблемно-тематического пласта лирики И. Куратова начинается в 20–30-е гг. XX в. Это время, когда были проведены первые работы по прочтению рукописей поэта, осуществлены первые именованные публикации его стихов и некоторых лингвистических работ, а также начато осмысление общественно-политических убеждений поэта, его эстетических, художественных и исследовательских принципов. У истоков куратоведения стояли ученые А.С. Сидоров, А.А. Попов, П.Г. Доронин. В 1950–1960 гг. список куратоведов пополнился новыми именами. К изучению творчества первого поэта приступили А.А. Вежев, А.Н. Федорова, А.К. Микушев, А.Е. Ванеев, чуть позже В.И. Мартынов, В.Н. Демин, Н.В. Вулих. В начале 1990-х гг. изучение поэтики И. Куратова обогатилось исследованием отдельных сторон: фольклоризма лирики поэта (В.А. Латышева), в отдельных работах предложен опыт переоценки части куратовского творчества (Г.И. Тираспольский, П.Ф. Лимеров). Сегодня литературный и биографический контекст творчества И. Куратова продолжает изучаться как учеными, так и краеведами: Г.И. Тираспольский, П.Ф. Лимеров, В.А. Лимерова, Т.Л. Кузнецова, А.Г. Малыхина, Д.Г. Холопова.

В развитии куратоведения особое место принадлежит Алексею Семеновичу Сидорову. Несомненны заслуги ученого в изучении, расшифровке и творческом осмыслении поэтического наследия поэта. Первая биографическая статья о И.А. Куратове была написана А.С. Сидоровым в 1923 г. в статье «Төдлытӧм коми гижысь И.А. Куратов» (Неизвестный коми поэт И.А. Куратов), опубликованной в журнале «Парма ёль» (Лесной ручей). Исследователем был дан краткий обзор рукописного наследия И. Куратова и сообщены некоторые биографические сведения поэта. А.С. Сидоров стал первым составителем двухтомного собрания сочинений поэта, которое вышло в 1939 г. (но без указания имени составителя). Тогда же, к столетию со дня рождения поэта было издано первое монографическое исследование «Творчество И.А. Куратова» коми писателя-краеведа П.Г. Доронина. Однако в соответствии с требованиями времени в книге делался акцент на социально-исторический и идеологический анализ творчества коми поэта, а не на проблемы поэтики художественной методологии.

Одним из основоположников куратоведения считается также А.А. Попов. Именно им впервые высказана мысль о том, что Куратов по своим взглядам должен быть оценен как революционно-крестьянский демократ, как представитель русских фейербаховцев типа Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и других [2]. Эта точка зрения в дальнейшем стала преобладающей, а затем и единственной в интерпретациях куратовского творчества, а сам поэт стал называться не иначе, как представителем «некрасовской школы». Сегодня такая оценка не представляется бесспорной, но в конце 1920-х гг. именно она позволила обрести коми народу литературное прошлое в лице И.А. Куратова. А. Попову удалось обосновать точку зрения, согласно которой А.И. Гугов – это литературный псевдоним И.А. Куратова, а не реальное лицо, как полагали раньше. Самой значительной по содержанию является работа А. Попова «И.А. Куратов йылысь» (О И.А. Куратове), хранящаяся в архиве Коми НЦ УрО РАН.

Значительное место в куратоведении принадлежит крупному финно-угроведу, доктору филологических наук В.И. Лыткину. Исследование творчества поэта ученый начинал вместе с А.С. Сидоровым и А.А. Поповым. Первая его куратоведческая работа выходит в 1926 г., помещенная им в книге «Коми гижысьяс» (Коми писатели). Большое внимание В.И. Лыткин уделяет исследованию дореволюционных публикаций стихов коми поэта. Его исследовательские усилия направлены также на освещение эволюции переводческой техники И. Куратова. Важной заслугой ученого является уточнение некоторых обстоятельств, при которых складывалось советское куратоведение. Так, например, В.И. Лыткин вернул науке забытое имя одного из основоположников куратоведения – Андрея Алексеевича Попова***: «Необходимо восстановить его почти забытое имя,

* Работа выполнена в рамках Программы интеграционных проектов УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в.».

** Сурнина Лидия Егоровна (Сыктывкар) – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, surninalida@mail.ru.

*** До В.И. Лыткина об А.А. Попове как зачинателе куратоведения писал А.С. Сидоров (См.: Сидоров А.С. Жизнь и творчество И.А. Куратова. 1950. Машинопись. Архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед.хр. 130. Л. 2). Но так как названная работа А.С. Сидорова не была опубликована, упоминание в ней имени А.А. Попова тогда не привлекло должного внимания исследователей.

отдать должное этому неумолимому открывателю и исследователю жизни и творчества И. Куратова» [3]. Благодаря исследованиям В.И. Лыткина яснее стала та большая роль, которую сыграл в становлении и развитии куратоведения Алексей Семенович Сидоров, в частности, были выявлены его заслуги в подготовке к публикации юбилейного двухтомника сочинений И. Куратова.

Изучение творчества И. Куратова в 20–30-е гг. XX в. наложило своеобразный отпечаток на читательские и научные представления о куратовской поэзии как поэзии исключительно социального звучания. Однако причисление И. Куратова в 1930-е гг. к революционным демократам вывело его лирику по значению и важности на уровень русской литературы, и этот факт позволил назвать И.А. Куратова основоположником национальной литературы.

Источники и литература

Ванюшев В.М. Место И.А. Куратова в дореволюционной литературе Поволжья и Приуралья // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6. С. 67–73.

Попов А.А. (Ольёк О́ндрей). Некымын кыв И.А. Куратов йылысь (Несколько слов об И.А. Куратове) // Ударник, 1935. № 5. С. 39.

Лыткин В.И. Он открыл Куратова // Красное знамя. 1968. 23 мая.

КОМИ ЛИТЕРАТУРА В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ СТАЛИНИЗМА*

*Г.К. Лисовская***

Период конца 1920-х – середины 1930-х гг. в России – важный этап в ее истории – становление эпохи сталинизма, в литературе – становление метода социалистического реализма.

Социалистический реализм как направление в литературе в современном литературоведении считается не исторически закономерным этапом в развитии культуры, а созданием искусственным, идеологически мотивированным. Развенчание его как «основы тоталитарной культуры» положено статьей А. Синявского (Абрам Терц) «Что такое социалистический реализм», опубликованной за рубежом в 1950-х гг. Он полагает, что искусство соцреализма – это псевдоискусство, принципы которого были сформулированы в партийных документах [1]. Постсоветское литературоведение часто является продолжением антисоветского литературоведения в своих оценках произведений соцреализма как написанных по партийному заданию (см., например: Добренко Е. Не по словам, а по делам его / Избавьте от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990) и по единому клише (см., например: Дубровина Н.В. Лингвостилистические и риторические особенности литературы соц. реализма (на материале сов. романа): Автореферат дис. на соискание уч. ст. к.филол.н. Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012). Такое отношение к литературе соцреализма – это отношение к советскому периоду российской истории. Оно по непримиримости близко самым жестким подходам в работах западных политологов времен «холодной войны», таких как Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951), К. Фридрих и З. Бжезинский, сформулировавших концепцию тоталитарного государства, отождествивших коммунистический и фашистский режимы (см. об этом: Меньковский В.И., К. Уль, М.А. Шабасова. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар. 2013. 221 с.). Отечественные ученые часто полностью перенимают тоталитарную модель сталинского периода, отказываясь от взвешенного подхода к прошлому [2]. Происходит как дискредитация соцреализма в литературоведении, так и деконструкция его в искусстве постмодернизма как «тупиковой ветви художественной эволюции» [3].

А между тем 30-е гг. XX в. – уникальный исторический этап в жизни страны, когда шло «разрушение традиционной крестьянской цивилизации и создание советской», формирование новой модели общества, которое вряд ли вмещается в понятие «тоталитаризм» и «сталинская диктатура»***. Время требовало модернизации экономики, коллективизации, индустриализации, причем ускоренными темпами. Роль человеческого фактора в становлении государства было невозможно переоценить. Воспитание нового человека, фанатично преданного своей стране, новое отношение к труду – бескорыстному, на благо государства, борьба с отжившим, мешающим идти вперед, к «светлому будущему» – такая сверхзадача была поставлена перед писателями. Литература действительно стала «партийным делом».

3 апреля 1929 г. в резолюции XVI конференции ВКП(б) отмечалось знаменательное событие – появление нового типа человека – социалистического рабочего [4]. За этим последовало заседание бюро Коми обкома ВКП(б). В резолюции отмечен низкий социальный уровень литературы: «Очень много еще пишут лишь о коми парме, солнце и любви» [5]. От писателей требовались темы классовой борьбы и индустриализации. 14 мая 1929 г. последовало обсуждение журнала «Ордым» на коллегии Коми обкома ВКП(б) и было указано на отсутствие художественных произведений о коллективизации и индустриализации. В январе 1930 г. коми областной партийной организации была принята резолюция секретариата Коми ОК ВКП(б) «О коми художественной литературе», поставившая задачи перед писателями в период «всеобщего социалистического наступления» [6], в феврале 1931 г. – постановление «О претворении в жизнь национальной политики» с критикой отсутствия в произведениях классовой борьбы и борьбы за преобразование Севера» [7]. 23 апреля 1932 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое достаточно жестко призвало всех писателей объединиться в единый союз советских писателей и «участвовать в социалистическом строительстве» [8]. Следом за этим решением обкома партии был создан оргкомитет для подготовки к I областному съезду коми писателей, который развернул деятельность по привлечению в литературу молодых писателей, которые могли бы отразить в литературе новые реалии жизни.

* Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта № 12-И-6-2021 по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XI – первой трети XX в.».

** Лисовская Галина Константиновна (Сыктывкар) – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

*** «Политическая реальность была такова, что все действия государства были направлены на превращение России в мощную военно-промышленную силу, способную сохранить себя во враждебном международном окружении». – Tucker R. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990. P. 14. (Цит. по кн.: Меньковский... Указ. соч., с. 221).

В типологическом отношении новеллистика 1930-х гг. становится однородна. Основной жанровой формой становится сюжетно-повествовательный, социально-психологический рассказ. Это находит отражение в книгах молодых коми новеллистов Г. Федорова (Педь Генъ) «Бергѳдчис» (Вернулся, 1933) и «Полошуйтчылѳм» (Переполох, 1936), И. Изъюрова (Изъюр Иван) «Шуд. Колхознѳй висътъяс» (Счастье. Колхозные рассказы, 1935), И. Пыстина «Запань» (1935), сборнике рассказов молодых писателей «Висътъяс» (Рассказы, 1938), книге «Висътъяс да кывбуръяс» (Рассказы и стихотворения, 1939).

Основной художественной доминантой организующей эстетическое целое рассказов, начиная с конца 1920-х гг., становится драматизм. Источник конфликта таких произведений – в сфере социальных отношений, они раскрывают, как писал критик А.А. Вежев, «борьбу Советской власти против кулаков» [9]. Точнее было бы рассматривать их как произведения о борьбе кулаков против Советской власти. Так, в рассказе «Калым» И. Пыстина кулаки Калымов и Зверев стремятся помешать успешной работе сплавщиков и с этой целью собираются убить одного из лучших работников – Ивана. В его же рассказе «Зук Егор» (1929) Зук Егор и Злой Трисан пытаются убить сельского активиста Семен Ивана.

Ряд произведений построен на психологических коллизиях, однако они также определяются социальной действительностью. Так, в центре рассказа Г. Фѳдорова «Кѳбинъяс пурсъѳны» (Волки грызутся, 1929) – конфликт между любовью и долгом. Председатель колхоза Илья любит Машу, дочь кулака, и стоит перед дилеммой: войти в эту семью или порвать всякие отношения с любимой девушкой. Тема любви является побочной темой в новеллистике 1930-х гг., и она связана с темой борьбы с врагом – вредителем.

Тема классового расслоения и классовой борьбы была навязана писателям в качестве «соцзаказа» постановлениями центральных органов власти. В Коми области по сравнению с другими регионами России не было разделения на бедняков, середняков и зажиточных крестьян. Здесь практически отсутствовали кулацкие хозяйства, отмечает историк В.В. Якоб, опираясь на данные статотдела области тех лет [10]. Искусственную навязчивость темы вредительства врагов Советской власти понимали и советские литературоведы: «Излишнее пристрастие к изображению вредительств приводило некоторых авторов к шпиономании и, в конечном счете к искаженному представлению о действительности, пишет в «Истории коми литературы» В.В. Пахорукова [11].

Политической составляющей периода 1930-х гг. стало усиление авторитаризма в стране, нарастание культа личности Сталина. В литературе внимание переместилось к лидерам и пролетариату, как наиболее сознательной части народных представителей. Образ коммуниста, передового рабочего, красноармейца, перевоспитывающего, направляющего крестьянскую массу, – один из главных в коми новеллистике (красноармеец Илья Пыркин из рассказа В. Елькина «Торпыригъяс ѳтувтѳгѳн» (При объединении клочков земли, 1931), авторитетный колхозник Павлин из рассказа «Колхозная страда» Г. Федорова, 1933, Иван из рассказа «Зук Егор» И. Пыстина (1929).

Отсутствие полутонов, однозначность оценок, схематизм характеров – то, что теперь часто признается за канон соцреализма, в таких рассказах это не совсем то, к чему должна была стремиться молодая коми литература. На I конференции коми советских писателей секретарь Коми ОК ВКП(б) сформулировал задачи, стоящие перед коми писателями так: «... нам нужен живой человек, живой колхозник, живой рабочий» [12]. Было понимание того, что произведение соцреализма – это не только идеология, но и конкретное, «живое» изображение жизни, а иначе литература не будет эмоционально заряжать читателя.

Коми писатели многое недоговаривали в рассказах, брали изначально готовую схему (кулак-враг, строитель колхоза, коммунист-герой), однако логика реалистического исследования была такова, что в рассказах пробивалась правда жизни.

Таковы, в частности, рассказы коми писателей, обращенные к истории. Практически всегда это была «ближняя» история. Показательны в этом отношении рассказы П. Доронина «Вотчина юклѳм» (Раздел вотчины, 1931), «Рѳзѳренъе» (Розорение, 1932), «Кык патрон» (Два патрона, 1932) и рассказ И. Изъюрова «Олѳм вежсигѳн» (На переломе жизни, 1935). В них писатели стремятся углубить приемы исследования социальной и индивидуальной психологии, разобраться в сути социальной борьбы.

П. Доронин представляет собой особое явление в коми новеллистике 1930-х гг. Художественный талант сочетается в нем со знаниями историка, а обращение к прошлому позволило писателю быть в достаточной мере свободным, не скованным идеологическими рамками и полнее раскрыть свои художественные возможности. Его рассказы отличает глубокое проникновение в быт крестьянства, социальные отношения, речевую стихию. В рассказе «Вотчина юклѳм» (Раздел вотчины) писатель показал противостояние крестьянской массы самоуправству богачей, и то, к каким драматическим последствиям приводит это противостояние. А рассказ «Рѳзѳренъѳ» (Разорение, 1932) интересен не только критическим зарядом, но прежде всего исследованием социальной психологии: доверчивость, простодушие селян, с одной стороны, и умелое манипулирование чело-

веческими слабостями, наглый обман под прикрытием заботы о человеке, с другой стороны, – вот что сделало безродного чужака полновластным хозяином села.

Стремление к неординарным конфликтам проявилось у писателя в рассказе «Кык патрон» (Два патрона). В этом произведении П. Доронин сумел показать бесчеловечность раскола, происшедшего в годы революции через тонкое раскрытие детской психологии. Мальчик Сеня не в состоянии разобраться в правде отца – коммуниста и матери, не разделяющий взглядов отца. Его наивное и естественное стремление понять происходящее приносит горе всем: отца расстреливают белые, хлеб реквизируют красные, и сам он гибнет.

В год написания рассказа стала широко известна история Павлика Морозова, в средствах массовой информации прославленного как участника борьбы с кулаками. Он был одной из первых жертв страшного противостояния, канонизированный советской пропагандой и глумливо развенчанный постсоветской [13]. В отличие от реального персонажа мальчик Сеня не пионер-герой, и его бессмысленная смерть выводит это произведение из житийного соцреалистического канона, несмотря на откровенную назидательность финала рассказа.

По мнению советских историков литературы, «отличительной чертой периода 30-х годов было резкое увеличение круга людей, вовлеченных в бурлящий период истории, интенсивность чувств, эмоций, связанных с отношением к крутым переменам общественной жизни» [14]. Огромная масса людей, которые «были никем», стали ощущать себя личностями, субъектами истории. Отказавшаяся от идеологической субъективности новейшая историография также полагает, что «главной чертой социальной составляющей в 1930-е годы был очень высокий уровень социальной мобильности. Во всех сферах общественной жизни члены традиционно низших классов выдвинулись во властные структуры. Это стало кульминацией 1917 года, сломало классовую структуру, основанную на наследовании... Для широких масс, вовлеченных в общественные изменения, революция означала шаг к реализации мечты» [15].

Коми новеллистика 1930-х гг. показала движение «вверх» по социальной лестнице самых обездоленных представителей народных масс. Рассказ «Шуд» (Счастье) И. Изьюрова привлек внимание печати, в том числе и центральной, значимостью того явления, которое зафиксировал писатель. В «Истории советской многонациональной литературы» написано, что это произведение о том, как «пожилая женщина Ефросинья трудом своим обрела уважение колхозников, возвращала утерянное было в замужестве имя, отчество, достоинство» [16]. Внутренний мир героини раскрывается через ее чувства – смятение, растерянность, радость, когда на колхозном собрании было впервые за многие годы произнесено ее имя (а не Митипер гётыр – жена Никифора) и доверено быть скотницей, ее нетерпеливое ожидание первого утра работы. Это произведение стало одним из лучших на тему труда – одну из главных тем литературы 1930-х гг.

Новеллистика отразила искренний трудовой подъем в обществе этих лет. Рассказы полны света, веры в человека и его возможности. Именно с верой в человека связано новое отношение к природе в рассказах коми писателей. В 1930-е гг. В. Чисталев вносит в свои размышления о природе внешние приметы времени и социальные мотивы. Поэтическое восприятие природы сочетается теперь в рассказах В. Чисталева с поэтизацией дерзновенной мечты человека о ее преобразовании, с поэтизацией труда, направленного на изменение жизни на новых началах («Эжва катчёс – Вверх по Эжве, 1934), «Кардор», (1935), «Субботник вой» (Ночь субботника, 1930).

Каждая эпоха имеет свой ритм, свою музыку. 1930-е гг. услышал и выразил В. Маяковский в своем «Марше времени»:

Шагай страна,
 быстрой моя,
Коммуна –
 у ворот!
Впе-
ред,
 вре-
 мя!
Вре-
 мя,
 вперед!

Эти строки, в которых «звучит музыка времени, опережающего себя и стремительно летящего в коммунизм» [17], вдохновили В. Катаева на создание знаменитого романа «Время, вперед!» «Ритмы строящегося социализма» (так называется один из очерков В. Катаева 1931 г., посвященный «новому, неудержимому, прогрессивно возрастающему темпу» индустриализации)**** стали источником вдохновения и для В. Чисталева этого периода. «Субботник вой» (Ночь субботника) – миниатюра из намечаемого большого произведения,

**** См. об этом: Катаев В. Почти дневник. М.: Сов. писатель, 1962. С. 433.

характерно названного «Индустриана», отражает новую эстетику писателя, эстетику индустриального труда, труда коллективного – в едином порыве, стремительном ритме.

В 1930-е гг. происходило форсированное изменение психологии миллионов людей, связанное с ускоренной индустриализацией и тотальной коллективизацией. Молодые коми писатели сумели правдиво показать социальные травмы этого периода, драму «отцов», мучительно переживающих за свою крестьянскую судьбу. И.В. Изъюров в рассказе «Остаплӧн туй» (Путь Остапа) показывает крестьянина 1930-х гг., его метания. Понятны и естественны сомнения, страхи Остапа, чей сын вступил в колхоз, и кому жаль своего добра, нажитого годами тяжелого труда.

Нравственно-психологические коллизии, которые возникают в крестьянском сознании в период глобальных ломов – на этом строит свои рассказы один из лучших новеллистов 1930-х гг. Г. Федоров. В его рассказах – действительность в ее драматических смещениях. В рассказе Г. Федорова «Ытва дырйи» (В половодье, 1933) мы встречаемся с характерными крестьянскими типами и с типичной ситуацией – сплавом леса. Сюжет рассказа динамичный. Его напряжение определяется переплетением нескольких коллизий – борьбой со стихией, столкновением разных концепций жизни – внешнее противостояние и внутренние борения героев. И в этом клубке коллизий – три судьбы, три варианта поведения в период строительства новой жизни в Коми крае. Крестьяне в поисках лучшей доли приехали в починок с красноречивым названием «Виль шуд» (Новое счастье) на сплав леса. Один из них – Гурий Ёльбш – убежденный единоличник, свое сердце он оставил в селе. Дольше других работая на запани, он сильнее других тоскует о земле.

Ыджыд Проньб находится на перепутье. Много размышляет о себе, о жизни, пытается понять время и свое место в нем. Пыста Иван с энтузиазмом воспринимает реалии коллективного труда, готов на все лишения ради него. Он готов жизнь отдать за свои идеалы, но чужие он не пощадит. Так легко он определил во враги членов своей бригады. Будущее покажет, что именно максимализм и категоричность таких последователей новой утопии принесут страдания рядовому крестьянству.

Есть еще один персонаж в этом рассказе – молодой красноармеец Сергей, который руководит бригадой колхозников. Этот лидер – необходимое звено в «правильном» рассказе 1930-х гг. Да и весь рассказ – казалось бы, идеальный образец соцреалистического произведения, включающий в себя весь набор нормативных тем в одном рассказе – тема борьбы и с природой, и с инакомыслием, тема труда (самая актуальная – лесозаготовки), который несет пропагандистскую и воспитательную функции. Так не случаен эпизод – разъяснение Пыста Ивана Ыджыд Проньб о необходимости лесозаготовок, так как самое большое недовольство крестьян в 1930-е гг. вызывала политика лесозаготовок, им была непонятна ее необходимость для крестьянства [18]. Однако писатель сумел за социальной злободневностью показать драму народа в конкретных судьбах в переломный момент истории. Психологически убедителен и молчаливый уход Гурей Ёльбша из запани. «Для крестьянства во всем мире не свойственен прямой конфликт с властями», пишет историк В.В. Якоб, опираясь на собственное исследование коми крестьянства и работы коллег [19]. Не социальный протест, открытая борьба, а просто – «народ безмолвствует» (стремясь выжить), так реагирует крестьянство на нововведения власти.

«Дальнодействие», которым обладает художественный текст, позволяет сегодня увидеть носителем основной идеи произведения, в ее глубинном смысле, Гурей Ёльбша. А настойчиво тревожащий его сознание образ, истово сопротивляющейся стихии и все-таки гибнущей ели, становится лейтмотивом этой новеллы. Ель становится символом коми крестьянства, оказавшегося в мощном социальном водовороте. Социальная новелла превращается в философскую притчу о судьбе народа. Многозначие в конце рассказа – это недосказанность, неопределенность его будущего.

Рассказы конца 1920-х – середины 1930-х гг. – важный этап становления коми литературы. Их изучение еще не становилось предметом отдельного исследования в постсоветском литературоведении, остановившемся на идеологическом прочтении прозы этого периода. Однако развиваясь в рамках утопического сознания в эпоху грандиозных социально-экономических реформ и идеологического диктата, новеллистика 1930-х гг. в творчестве лучших своих представителей углубила принципы социально-психологического исследования личности. Тесная связь с живым историческим процессом и государственной идеологией – характерная черта молодой коми новеллистики, а значит, она и «отражала» жизнь и «преображала» ее.

Проблема осмысления художественного творчества писателей первых десятилетий после Октябрьской революции – это не только проблема эстетическая, но и проблема исторической истины, насколько писатели честно показали в своих произведениях объективную реальность. Вопрос этот неоднозначен потому, что в исторической науке нет твердого мнения относительно исторической истины. В современных традициях постмодернизма объективность истины отрицается и заменяется понятием «новизна» [20]. И все-таки заново осмысливать художественные явления 20–30-х гг. XX в. – это отказаться от нетерпимости и идеологизма, увидеть эпоху в ее противоречивости и многоцветной целостности как этап становления новой – советской цивилизации, однозначно отрицать которую, чем дальше она будет отстоять от новейшего времени, тем будет сложнее.

Источники и литература

1. Терц А. Что такое социалистический реализм / Критики 50–60-х годов XX века. М., 2004. С. 66.
2. Павлова И. Современные западные историки сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.
3. Тюпа В.И. Постмодернизм. Теоретические очерки русской поэзии XX в. Самара, 1998.
4. КПСС в резолюциях и решениях пленумов ЦК: Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1953. С. 428.
5. Ордым. 1928. № 9. С. 44.
6. Культура фронт. 1930. № 2. С. 22.
7. Ордым. 1930. № 17–18. С. 27.
8. О партийной и советской печати. Сб. документов. М.: Правда, 1954. С. 431.
9. История коми литературы в 3-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2: Проза. 482 с.
10. Якоб В.В. Крестьянство Коми АО в период НЭПА (индустриализации, коллективизации) 1920–1930-е гг. Екатеринбург: РИО УрО РАН. 2012. С. 69.
11. История коми литературы ... С. 255.
12. Ударник. 1931. № 9. С. 27.
13. Черная карта имён или, которым не место на карте России / Сост. С.В. Волков. М.: «Посев», 2004. 240 с.
14. История советской многонациональной литературы. М.: Наука, 1971. Т. 2. Кн.1.
15. Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский Союз 30-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. С. 59.
16. История советской ... С. 120.
17. Катаев В. Время, вперед! // Катаев В. Почти дневник. М.: Сов. писатель, 1962. С. 475.
18. Якоб В.В. Указ. соч. С. 176.
19. Там же. С. 69.
20. Истина и объективность в историческом знании // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 189–194.

АБЕЗЬ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ АННЫ БАРКОВОЙ

Л.Н. Таганов*

Имя Анны Барковой (1901–1976), которое на долгие годы было вычеркнуто из истории русской литературы, в наши дни входит в ряд самых значимых поэтических имен двадцатого столетия. Обнародованные в последнее десятилетие стихи, проза, дневники, эпистолярное наследие Барковой, а также работы о ее творчестве [1] создают яркое представление об этой поистине великомученице русской литературы.

Быть может, одна из самых уникальных сторон ее творческой судьбы заключается в том, что расцвет художественного дарования Барковой происходит в пространстве, казалось бы, губительном для искусства, в пору, как она горько шутила, ее «путешествий на край ночи», то есть скитаний по гулаговским концлагерям. География этих путешествий такова. Первая отсидка – Карлаг (1935–1939), вторая – Минлаг /Абезь/ (1948–1956), третья – Озерлаг (1958–1965). В промежутках между отсидками нищенское существование под административным надзором в Таганроге, Калуге, в Анжеро-Судженске, хлопоты, связанные с пропиской, поиски угла для жилья в Москве и полная невозможность опубликоваться.

Несмотря на все жизненные злоключения, Анна Александровна не порывала с творчеством, все более и более утверждаясь в правоте избранного ею пути в поэзии: быть до поры до времени неизвестным, потаенным поэтом, ни при каких условиях не идти против совести, не вписываться в стадную, официальную жизнь советской литературы.

Могли прийти любовь и слава,
Пришли неверие и мгла.
Быть может, я была неправой,
Себя напрасно берегла.
Напрасно всем чужим стихиям
Вставала я наперекор.
Но все ж глаза мои сухие
Встречали ужас и напор.
Но все ж с опасностью люблю
Единоборствовала я,
Я не склонялась пред тобою,
Судьба неверная моя.
Тебя сама я создавала,
Тобой я создана сама.
Тобой подарено немало:
И роскошь мысли, и тюрьма,
И это темное стремление
К чужому сердцу в глубину,
И торжество, и упоенье,
И счастье в муке и в плену [1, с. 114].

Эти стихи были написаны Барковой в июне 1954 г., на шестом году пребывания в Абезе. Как следует из этих строк, поэтесса не только не проклинает свою гулаговскую судьбу, но по-своему благодарна ей. Благодарна за «роскошь мысли», за ту «тайную свободу», которую она обрела в лагере, свободу, побуждающую к неустанному духовному творчеству, к стихам. И совсем неслучайно, что эти стихи написаны в Абезе. Именно здесь, в этом страшном месте, Баркова ощутила небывалый прежде творческий подъем, то особое, «болдинское» состояние души, когда жизнь предстает в своей пульсирующей цельности. В этом проявляется особое свойство личности Барковой, которое можно назвать *вопрекизмом* (чем страшнее жизнь, тем сильнее душевное сопротивление).

Никогда еще, ни до Абези, ни после него, поэзия Барковой не была так разнообразна в тематическом, в жанровом отношении. Впервые в ее творчестве само лагерное существование, время и место того, кто пишет *сейчас*, предстает в столь в физически осязаемых подробностях, предстает как особого рода документ «свидетеля истории» [2], прошедшего круги земного гулаговского ада.

Некоторые стихотворные зарисовки Барковой абезьской поры – это своеобразные «физиологические» очерки кошмарного лагерного быта, перекликающиеся с «Колымскими рассказами» В. Шаламова. Здесь можно вспомнить, например, стихотворение «Загон для человеческой скотины», где рассказывается о «кабине для

* Таганов Леонид Николаевич (Иваново) – доктор филологических наук, профессор Ивановского госуниверситета, natle@yandex.ru.

свиданья». В ней «арестантке, бедному созданию, позволено с законным мужем спать /.../ Под хохот, улюлюканье и свисты, по разрешенью злого подлеца». Или стихи «Благополучие раба» о кумовской каморочке для «пасквильных писаний». А рядом строки о «казенных кроватях» в абезьской санчасти – этом «последнем казенном приюте для умирающих» («Опять казарменное платье»). Заметим, однако, что натурализм в лагерных стихах Барковой, как и в колымских рассказах Шаламова, носит особый характер. Здесь, говоря словами исследователя шаламовского творчества, наблюдается «какая-то странная обратная зависимость: чем конкретней и достоверней описание, тем более ирреальным, химерическим выглядит этот мир /.../ Это уже не натурализм, а нечто иное: здесь действует принцип сочленения жизненно достоверного и алогичного, кошмарного, который скорей характерен для «театра абсурда» [3].

Большое место в поэзии Барковой той поры занимает образ природы. Северный климат, ландшафт – не просто природная среда, в которой суждено пребывать ее лирической героине. Именно через природу чаще всего происходят процесс самоидентификации поэтессы в окружающем ее мире, познание главных струн своей души. В этом плане чрезвычайно значимы образы пурги, выюги, проходящие через всю абезьскую лирику. Пурга, выюга, резкий северный ветер – эта злая зимняя стихия, губительная для человека, тем не менее более предпочтительна для поэтессы, чем неопределенное северное лето. Об этом прямо говорится в следующем стихотворении Барковой:

Наверно, я сухая, скучная,
Как эта скудная земля,
Здесь только выюга полнозвучная
Играет, душу веселя.
А летом солнце незакатное
Бессменным ходит часовым.
Здесь вечер с утром непонятные,
День от ночей неразличим... [1, с. 115].

Пурга, выюга для Барковой – это спутники живого бунта души, подтверждение подлинности существования даже за гранью жизни. Вспомним одно из самых ее известных стихотворений, написанных в том же Абезе.:

Хоть в метелях душа разметалась,
Все отпето в мертвом снегу,
Хоть и мало святынь осталось –
Я последние берегу.
Пусть под бременем неудачи
И свалюсь я под чей-то смех,
Русский ветер меня оплачет,
Как оплакивает нас всех.
Может быть, через пять поколений,
Через грозный разлив времен,
Мир отметит эпоху смятений
И моим средь других имен [1, с. 137].

Образ зимней стихии, утвердившийся в поэзии Барковой в пору ее пребывания в Абезе, в дальнейшем не исчезает из ее творчества. Этот образ на правах центрального войдет в небольшую поэму «Пурговая, бредовая, плясовая», ставшую одним из последних произведений поэтессы.

Уже само название поэмы говорит об амбивалентности образного строя, о ее своеобразной сюрреалистической направленности. Пурга, бред, пляс, гремучая смесь двадцатого века даны здесь через кадры основных этапов жизни поэтессы, где на первое место выходит ее пребывание в северных широтах. Прелюдией к «абезьским» кадрам поэмы становится образ казенного солнца: «Выползло солнце едва-едва. / И тут же за край земли / Свалилась солнца голова, / Ее топором снесли...» А дальше мы видим, что происходит на земле, под небом, где казнено солнце. Здесь властвует пурга-ведьма, пурга-палач. Вихри этой злой снежной стихии сменяются картиной жуткого шествия зековских пятерочек в светлое будущее – своеобразным саркастическим парафразом поэмы Блока «Двенадцать»:

Я в пятерочке иду
К вдохновенному труду,
А пятерочек не счесть,
Их пятьсот, наверно, здесь,
Шаг в сторонку – пуля в бок.
Повалился кто-то с ног... [1, с. 209].

В конце же этой главы недавно дьявольски хохочущая над происходящим пурга вдруг превращается в скорбную плакальщицу, отпевающую несчастных:

Пурга поет, гудит с тоской:
– Со святыми упокой!
И память вечная плывет
До Карских ледяных ворот... [1, с. 209].

Образ пурги у Барковой двоятся. С одной стороны, это враждебная героине сила («Эх, пурга! Ох, пурга! / Мы с тобою два врага!»), а с другой стороны, та же самая пурга объявляется «пургой-любовью». Откуда эта двойственность? Мне уже приходилось давать ответ на этот вопрос. Происходит это потому, что пурга взметнула «оледеневшую кровь», зарядила героиню Барковой силой. И в конце концов, она готова погибнуть в «бредовом, плясовом» вихре, но с одним условием: пусть вместе с ней погибнет и весь этот страшный мир [4].

Мы не поймем всей глубины поэзии Барковой абезьской поры, если не увидим ее мощной историософской основы и одновременно сокровенного лирического начала. В стихах Барковой этого времени отчетливо звучит апокалипсическая нота, ощущение системного кризиса, который переживает современный мир. Сталинская Россия – тому подтверждение. Об этом небольшая поэма Барковой «Вера Фигнер» (1950), где есть строки о «девятом круге Дантова ада», который заселила Советская Русь». Эта поэма написана при жизни Сталина, но и после его смерти поэтесса не склонна верить в благоприятный исход российской истории. Предчувствуя ее будущие катаклизмы, поэтесса писала в стихотворении «Русь»:

Ты к Европе лицом повернута,
На дыбы над бездною вздернута,
Ошарашена, огорошена,
В ту же самую бездну и сброшена.
И жива ты, живым-живехонька,
И твердишь ты одно: «Тошнехонько!»
Чую, кто-то рукою железною
Снова вздернет меня над бездною [1, с. 96].

Но не верит Баркова и в будущее западного мира. Предельно отчетливо об этом сказано в ее дневниковых записях 1957 г., то есть через год после абезьской отсидки.: «Новая соц/иалистическая/ вера и надежда (марксизм, «научный социализм») засмердили и разложились очень быстро. В так называемом буржуазно-демократическом строе/ о «широкой демократии» тоже хорошего ничего не скажешь. Ну, более сносно, более свободно жить для отдельного человека. А так, в общем, истрепанные лоскутки робеспьеровского голубого кафтана, истертые клочки жан-жаковского «Общ/ественного/ договора». Вздор. Галиматья» [1, с. 371].

И все-таки, несмотря на эти крайне пессимистические взгляды, Баркова сохраняет последнюю веру. Веру, о которой в ее поздних стихах сказано так: «Превыше всего могущество духа / И любви. Только в них бессмертие» [1, с. 181].

И здесь самое время снова вернуться к поэзии, созданной Барковой в Абезе, поэзии, которая становится художественным доказательством вышеприведенной поэтической формулы.

Любовь – стержневой мотив лирики Барковой начала 1950-х гг. Любовная стихия здесь в чем-то сродни той самой пурге, о которой говорилось выше. Она неожиданна, непредсказуема. Ее явление – поверх всех запретов и барьеров. Душевным изумлением перед самим фактом любви продиктовано ключевое стихотворение в любовной лирике Барковой абезьского периода:

Как дух наш горестный живуч,
А сердце жадное лукаво!
Поэзии звенящий ключ
Пробьется в глубине канавы.
В каком-то нищенском краю
Цинги, болот, оград колючих
Люблю и о любви пою
Одну из песен самых лучших [1, с. 163].

О любовной лирике Барковой написано уже немало. Помимо российских исследователей, о ней пишут и западные ученые. Пишут по-разному. Есть работы, где преобладает узко гендерно-феминистский подход, на мой взгляд, резко сужающий общечеловеческий смысл ее замечательной поэзии [5]. Но есть и философско-психологические глубокие срезы этой сокровенной части творчества Барковой. Сошлюсь в данном случае на книгу французской исследовательницы Катрин Бremo, которая так пишет о любовной лирике Барковой, созданной в Абезе: «В 1954 году Анна воспевает свою обретенную в страдании любовь как лучшую радость, а еще:

С улыбкой дикого смущенья,
С мольбой о ласке и прощенье.

Это совершенно ново для нее/.../ В высшей правде ее существа любовь сливается с духовным сопротивлением неволе в пространстве свободы и биения жизни среди бесчисленных смертельных угроз. Это тайная «капелька любви», по ее собственным словам,— «влага животворная», сохранившая ей жизнь» [6].

Абезь стал кульминационной точкой в творчестве Барковой. Почему? Откуда такой лирический напор? Такая поэтическая интенсивность и разнообразие стихотворных произведений? Заметим, что в первые послевоенные годы, живя в Калуге, Баркова редко обращалась к написанию стихов. После Абезя накал ее поэтической энергии заметно снижается (основное внимание направлено на прозу). Дело, видимо, в том, что именно в Абезе в ее судьбе, как говорится, сошлись все звезды. Она ощутила суровую северную почву как нечто родственное своей натуре. Она оказалась среди *своих*, среди тех, кто готов был до конца нести свой крест невольничества, но оставаться вольным в своих мыслях и чувствах. И наконец, здесь ее настигла любовь, которую она не испытывала ни до, ни после Абезя. Не забудем и то, что пик стихотворства Барковой приходится на 1954–1955 гг. Сталина уже нет. Жить за колючей проволокой стало чуть свободней.

Незадолго до смерти из она написала такие стихи:

О, если б за мои грехи
Без вести мне пропасть!
Без похоронной чепухи
Попасть к безносой в пасть!
Как наши сгинули, как те,
Кто не пришел назад.
Как те, кто в вечной мерзлоте
Нетленными лежат [1, с. 190–191].

Абезь и в конце жизни оставался в памяти Анны Александровны Барковой как самое дорогое, сакральное, нетленное место.

Источники и литература

1. Среди литературы, связанной с жизнью и творчеством А. Барковой, надо особо выделить книгу «...Вечно не та» (М., изд. «Фонд Сергея Дубова»), представляющую наиболее полное собрание сочинений поэтессы. Ссылки на это издание даются в самом тексте.
2. Это понятие получает глубокое истолкование в статье О. Седаковой «Анна Баркова: свидетель истории», вошедшей в качестве послесловия в книгу К. Бремо «Анна Баркова. Голос из бездны» (Иваново, 2011).
3. Лейдерман Н.Л. Постреализм. Екатеринбург, 2005. С. 149.
4. См. подробнее об этой поэме в книге: Таганов Л. «Как дух наш горестный живуч...» Иваново, 2010. С. 89–91.
5. См., например, книгу американской исследовательницы Дианы Левис Бургин «Оттяготела... Русские женщины за пределами обыденной жизни». (СПб., 2004).
6. Бремо Катрин. Анна Баркова. Голос из бездны. Иваново, 2011. С. 166.

ВЕРХНЕ-ЧОВСКИЙ ДНЕВНИК КОМИ ПИСАТЕЛЯ В.Т. ЧИСТАЛЕВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

*Е.В. Ельцова**

27 ноября 1937 г. коми поэт, прозаик, один из создателей коми литературы советского периода, учитель Чисталев Вениамин Тимофеевич (Тима Вень) был арестован органами НКВД Коми АССР по обвинению в контрреволюционной и буржуазно-националистической деятельности на литературном фронте, направленную против партии и Советской власти, и отправлен из с. Помоздино в Верхне-Човскую ИТК. С момента ареста и по день смерти 13 октября 1939 г. им было написано и отправлено 18 писем родственникам. А со времени прибытия в колонию в марте 1939 г. писателем велся дневник на коми языке – это блокнот, после смерти В.Т. Чисталева переданный его жене и детям в Помоздино [1, с. 318]. В.Т. Чисталев и его творчество были реабилитированы в 1956 г., а фрагменты дневника опубликованы в журнале «Войвыв кодзув» (Северная звезда) в 1990 г., а затем в книге «Эжва йывса колип» (Соловей с верховьев Вычегды) в 2000 г. В переводе на русский язык избранные места из тюремных писем и дневника писателя представлены М.Д. Игнатовым в мартирологе «Покаяние» (1999) под общим названием «Написаны кровью и слезами...».

Особенность Верхне-Човского дневника В.Т. Чисталева в том, что созданный писателем, во многих своих частях он написан по законам литературного художественного произведения и во многом связан с литературой и является продолжением творчества самого В.Т. Чисталева. Кроме дат, событий и биографических данных в дневнике неоднократно встречаются упоминания о творчестве и цитаты из произведений писателей Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина, С. Цвейга, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, Т.Г. Шевченко, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, К.К. Романова, М. Горького, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, А.П. Библика, что говорит о широте интересов В.Т. Чисталева. Среди них – «Дневник писателя за 1877 г.» Достоевского, «Черновые наброски и критика» Пушкина, «Мертвые души» Гоголя, «Завещание» Шевченко, «Человек», «Дети Пармы» Горького, «На краю света» Лескова, «Борьба с безумием: Гельдерлин, Клейст, Ницше» Цвейга. Основными темами этих произведений являются тема литературы и творчества, тема человеческой памяти, тема родины и родной земли, тема счастья, тема приближающейся смерти, вопросы литературоведения и истории Коми края. Одна из последних записей в дневнике В.Т. Чисталева – прощание с жизнью и слова А.С. Пушкина, его любимого поэта: «Так хочется, так сильно желание жить на вольном свете. «О, други! Не хочу я умирать!» – так я все восклицаю словами Пушкина. Все радостнее и радостнее кажется природа, все милее и милее жизнь на земле «на закате дней»** [3, с. 149].

Многие страницы Верхне-Човского дневника В.Т. Чисталева переполнены размышлениями автора о собственном литературном творчестве, выражением желания писать и жить даже здесь, в неволе, ради творчества, литературы. В этих частях произведения преобладает эмоциональность, экспрессия, лиризм. Их эмоциональная емкость возрастает за счет чувства трагической невозможности жить и творить дома, на свободе.

В дневнике как воспоминания приводятся стихи самого В.Т. Чисталева, написанные им на воле, или их отрывки – «Тувсов вой» (Весенняя ночь, 1920), «Йёз муын» (На чужбине, 1922). Стихотворение «На чужбине», созданное по мотивам произведения русского поэта К.К. Романова «Растворил я окно, – стало грустно невмочь...», в дневнике преобразовано в прозаическое произведение и вошло в состав лирического описания картины летней природы.

Стиль, художественные особенности, ритмическая организация дневниковых записей В.Т. Чисталева являются продолжением его стихотворного и прозаического творчества. В тексте дневника встречаются лирические воспоминания-описания природы родной земли, эмоционально насыщенные лирические отступления, обращения к родным людям, семье, природе, часто написанные ритмизованной прозой. В то же время, Верхне-Човский дневник – это предсмертное произведение писателя, исполненное чувством утраты самого дорогого в жизни, «предчувствием трагического расставания с родиной (а в контексте биографии – с жизнью)» [2, с. 29].

В дневнике писателя присутствует несколько стихотворений, написанных им в колонии – последние художественные произведения В.Т. Чисталева. Это «Прощай да видза ов» (Прощай и здравствуй), «Воканлы батысьныис» (Вокану от отца), «Кёк пö тайё кёкö» (Говорят, это кукушка кукует), «Аръявыв» (Предосеннее). Их основные лейтмотивы – тоска и воспоминания о прежней жизни в родных местах, прощание с родными людьми и родным селом, неумирающая надежда на возвращение и счастливую жизнь в будущем.

* Ельцова Елена Власовна (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, alena.eltsova@mail.ru.

** Здесь и далее перевод подстрочный с языка коми мой. – Е.Е.

Дневник как жанр, граничащий между документальной и художественной литературой, представлен в коми литературе Верхне-Човским дневником В.Т. Чисталева. В нем присутствуют факты последних лет жизни писателя и вместе с тем – его творчество, ярко выраженный авторский, художественный стиль.

Источники и литература

Игнатов М.Д. Написаны кровью и слезами... // Покаяние: коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 1999. Т. 2. Ч. 1. С. 316–336.

Остапова Е.В. Ритмичность природы и ритм человека в лирике Вениамина Чисталева // Остапова Е.В. Поэтика ритма лирики коми 1920–1930-х гг: уч. пособие. Сыктывкар: Изд-во сыктывкарского ун-та, 2001. С. 21–34.

Тима Вень (В.Т. Чисталев). Вылыс Човса дневникысь // Эжва йывса колип. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000. 128–151 л.б.

**«ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ МЕНЯ РОДНОЕ ДЕЛО...»
(ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ И.В. ИЗЬЮРОВА
ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

*Д.Г. Холопова**

Известный коми писатель-фронтовик и журналист Иван Васильевич Изьюров почти семь десятилетий трудился на литературном поприще. Вот как сказал о творчестве И.В. Изьюрова коми критик и литературовед, также участник Великой Отечественной войны, А.А. Вежев: «...Он (И.В. Изьюров. – Д.Г.) издал много рассказов, очерков, повестей, рассказывающих о коми народе, об изменениях в хозяйстве и культуре, быту и психологии коми. Его творческая биография самым тесным образом связана с живой действительностью, как социалистической деревни, так и промышленного развития республики».

Иван Васильевич Изьюров родился 6 марта 1910 г. в селе Позтыкерос Корткеросского района. После окончания сельской школы учился в Усть-Сысольской школе второй ступени и окончил её в 1927 г. Первые две повести писателя о начале промышленного строительства в Коми области «Тималён бригада» (Бригада Тимофея) и «Доменьлён мыж» (Преступление Доментия) были изданы в 1932 и 1936 гг. В 1934 г. Иван Изьюров был принят в члены Союза советских писателей и принимал участие в I областной конференции коми писателей. В 1935 г. издаётся сборник рассказов писателя «Шуд» (Счастье), а в 1936 г. в Коми книжном издательстве выходит ещё одна его повесть «Доменьлён мыж» (Преступление Доментия). Во всех этих произведениях писатель показывает молодёжь, людей труда, их активное участие в новых жизненных процессах [1].

Наступил 1937 год. Летом были арестованы коми писатели Н.П. Попов (Жугыль), И.Н. Симаков (Сим Вань). Изьюров был арестован в ночь с 7 на 8 октября. В эту же ночь арестовали и В.А. Савина. И.В. Изьюрова обвинили в том, что он, якобы являясь участником контрреволюционной организации, многие годы вёл контрреволюционную работу, призывал создать Коми буржуазную республику и поддерживал отношения с троцкистами. Допрашивали писателя дважды. На первом, состоявшемся 31 ноября 1937 г., Изьюров держался бодро и отверг все обвинения в свой адрес. Второй допрос состоялся 28 февраля 1938 г. До этого две недели не давали спать. Обвинили его ещё и в том, что он якобы критиковал Коми обком ВКП(б) за слабую помощь в развитии коми литературы и защитил врагов народа Виктора Савина и Ивана Симакова.

В обвинительном заключении, подписанном через месяц, было сказано следующее: «Работая в Коми госиздате ответственным редактором по выпуску художественной литературы, специально задерживал издание книг. Мешал творческому росту молодых писателей. В 1931 году опубликовал рассказ «Ыбъяс вылын» (На полях), направленный против коллективизации. В 1936 году написал националистическую повесть «Доменьлён мыж» (Преступление Доментия). Проводил контрреволюционную агитацию, что заключается в следующем: восхвалял буржуазного националиста В. Лыткина, клеветал на коммунистическую партию и советскую литературу, хранил у себя дома в укромном месте контрреволюционную литературу. В 1937 году подписал договор с Н.П. Поповым о выпуске его буржуазно-националистических пьес «Чурка Нина» (Незаконорождённая Нина) и «Коді мыжа» (Кто виноват). В 1935 году выпустил контрреволюционную поэму Латкина «Вильмёдём лунъяс» (Обновлённые дни) и как контрреволюционер защитил поэта».

Действительно, 19 марта 1935 г. на общем собрании писателей была обсуждена поэма В. Латкина «Обновлённые дни». Протокол собрания вместе с явочным листом, где имеются подписи 36 литераторов, хранится в Национальном архиве РК. Большинство писателей назвали поэму националистической и антисоветской. Лишь несколько человек отметили возросшее мастерство автора, сказав при этом, что любая критика должна быть товарищеской. Среди них – И.И. Оботуров и К.И. Туркин, которые также были репрессированы. А поэт В. Латкин в том же 1935 г. вынужден был выехать из родных мест в Кировскую область, где работал в одном из районов области по своей специальности – агрономом. А затем в сентябре 1942 г. пропал без вести на фронте. И.В. Изьюров уже после реабилитации, верный своим прежним убеждениям, о поэме В. Латкина в газете «Красное знамя» в 1958 г. сказал, что это прекрасное произведение о любви, о непростой судьбе двух коми женщин – матери и дочери.

Срок И. Изьюров отбывал в Воркуте. В Воркутлаге наравне со всеми заключёнными писателю пришлось заниматься тяжёлым физическим трудом: грузить уголь на баржи, рубить тундровый лес для строительства шахт. 7 октября 1940 г. И. Изьюров получил справку о том, что трёхлетний срок закончился. Из Воркуты к семье в Сыктывкар добирался пешком. Как «враг народа» он не мог вернуться к литературной работе – устроился бухгалтером в горпромкомбинат.

* Холопова Диана Григорьевна (Сыктывкар) – заведующий Литературным музеем И.А. Куратова.

Затем началась Великая Отечественная война. В октябре 1941 г. писатель был мобилизован на фронт. В тяжелейшие годы войны И. Изьюров был пехотинцем, миномётчиком, связистом, рядовым 253 Киркинеского полка, участвовал в боях за освобождение Советского севера, севера Финляндии и Норвегии.

В сохранившихся в Национальном архиве РК анкетах коми писателей-участников войны сказано: «И.В. Изьюров, беспартийный, рядовой, с 18 сентября 1942 года по октябрь 1945 года на Карельском и Мурманском фронтах. Печатал рассказы и очерки в армейских газетах “Во славу Родины” и “Часовой Севера”, награждён медалями “За оборону Заполярья” и “За победу в Великой Отечественной войне”» [2].

То, что И.В. Изьюров активно сотрудничал с фронтовыми газетами, подтверждают подлинные материалы экспозиции Литературного музея. В разделе «Коми литература в годы Великой Отечественной войны» представлены два документа из архива писателя-фронтовика этого периода – рукопись рассказов «Карелияса вörъясын» (В лесах Карелии) и письмо главного редактора фронтовой газеты «Во славу Родины» И. Изьюрову от 21 ноября 1944 г. о следующем: *«Уважаемый товарищ Изьюров! Я получил ваши рассказы. Благодарю Вас за то внимание, которое вы уделяете нашей газете. Рассказы «Связь работает», «Схватка у дороги», «Сила примера» напечатаны в газете. Передо мной ещё три ваших вещи. Первый будет напечатан в ближайшие дни, если ничто не помешает, то 23 ноября...»*. Ещё одно письмо из редакции газеты «Во славу Родины», сохранившееся в архиве писателя: *«Уважаемый Иван Васильевич! Вашего “Чорта” получил и говорю от души: он мне понравился. Как только пройдёт сессия Верховного Совета СССР и мы закончим печатание материалов о ней – в первых же номерах вслед за этим начнём печатать “Чорта”. Очень прошу писать нам ещё... Ваш МихШабалин»*.

Но в родной республике он всё ещё оставался «врагом народа», его произведения не печатались и не звучали по радио, хотя все эти суровые годы по возможности не расставался с любимым делом – литературным творчеством. В связи с этим писатель пережил немало горьких дней.

После войны, 4 октября 1946 г. состоялось собрание писателей и литактива с повесткой дня «Решение ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” и задачи писателей Коми АССР». На этом собрании рассказы И. Изьюрова военного периода снова подверглись критике за то, что «писатель не показал в них руководящую роль партии, а на подвиг советского солдата направляла только руководящая сила партии».

Уже в 1970-е гг. писатель вернулся к теме войны, воспев подвиг простого солдата в двух своих произведениях – в рассказе «Нёль кёра дадюла» (Нарты с упряжкой из четырёх оленей) и в повести «Куим лун да ещё ёти вой» (Три дня и одна ночь).

Честное имя И.В. Изьюрова было восстановлено в мае 1956 г. Писатель до конца своих дней занимался любимым делом. Работая в основном в жанре прозы, большое внимание уделял публицистике, созданию сценариев для кино и телевидения, литературно-критических статей по проблемам развития коми литературы.

Источники и литература

1. Коми советские писатели. Сыктывкар, 1968.
2. НАРК. Ф. 943. Оп. 1. Ед. хр. 98.

КОМИ ХУДОЖНИК И ПОЭТ БОРИС ШАХОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

*М.И. Бурлыкина**

В Музей истории просвещения Коми края в 2014 г. поступила уникальная коллекция, включающая произведения искусства, поэтическое и эпистолярное наследие коми художника, поэта Б.Н. Шахова, имя которого незаслуженно предано забвению.

Борис Николаевич Шахов родился 15 мая 1920 г. в селе Скородум Усть-Куломского района. Его отец – коми писатель, педагог, ученый и общественный деятель Николай Александрович Шахов (1898–1942; литературный псевдоним Сандрик Микол). Он был учеником известного ученого-лингвиста, доктора филологических наук Алексея Семеновича Сидорова (1892–1953), учился в Зырянском институте народного образования (Усть-Сысольск), являлся членом Комиссии по зырянизации, членом Общества изучения Коми края, автором «Краткого коми-русского словаря», соавтором «Коми диалектологического словаря», директором Коми книжного издательства. После окончания Института красной профессуры (Москва) Н.А. Шахов работал в Сталинабаде (Ашхабаде), возглавлял Научно-исследовательский институт педагогики, затем в Министерстве просвещения РСФСР в Москве. Сразу после начала Великой Отечественной войны он записался в народное ополчение и отправился на фронт. В 1942 г. умер в госпитале города Уфы. Его жена – Анна Ивановна, в девичестве Шомысова, руководила группой шифровальщиков девятой экспедиции Моспочтампта (шифрование секретной правительственной почты) [1]. В этом браке появилось пятеро детей. Самым талантливым из них был Борис. Он учился в московской школе, которую окончил в 1938 г. Во время учебы подружился со своим ровесником Дезиком – Давидом Самойловым (1920–1990), в будущем выдающимся поэтом XX века, и дружбу эту пронес через всю свою жизнь.

Борис, чьи способности рисовальщика проявились еще в детстве, поступил в художественную школу при МОССХе, проучился в ней четыре года. В октябре 1941 г. был призван в Красную Армию. С конца 1942 г. работал на военно-пересыльном пункте в Казани и в военкомате Татарской АССР художником. С начала 1944 г. был художником при штабе в городе на Волге Куйбышеве (ныне Самара). В ежедневной красноармейской газете Приволжского военного округа нередко публиковались стихи и рисунки Бориса Шахова на злободневные темы. 13 февраля 1944 г. он писал:

Когда торжественным салютом
Героев чествует столица,
Тогда в Берлине злобой лютой
И ужасом кривятся лица.
Гром салютующих орудий
Напоминает им, что скоро
За днем победы нашей будет
И день суда над вражьей сворой!

После войны Борис учился в художественном училище памяти 1905 г., затем на графическом факультете Московского художественного института им. Сурикова, который окончил в 1953 г. Во время учебы в 1949 г. он женился на Надежде Новохатной, с которой познакомился в Сталинабаде, где жил вместе с отцом.

Борис сотрудничал со многими крупными издательствами («Детская литература», «Учпедгиз», др.), публиковался в центральных газетах «Красная звезда», «Московская правда», «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», журнале «Новый мир».

Представляют большой интерес взаимоотношения Бориса Шахова и Давида Самойлова, их переписка [2]. Она раскрывает творческие поиски друзей, общность их интересов, показывает круг общения. Первое упоминание Бориса Шахова отражено в дневниковых записях Давида Самойлова от 29 марта 1948 г. Они оба жили в Москве, общались при встречах. В 1976 г. Самойлов переехал в эстонский город Пярну со своей второй женой и тремя малолетними детьми (купил полдома). С 1977 г. переписка Бориса Николаевича и Давида Самойловича стала носить постоянный характер. Обоим было далеко за 50 лет, оба страдали болезнями глаз, перенесли сложнейшие операции. Но интерес друг к другу не угасал. Свои письма к Шахову Самойлов завершал словами «Обнимаю с любовью», «Всегда помню о тебе», «Будь здоров» и подписью – «Твой Д.», непременно передавал привет супруге Надежде Ивановне.

Борис Шахов в письмах рассказывал о жизни, творчестве, отправлял свои рисунки, стихи. 10 февраля 1977 г. Давид Самойлов отвечал: «Часто вспоминаю тебя, особенно сейчас, когда возраст подходит к вспоми-

* Бурлыкина Майя Ивановна (Сыктывкар) – доктор культурологи, профессор кафедры культурологи Сыктывкарского государственного университета, mipkk@syktu.ru.

нательной прозе. К сожалению, опять не скоро можем встретиться... Стихи о Пиросмани написаны совсем не дурно. Их вполне можно печатать. В этом постараюсь тебе помочь...». И действительно, стихи Шахова вскоре появились в журнале «Новый мир».

И Самойлов, и Шахов очень любили А.С. Пушкина и прекрасно знали его творчество. 11 февраля 1985 г. Самойлов писал: «...Сейчас пишут стихи в таком количестве, так умело и толково, что хочется бросить это ремесло... Легенду о Н.Н. Пушкиной давно творят (тот же Доризо, Коростылев в пьесе о ней и т.д.). Не обращай внимания. Читай Ахматову и тем утешайся. А у них логика простая: раз Пушкин был гений, да еще такого масштаба, то неудобно, чтобы жена его была дура или шлюха. Да, может, она и баба была неплохая. Она ведь совсем молодая была, Пушкин был для нее старым муж. А в гениях она не разбиралась».

Несмотря на проблемы со здоровьем, переписка друзей продолжалась. После смерти Бориса Николаевича Давид Самойлович написал несколько писем вдове Надежде Ивановне. В первом, 2 апреля 1987 г., он выразил соболезнование, в последующих письмах речь идет также о сохранении памяти Бориса Шахова.

Другом Бориса Николаевича был также известный кинорежиссер, народный артист России Владимир Венгеров – автор любимых народом фильмов «Два капитана», «Город зажигает огни», «Балтийское небо», «Порожний рейс» и многих других. В одном из писем от 8 июня 1956 г., уже знаменитый после «Двух капитанов», Венгеров писал: «Боря, дорогой! Так приятно, так дорого было получить от тебя открытку... Рад, что тебе понравилась картина. Ты давнишний мой судья и всегда я тебе верил. Скажу от себя – без кокетства, что «Два капитана» вполне могут не понравиться серьезным критикам. Картину хвалили, прошла она хорошо, утвердила меня на студии совсем прочно. Но все-таки экранизация огромнейшего и хорошего романа должна быть лучше. Да и сам материал был мне не по душе. У меня готово много оправданий и ответов тем, кто хоть малость нападает. Я знаю как объяснить – что и почему получилось. И даже с чисто режиссерской стороны люблю эту работу. Но хочется отвечать за всё и делать вещь на сто процентов свою и по-своему... Из Киева еду от своего нового автора, которого выбрал сам и на сей раз силою обстоятельств и не случайно. Это Виктор Некрасов. Он написал в «Окопах Сталинграда» и «В родном городе». Последнее название мы с ним и экранизуем. Если удастся вложить эту повесть в сценарий – будет у меня работа по сердцу. Ради нее отказался от многих предложений...».

Делился своими планами и задумками с Борисом Шаховым также Николай Глазков – известный поэт и разносторонний человек (отличный шахматист, любитель искусства и коллекционер, прекрасно разбирался в химии, геологии, был членом Географического общества). Сохранилось множество его шуточных стихотворений, адресованных другу:

Прекрасный Шахов! Вдохновенный
Действительный анахорет!
Таких, как ты, во всей Вселенной,
Наверно, не было и нет!
Стихи слагаешь и рисуешь
В жару, и в зной, и в холода,
И женщин ты интересуешь
В свои степенные года!

В Музее истории просвещения Коми края при Сыктывкарском университете хранятся и другие письма, адресованные Борису Шахову. Их передали его родственники – вдова Надежда Ивановна Новохатная и племянник Николай Юрьевич Розалиев, составивший родословную Шаховых. Среди адресатов нашего земляка такие знаменитости, как композитор Георгий Свиридов, пушкиновед Татьяна Цявловская, писатели Сергей Наровчатов и Юрий Щеглов, музейщик Семён Гейченко, другие.

В каждом из этих писем – достойная оценка человеческих качеств и творческой деятельности уроженца Коми края Бориса Николаевича Шахова – замечательного художника и поэта.

Источники и литература

1. Сандрик Микол (Н.А. Шахов). Коми ёртъяс дінö (К товарищам коми). М.: Парма, 1992.
2. Музей истории просвещения Коми края. Личный фонд Б.Н. Шахова.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ПРОЗЕ Г.А.ЮШКОВА

*О.С. Зиявадинова**

Во второй половине XX в. Г. Юшков публикует произведения, в которых проблема взаимоотношений человека и природы становится не только ведущей, но и подчиняет себе художественную концепцию в целом, определяя философию произведения. В рассказах «Висар» (1964), «Кодзувкоткар», повестях «Пьяна ош» (Медведица с медведжатами, 1979), «Ловья лов» (Живая душа, 1979), романах «Чугра» (1979), «Рбдвуж пас» (Родовой знак, 1988) осознается потребность «восстановить» природу в своих правах, пробудить в человеке его «прапамять», в которой хранится «воспоминание» о первоистоке. Проза Г. Юшкова раскрыла образ деревенского человека, вписанного в природный миропорядок, унаследовавшего многовековую народную нравственность. Обратившись к основам бытия человека, эта проза не могла не задуматься над «вечными» вопросами: о жизни и смерти, о смысле человеческого существования, отношении к окружающему миру.

Основополагающим в понимании природы коми писателем является философское ее осмысление, реализующимся в природоведческих наблюдениях, пронизанных ощущением красоты и гармонии природного мира, идеей родственного внимания человека к природе. В повести Г.А. Юшкова «Пьяна ош» описано разное понимание природы внутри традиционной жизни. Деревенский уклад жизни порожден признанием единства человека и естественного мира, в произведении представлены герои, которые иллюстрируют «сберегающее» [1, с. 28] и потребительское отношение к земле. Основным выразителем авторской позиции во взгляде на природный мир является главный герой повести – конюх Микулай, он показан охранителем складывавшегося веками охотничьего этикета коми человека, последний изображается в виде некоего идеала отношений человека и природы. Микулая можно назвать традиционным положительным героем коми литературы – человеком, живущим в ладу с природой и любящим ее, ему противопоставлен лесник Емель, тоже деревенский человек, который, казалось бы, должен охранять окружающий мир, но в действительности способствующий его уничтожению. События в произведении приобретают драматический характер и заканчиваются трагедией: Емель показывает за деньги берлогу городским охотникам, которые жестоко и бессмысленно губят медведицу с медведжатами. В повести реализована прежде всего просветительская задача, противопоставляя две формы отношения к природе, автор открыто выражает свое неприятие браконьерского отношения к ней, усиливает трагизм конфликта и развязки, тем самым способствуя сильному эмоциональному сочувствию читателя природному миру, формированию осознанного чувства природы.

В рассказе «Висар» Г. Юшкова подчеркивается этический аспект в восприятии природы человеком; с новой силой ощущается трагичность разрыва между ними, человек рисуется автором как главная разрушительная сила в природе. События в произведении приобретают драматический характер, автор описывает убийство лося, усиливающее трагический пафос повествования, проблема «человек и природа» таким образом перемещается в философский план.

Отказ от традиционных представлений в произведениях коми автора изображается как следствие тотального отчуждения человека от природы, а это последнее – как мировая трагедия. Вместо рухнувшей системы ценностей не создается новой, а без этого не может быть равновесия между двумя крупными величинами земной цивилизации – природой и человеком.

В повести «Маршрут» речь идет об освоении тундры, это своего рода повествование о хищниках и жертвах, оно драматично, философски насыщено. Геологи ищут в тундре нефть и газ, в то же время они портят землю, вытаптывают ягельные леса – основной корм оленей.

В творчестве коми писателя обнаруживаются тенденции к мифологизации, которые в целом были характерны для младописьменных и молодых литератур 1960–1980-х гг. Вызвано, это думается, стремлением монументализировать традиционное мироощущение, подчеркнуть «неправильность» современного развития (Ю. Шесталов, В. Санги, А. Ким, Ч. Айтматов).

В творчестве Г.А. Юшкова развита мотивно-образная система, создающая сквозной образ природы, содержатся развернутые природоописания. Тема природы реализуется в нескольких аспектах: социально-философском, нравственно-этическом, экологическом. Социальная функция природы в произведениях автора первична, выход ее на первый план объясняется спецификой изображаемой действительности – традиционным укладом жизни. Кроме того, писатель своими произведениями формирует природозащитную концепцию, которая имеет просветительский характер. Просветительская цель выражается в создании идеальной человеческой личности, воплощающей «вечные» нормы отношения человека с природой, идеальные люди – это «герои – хранители и созидатели», люди, ратующие за разумное пользование природой. Природное начало,

* Зиявадинова Ольга Сайфидиновна (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Olgazijav@vail.ru.

осознаваемое как условие цельности человека и окружающего мира, в художественном мире автора выступает в качестве своеобразной ценностной шкалы, по которой оцениваются поступки героев. Одну из главных проблем, стоящих перед современной цивилизацией, писатель видит в разрыве человека с природой, в разединении и отчуждении людей. Просветительская цель выражается в трагическом пафосе произведений, реализующемся, прежде всего, в проблеме природа–человек–цивилизация, как правило, природа и цивилизация изображаются как антагонисты, в трагическом конфликте. Проблема взаимоотношений человека и природы имеет и собственно экологический аспект; важное место в ней занимает актуальная сегодня идея сохранения многообразия форм природной жизни. Особым является вопрос антропоморфизации явлений природы в художественном мире произведений. Одухотворение природной материи в коми литературе связано с сохраняющейся в народном сознании анимистической традицией. Сохранению традиции анимистического понимания мира способствовало следующее: традиционное мировоззрение считают мало подверженным изменениям в силу сохранения широкой природной среды на Севере, слабую урбанизацию; анимизм, пантеизм актуализируются в искусстве как средство противодействия развивающемуся экологическому мировому кризису.

Позиция писателя во взгляде на окружающую природу осуществлена на основе философского понимания мира как взаимосвязанных сущностей, диалектически объединенных законом движения. Он не признает возможным автономное, самодостаточное существование отдельной части от целого, поэтому и человек является важным, но не отделимым от единой природной жизни элементом.

Источники и литература

Давыдова Г.А. Проблема отношения человека и природы в философско-исторической концепции К. Маркса // Философские проблемы глобальной экологии: Сб.ст. М., 1983.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КОМИ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

*А.В. Малева**

Не только современная коми литература, но и литературы других народов России обретают в наше время ярко выраженное «женское лицо», чем во многом обусловлен возросший интерес литературоведов к гендерным исследованиям. Появление на Западе в 1960–1970-е гг. женских исследований (womens studies) и дальнейшая их трансформация в гендерные – следствие потребности в обновленном, цельном взгляде на устройство мира посредством дополнения и расширения одностороннего – сугубо мужского – видения предмета: «когда собственный опыт женщин помещается в центр познавательного процесса, это позволяет <...> вносить существенный вклад в понимание нас самих и нашего мира» [1].

В коми литературоведении изучение женской лирики представлено, как правило, в контексте исследования коми поэзии в целом или в анализе частных аспектов художественного своеобразия лирики отдельных поэтесс. А.Е. Ванеев, пожалуй, впервые характеризует А. Мишарину как первую коми поэтессу и на основании опыта развития русского женского творчества делает предположение о предстоящем обновлении коми поэзии в силу привнесения новых – «женских» – мыслей, интонаций, тем [2].

Статьи В.И. Мартынова посвящены анализу творческого мастерства начинающих поэтесс А. Мишариной и А. Ельцовой [3]. Им написаны их творческие портреты, а также портреты Г. Бутыревой и Н. Обрезковой в биобиблиографический словарь-справочник «Литераторы земли Коми» (2000). Как и А.Е. Ванеев, коми литературовед выявляет индивидуально-авторскую направленность тематики стихотворений и доминирующих художественных средств коми поэтесс, вопросы специфического женского мироощущения коми литературоведом не затрагиваются.

Следует отметить работы В.Н. Демина: лирика А. Мишариной рассматривается им как отдельно, так и в контексте специфики развития жанровой системы всей коми поэзии в целом [4], лирика Г. Бутыревой – в аспекте жанрово-содержательной новизны творчества поэтессы, а также в контексте сопоставительного формально-содержательного анализа коми лирики 1960–1980-х и 1990-х гг. [5]. Исследователем написаны их творческие портреты в биобиблиографический словарь «Писатели Коми» (2001). Наблюдения В.Н. Демина продолжают и развивают мысль А.Е. Ванеева, формируя предпосылки возможного осмысления лирики авторов-женщин как специфического литературного явления: анализируя стихотворения А. Мишариной, исследователь выявляет их отличие от мужской поэзии того же периода в аспекте психологических особенностей характера лирической героини.

Весомый вклад в исследование коми женской поэзии внесла В.А. Латышева, которая не только отмечает отличительные особенности творчества первой крупной коми поэтессы в аспекте женского психологического восприятия мира, но и придает им особую ценность и значимость, так как, по утверждению исследовательницы, благодаря им происходит обновление коми поэзии того периода за счет наполнения ее новым содержанием и мироощущением [6, с. 46, 49]. В.А. Латышева не только характеризует художественное своеобразие лирики таких поэтесс, как Г. Бутырева, А. Ельцова, Н. Обрезкова, А. Елфимова, делая акцент на ритмико-интонационных и изобразительно-выразительных средствах их поэтического языка, но и стремится раскрыть выражаемый ими мир женской души. Особо следует отметить ее статью «Женская лирика коми» [7], которая представляет первую попытку в коми литературоведении представить коми женскую поэзию в ее авторском многообразии как значимое, видное художественное явление.

Особое место в современном коми литературоведении занимают работы, в которых коми женская лирика исследуется в контексте частных аспектов творчества поэтесс. Так, Т.Л. Кузнецовой особое внимание уделено особенностям антитезы в стихотворениях А. Ельцовой [8]; А.М. Семяшкиным исследован жанр элегии в творчестве А. Мишариной и А. Ельцовой, выявлены семантические различия стихотворений Г. Бутыревой, написанных на русском и коми языках [9]; Е.В. Ельцовой проанализированы особенности художественного освоения Г. Бутыревой таких японских жанров, как танка и хокку, написаны творческие портреты А. Мишариной и Г. Бутыревой в словарь школьника «Литература коми» (2007), кратко охарактеризована коми женская лирика в журнале «Карелия» [10].

Коми женская поэзия на рубеже XX–XXI вв. активно пополняется рядом талантливых и авторски самобытных имен, а потому данное литературное явление, безусловно, требует дальнейшего глубокого, целостного, разностороннего осмысления.

* Малева Анастасия Валерьевна (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, malana84@mail.ru.

Источники и литература

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Истоки и методы гендерных исследований. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/jarskaya_smirnova_b.htm
2. Ванеев А.Е. Время и коми поэзия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. С. 117–118; Ванеев А.Е. Паном сылан-кывъяс (Начатые песни) // Войвыв кодзув. 1977. № 8. С. 56–60.
3. Мартынов В. Томъяс петёны туйё (Молодые выходят в дорогу) // Войвыв кодзув. 1975. № 4. С. 59–62; Мартынов В.И. Мовпалё ас ногыс (Думает по-своему) // Войвыв кодзув. 1997. № 3. С. 45.
4. Демин В.Н. «Мне слова твои запали в душу...» (А. Мишарина) // На небе звезда...: Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 264–268; Демин В.Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. С. 177–179, 197, 200.
5. Демин В.Н. «Возведу Дом в самой себе...» (Г. Бутырева) // Демин В.Н. На небе звезда...: Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 268–272; Демин В.Н. Том поэзиялөн философия // Войвыв кодзув. 1994. № 4. С. 68–76.
6. Латышева В.А. Эм саридз менам – олём... (А. Мишарина) // Войвыв кодзув. 2005. № 10. С. 42–49.
7. Латышева В.А. Женская лирика коми // Латышева В.А. Классики и современники: Статьи о литературе. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. С. 114–133.
8. Кузнецова Т.Л. Ас визьён мунны-восьлавны... (А. Ельцовалён кывбуръяс йылысь) // Кузнецова Т.Л. Литература сёмман туйяс: гыжысь да кад (Статья чукор). Сыктывкар: «Эскём», 2003. С. 110–114.
9. Семяшкин А.М. Жанр элегии в современной коми поэзии // Проблемы жанровой поэтики коми литературы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2007. Вып. 65. С. 102–119; Семяшкин А.М. Особенности двуязычия творчества Г. Бутыревой // III Савинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2005. С. 182–185.
10. Ельцова Е.В. Трансформация жанров японской лирики (танка и хокку) в поэзии Г. Бутыревой и О. Уляшова // Проблемы жанровой поэтики коми литературы. Сыктывкар, 2007. С. 141–154 (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 65); Aljona Jeltsova Komien nyky-runoutta // Carelia. 2006. № 11. С. 130–133.

**СИМВОЛИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
ТРАГИКОМЕДИИ А. ПОПОВА «ВОЙ, КОДІ НЕКОР ЭЗ ВОВ»
(НОЧЬ, КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ БЫЛО)**

*Н.В. Горинова**

А. Попов начинает в русле традиционного для коми драматургии реалистического направления. Для первых его пьес «Мыйла и волісны» (Зачем и приезжали, 1993), «Мыйсяма йёз» (Что за люди, 1994) характерно стремление к жизнеподобию изображенного. Большой интерес вызывают последующие драмы – «Вой, кодї некор эз вов» (Ночь, которой никогда не было, 1994), «Туналём ордым» (Заколдованная тропа, 1997), «Йир-кап» (2001). В них автор отображает жизнь, прибегая к условным формам, что позволяет ему перейти на новый уровень художественного обобщения.

В трагикомедии А. Попова «Вой, кодї некор эз вов» значительной степенью условности обладает сценическое пространство. Место действия в пьесе – морг. Это не только и не столько место действия трагикомедии, но метафора, характеризующая кризисное общество постперестроечного времени. В центре внимания автора – современная молодежь, драматург подвергает художественному осмыслению нравственные ценности, жизненные позиции, нормы поведения поколения 1990-х гг. Изображенные А. Поповым в трагикомедии сцены удручают: студенты Павел и Олег устраиваются работать ночными сторожами в морг, страх перед мертвыми заставляет их прибегнуть к спиртному. Водка делает их храбрыми и самоуверенными, что позволяет Павлу и Олегу обманным путем привести в морг девушек Валентину и Ольгу. Начинается вечеринка – музыка, танцы, спиртные напитки. Несколько раз за ночь приезжает заведующий моргом Максим Васильевич – ему сообщают по телефону о громкой музыке в морге – но он никак не может остановить творящуюся в покойничьей бесовщину, пока не увольняет нерадивых сторожей. Игнорирование нравственных законов, несоблюдение социальных норм поведения, отсутствие разумности, полезности, порядка, стремление к беспечному образу жизни – именно такие характеристики дает автор персонажам трагикомедии, что выявляет крайне негативное отношение драматурга к современной молодежи. Выбор места действия пьесы «Вой, кодї некор эз вов», таким образом, определен стремлением автора обозначить свое понимание современной действительности, раскрыть ужасающие стороны современной жизни. Образ морга проецируется на современное общество, отвергающее моральные законы, всецело подчиненное своим материальным и плотским потребностям. Герои трагикомедии распивают спиртные напитки на работе, вступают в связь с замужними женщинами или изменяют мужьям, лгут, доводят людей до сумасшествия. По мнению драматурга, его современники – глубоко деморализованные люди, поэтому автор отождествляет их с мертвецами. Морг выступает моделью современного общества, полного людей, пренебрегших своим духовным развитием, ставших духовными мертвецами.

Морг в пьесе А. Попова представляет собой «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» [1, с. 313]. Возможно, отождествление современного морга с «загробным миром», например, Данте или Гомера, не лишено патетики, однако художественная концепция трагикомедии вполне оправдывает такие аналогии. Так, тема загробного мира получила широкое распространение в эпосе и волшебной сказке. Последняя генетически связана с обрядами инициации – ритуалами временного пребывания в ином мире, предшествующего повышению социального статуса и женитьбе героя. Очевидно, с той же символикой связаны и сюжеты эпопей – Одиссею необходимо посетить загробный мир, чтобы вернуться на родину, Энею – прежде чем обосноваться в Италии. Данте в аду и чистилище «Божественной комедии» испытывает ужас и сострадание, которые постепенно приводят его к очищению-катарсису. Персонажи А. Попова, помещенные в «мир мертвых», также проходят своеобразный обряд инициации. Подобно героям сказок и эпопей, герои трагикомедии в морге преисполнены страха, который должен привести их к «взрослению» (по сказке) или нравственному «очищению» (по эпосу). Еще одну аналогию можно провести между драматическим произведением А. Попова и романом Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Как известно, основу романа составляет евангельский сюжет о Лазаре, который после своей смерти три дня пребывал в гробу, и на четвертый день был воскрешен Христом. Проецируя метафору Раскольникова на болезнь и временную смерть Лазаря, Ф. Достоевский дает новое прочтение Евангелия: Раскольников – «житель подполья, комнаты-гроба, которые сами по себе – пространства смерти, – должен, «смертию смерть поправ», пройти через мертвый дом, чтобы воскреснуть и возродиться» [1, с. 314]. Персонажи трагикомедии А. Попова, подобно герою классика, побывав в мертвом доме, имели возможность нравственно воскреснуть, стать духовно богаче, пересмотреть свои жизненные позиции. Зритель видит некоторые

* Горинова Наталья Васильевна (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ngorinova@mail.ru.

изменения, происшедшие в персонажах. Павел, узнав о том, что Валентина замужем и готова изменить мужу, сердится и выгоняет ее и Ольгу из морга. Павел и Олег, сжалившись над Клавди пѳч, чей внук умер и на данный момент находится в морге, стремятся помочь в организации его похорон. Валентина, не любящая своего мужа и изменяющая ему, узнав, что и ее муж умер и в данный момент находится в морге, сразу возвращается туда. Смерть мужа отрезвила ее, дала возможность осознать происходящее. Проведя ночь в морге, каждый из персонажей, можно сказать, должен умереть и выйти из морга другим, духовно обновленным и понимающим чувства других людей. Морг, по замыслу автора, должен оказаться своего рода «чистилищем», чтобы изменить персонажей драмы. Однако этого не происходит. Валентина в конце пьесы вновь забывает о своем муже, Олег и Павел отказывают в помощи Клавди пѳч. Видимо, все они будут вести прежний образ жизни. Автор на протяжении всей пьесы не меняет места действия, поэтому образ морга воспринимается как модель всего мира – люди в нем остаются духовно мертвыми, хотя и принимают уроки судьбы, которые должны были бы изменить их.

В произведении А. Попова характеры персонажей схематичны, речи персонажей не индивидуализированы, конфликт к концу пьесы теряет свою остроту, но благодаря условным компонентам пьесы, символике художественного пространства трагикомедии, она приобретает обобщающий смысл. Идею произведения помогают раскрыть не классические законы драматургии, а условный, ассоциативный план пьесы. Аллегоричность, ассоциативность доминируют в трагикомедии А. Попова над драматургическим действием, благодаря чему автор может дать более полную характеристику происходящим в современном мире явлениям.

Источники и литература

Лотман Ю.М. Символические пространства // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2001. С. 297–335.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ИХ РОЛЬ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРЕН*

*И.Л. Жеребцов, В.А. Семенов, Б.Р. Колегов***

Рассматривая историю и культуру Российского Севера и конкретно Коми края в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях, нельзя пройти мимо деятельности Общества изучения Коми края и персонально одного из его организаторов и руководителей Алексея Николаевича Грена.

Создание Автономной области Коми вызвало всплеск общественного интереса к национальной культуре и истории народа коми. Крупный вклад в развитие научно-исследовательской, культурно-просветительской и образовательной деятельности внесли Коми институт народного образования, открытый в 1921 г., и Общество изучения Коми края, организованное в 1922 г. [1–3]. Одним из преподавателей КИНО, членов-учредителей и председателем ОИКК стал А.Н. Грен.

Алексей Николаевич Грен родился 5 декабря 1862 г. в Екатеринбурге в дворянской семье [4; 5]. В 1885 г. завершил обучение на факультете восточных языков, а в 1886 г. на естественно-историческом факультете Санкт-Петербургского университета. В последующее время работал на Кавказе, Украине [4, с. 57–58; 5–8], опубликовал первые научные работы [9–11 и др.]. В 1886 г. командирован Академией наук в Мингрелию для составления мингрельского алфавита. Как следует из автобиографии, А.Н. Грен, будучи инспектором народных училищ Тифлисской губернии, а затем Терской области, составил сванетский алфавит, написал сравнительную грамматику картвельских наречий и записал до 4000 народных произведений кавказских народов [8, с. 105–106]. В предреволюционные годы А.Н. Грен преподавал историю в различных учебных заведениях Петрограда и Москвы, на общеобразовательных Черняевских курсах читал лекции по истории, антропологии, истории педагогики и дидактике, несколько раз побывал за границей (в Западной Европе и на Востоке) [8, с. 106].

В 1917–1918 гг. ситуация в Петрограде складывалась весьма сложная, тем более для дворянина. Многие представители интеллигенции покидали столицу. А.Н. Грен выбрал Вологду. В сентябре 1918 г. совет Вологодского педагогического института избрал его на должность лектора по нескольким гуманитарным дисциплинам. В период работы в Вологде А.Н. Грену удалось совершить экспедиции в Коми край и на Кавказ. В декабре 1921 г. А.Н. Грен подал заявление с просьбой об освобождении с педагогической деятельности, мотивируя это назначением профессором грузинского языка в Институте живых восточных языков в Москве. Заявление было удовлетворено [8, с. 106–107]. Однако в начале 1922 г. он вместо столицы появился в Усть-Сысольске в качестве лектора Коми института народного образования. 15 января 1922 г. известный коми журналист и работник образования А.А. Чеусов в заметке «Новый научный работник К.И.Н.О.», опубликованной в газете «Югыд туй», сообщил: «Педагогический институт гор. Устьсысольска усилен квалифицированным работником б.приват-доцентом А.Н. Греном. Любитель археологии, филолог, историк, социолог, знакомый со сравнительной грамматикой, знаток санскрита недавно предложил свои услуги К.И.Н.О. В последнее время работал в Вологодском институте Н[ародного]О[бразования]. В Зырянском краю был в 1919 году. Экспедиция 1922 года и систематическая работа по архивным раскопкам будет иметь двух специалистов (2-й А.С. Сидоров)» [12].

Вскоре после появления А.Н. Грена в Усть-Сысольске и было создано Общество изучения Коми края (ОИКК). А.Н. Грен активно включился в местную научную жизнь. Уже 15 апреля 1922 г. Коми областной

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Семёнов Виктор Анатольевич (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина; Колегов Борис Рудольфович (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

комитет просвещения сообщал, что в Коми ИНО «имеется научно-исследовательский подотдел для изучения и культуры Коми под временным руководством преподавателя ИНО Молодцова и бывшего профессора Киевского университета Грена» [13]. Летом 1922 г. Коми областной комитет просвещения выделил А.Н. Грену субсидию в размере 40 миллионов рублей и десять пудов хлеба для перевозки из Вологды в Усть-Сысольск большой библиотеки, насчитывающей до пяти тысяч томов.

ОИКК планировало осуществлять научные командировки и экспедиции, устраивать лаборатории, опытные станции, обсерватории, проводить экскурсии, читать лекции, организовать выставки, печатать краеведческие труды, заслушивать доклады на своих собраниях, создать научную библиотеку. Видное место в научной работе занимали историко-филологические исследования, и, в частности, историческая демография; ряд работ историко-демографической и этнодемографической направленности отмечен современными специалистами [14–16]. Деятельность А.Н. Грена в Коми получила известность в основном как финно-угроведа: лингвиста и этнографа. С его именем связана и одна из интереснейших страниц в истории «языкового строительства» 1920-х гг. В 1924 г. А.Н. Грен стал инициатором дискуссии по проблемам коми алфавита, выдвинув идею его латинизации [17; 18].

Сфера научных интересов А.Н. Грена в Коми АО не ограничивалась лингвистикой. Ему было поручено возглавить антропологическую секцию ОИКК, сочетая руководство этой секцией с археологическими исследованиями (он входил и в состав археологической секции ОИКК). В 1924 г. А.Н. Грен еще раз побывал на стоянке у дер. Ванвиздино. Кроме того, он проводил раскопки на городище Карыбйыв, могильниках Клянйш-ласта и Джибъяг на р. Вычегде.

Большой интерес вызвала работа А.Н. Грена «Зырянская мифология» [19]. В ней автор привел много сведений о верованиях коми, мифологии и т.д. Некоторые фольклорные сюжеты ученый освещал на страницах московского журнала «Молодой Восток» и усть-сысольской газеты «Югид туй» («Култ солнца у зырян», «Шева (рассказ из зырянского быта)» и др.). Нельзя, однако, не отметить, что А.Н. Грен, к сожалению, не указывал источники, из которых черпал свою информацию. Дохристианские верования коми А.Н. Грен рассмотрел в сравнении с уже известными ему верованиями кавказских народов и пришел к выводу о заимствовании божеств коми из иранского пантеона. Эти заключения вытекают из теории о Северном Кавказе как прародине коми, которая не разделяется современными учеными [20–22].

Несколько лет, проведенных А.Н. Греном в Усть-Сысольске, были посвящены углубленному изучению целого ряда актуальных для того времени проблем коми языкознания и этнографии. Он стал одним из первых специалистов, кто еще в начале 1920-х гг. осознал необходимость объединения разрозненных и стихийно проводимых в стране исследований в области финно-угроведения в самостоятельное и цельное направление. В качестве важнейшего условия для этого А.Н. Грен рассматривал необходимость открытия специальной кафедры (или факультета) при одном из центральных вузов для проведения систематических и планомерных исследований и подготовки научных кадров. Готовя в 1924 г. обоснование по этому вопросу в Наркомпрос, он писал: «Существует такая семья языков, которая имеет за собой массы населения России, которая оказала огромное влияние на русский язык и русскую культуру, к которой принадлежат многие из наших соседей, и между тем в наших университетах нигде не имеется посвященных ей кафедр. Это угро-финская семья языков. И эта семья языков, имея представителей – профессоров в Венгрии и Финляндии, совершенно не изучается. Мало того, после смерти академика Видемана нет ни одного представителя финнологии в Российской академии наук. Чем это объясняется? А тем, что такие старые финнологи, как Видеман, Алоквист, Кастрен, а в старое время Клапорт, давно уже лежат в могиле, а новых финнологов нет, так как этот предмет нигде у нас не читается, кроме Усть-Сысольска. Угро-финнология не читается ни в одном из русских университетов. Их, как оказывается, опередил Усть-Сысольск» [8, с. 114].

А.Н. Грен не остался в стороне и от обсуждения острых общественно-политических проблем, связанных с перспективами создания в 1920-х гг. Северо-Восточной области с центром в Архангельске и вхождения в ее состав Коми области. А.Н. Грен, Д.А. Батиев, А.А. Чеусов, А.М. Мартюшев и другие члены ОИКК высказали отрицательное отношение к этому плану, считая, что присоединение к Архангельску будет означать постепенное уничтожение Коми автономии [23].

Ведущую роль А.Н. Грена в организации краеведческих исследований в Коми АО отметил журнал «Известия Центрального бюро краеведения»: «Крупная организационная работа проделана в Обществе изучения Коми края, где началась интересная исследовательская работа. По инициативе Грена затронуты многочисленные вопросы истории края и народа коми, его фольклора, археологии, экономики...» [24].

В первом коми вузе, Коми институте народного образования (впрочем, преобразованного вскоре в Практический институт народного образования, т.е. учебное заведение рангом ниже, а затем и вовсе в Педагогический техникум повышенного типа), А.Н. Грен не ограничивался преподавательской деятельностью. Ему, вероятно, нравилось работать со студентами, заниматься, так сказать, «внеклассной работой» со студентами,

весьма разными по своему составу. Вот что писала газета «Югд туй» 8 сентября 1923 г. о студентах этого института: «Прежде чем говорить о работе, необходимо сказать несколько слов о составе студенчества. В начале учебного года из свыше 200 учащихся было членов РКП(б) 3 человека, РКСМ около 6 человек. В конце учебного года из числа членов РКП(б) остался один, а число членов РКСМ прибавилось до 14 человек. Наиболее активная часть бесплатных студентов в начале состояла из детей духовенства и зажиточных слоев. Эта часть объединилась в «кружок самообразования», доступ в который ими был ограничен. Группа стремилась подчинить своему влиянию все студенчество, и с этой целью организовала так называемый «Студком».

В ноябре месяце принялась за работу организовывавшаяся ячейка РКСМ, и в первую очередь решила организовать школьный клуб. При этом произошло столкновение с «аристократической группой» с Студком во главе, желавшей влить его в «кружок самообразования» и таким образом подчинить его своему влиянию. Школьный клуб был открыт; с помощью лекторов организовал различные кружки и в конце первого полугодия начал работу. Для наиболее плодотворной работы кружков было решено пригласить лекторов в качестве руководителей. Лектора изъявили свое согласие, несмотря на то, что их работа в кружках не оплачивалась.

Наиболее активным был театральный кружок, который распался на две труппы: Зырянскую и русскую. Зырянская труппа, руководимая лектором Л.С. Куратовым, устроила около 8 спектаклей, и русская, руководимая А.Н. Греном, – около 5 спектаклей. Записавшихся членов было свыше 70, но активно работали только около 20.

Этнографический кружок, работавший под руководством лектора А.С. Сидорова, ставил своей задачей изучение народа Коми. Собрания происходили один раз в неделю. Доклады читались самими слушателями. Естественноисторический кружок работал под руководством лектора И.В. Попова. Было несколько докладов (иногда с демонстрированием туманных картин). Педагогический кружок руководился лектором Н.А. Цивилевым. Было несколько собраний, на которых разбирались Жан Жак Руссо и другие выдающиеся педагоги прошлого.

Литературно-художественный кружок руководился лектором Л.С. Куратовым. Собрание было одно, на котором разбирали А.П. Чехова, и затем устраивали посвященный ему вечер. В кружке по изучению коми языка, руководимым лектором В.А. Молодцовым, читались доклады на разные темы. Были еще намечены кружки общественно-исторический и физкультурный, но за неимением руководителей не работали. Был организован коми хор под руководством лектора И.В. Оплеснина и духовный оркестр под его же руководством. Устраивался коми быт. Клубом также издавался рукописный журнал «Вестник ИНО».

Правление ИНО пошло навстречу клубу и отвело зал для сцен и помещение для читальни клуба. Литература для читальни отпускалась Агитпропом. Студенты откликались и на общественные события. На лето каждому студенту давалось задание с одной стороны вести работу среди населения, и с другой стороны – собирать материал по краеведению» [25].

А вот что писал сам А.Н. Грен в той же газете 26 ноября 1924 г.: «В нашем Педтехникуме повышенного типа были учреждены на всех курсах дневники, в которых учащиеся должны были писать свои впечатления о лекциях и преподавателях в следствии за тем была на днях назначена конференция, во время которой педагогов буквально усадили на скамью подсудимых, стали указывать им на их недостатки и в присутствии всей массы студентов заставляли их оправдываться. Правда, тут же говорилось и о недостатках слушателей, но во всяком случае получилась не совсем педагогическая картина. Оказалось, что большинство дневников страдают субъективностью и при действительно ценных указаниях была масса всяких глупостей. Особенно досталось антирелигиозной пропаганде, которая, по-видимому, не была по вкусу многим студентам. Все это оказало очень неправильное влияние и на преподавателей, из которых некоторые даже помышляют оставить Педтехникум, да и на самих студентов, заявляющих в своей «Стенной газете», что не худо бы было воздержаться от дневников из опасения опустошить весь корпус преподавателей. Правда, на конференции было постановлено вести эти дневники каким-то таинственным способом и по возможности реже беречь раны преподавателям, но при такой постановке дела неизбежно создается пропасть не только между лекторами и студентами, но и между самими лекторами. Тут нужно, что-то более радикальное» [26].

Между прочим, А.Н. Грен откликнулся в печати и на иные события местной жизни. Так, 8 июля 1925 г. появилась его заметка в газете «Югд туй» под названием «Гуляние на Белом бору», нарисовавшая малопривлекательную картину одного задуманного с благой целью мероприятия: «5 июля наконец состоялось давно ожидаемое гуляние на Белом Бору. Оно было посвящено изысканию средств в пользу туберкулезного диспансера. Нельзя не согласиться, что гуляние было совершено не организовано. Между прочим, даже не поставлены палатки для сцены, которая, кстати сказать, не состоялась, т.к. режиссер вместо своего дела занялся буфетом и там вел культработу, выразившуюся в аукционе винных бутылок. Гуляние обернулось в грандиозный пьяный лагерь, причем дело не обошлось без драк и несчастий, так как повара Обздара обварила себе ноги кипятком. Но всего культурнее была посадка на пароходы. Пьяная публика буквально чуть не сбивала друг друга в воду, так что несколько женщин и детей чуть-чуть не утонули. Многих лиц, мертвецки пьяных, внесли на последний

пароход, другие так и остались ночевать на месте. Хуже всего было то, что публика, убегая на последний пароход, совсем не затушила костров, могущих породить пожары» [27].

Несколько дней спустя А.Н. Грен выступил с докладами по музееведению и на тему «Шумеры и Кавказ в деле угро-финноведения» на 1-й Коми областной краеведческой конференции. 26 июля 1925 г. газета «Югд туй» опубликовала последнюю его заметку «Еще о ходе Суханова», своего рода прощальное напутствие коллегам-краоведам: «По словам одного из руководителей над уличными работами, тов. Турьева, при раскопке рабочими подземного хода Суханова был обнаружен вполне сохранившийся свод со столбами-подпорками, так что, очевидно, этот остаток древности вполне доступен исследованиям и следует пожелать, чтобы общество истории Коми края занялось этим» [28].

Вскоре после этого А.Н. Грен уволился из педтехникума повышенного типа и уехал из Коми области. Видимо, одной из причин стала неудовлетворенность своей работой в педтехникуме. Для многих его быстрый отъезд стал неожиданностью, коллеги даже не знали, куда он выехал. Заведующий педтехникумом А.Ф. Богданов в сентябре 1925 г. сказал на педсовете: «Уход А.Н. Грена не знаю как охарактеризовать... Очевидно, его уход вызван более лучшим и обеспечивающим его предложением» [29].

Видимо, из Усть-Сысольска А.Н. Грен уехал в Пермь. С Обществом изучения Коми края А.Н. Грен, по видимому, продолжал поддерживать отношения. Во всяком случае, в 1929 г. в «Записках» ОИКК была опубликована его драма «Иркаб. Драматические сцены из зырянского былинного эпоса» [30]. Из Перми А.Н. Грен, скорее всего, уехал на юг – возможно, в Кубанский пединститут, в начале 1930-х жил и работал в Сухуме, где и скончался [31]. На последние годы его жизни пришлось охлаждение отношения властей к краеведению, особенно в национальных районах. В полной мере испытали это на себе деятели созданного А.Н. Греном Общества изучения Коми края. В 1931 г. они вынуждены были объявить о роспуске общества, в последующие годы подвергались острой и незаслуженной критике, причем зачастую со стороны своих же бывших коллег. Так, один из членов ОИКК Г.А. Старцев в 1930-х гг. вписал в один из своих докладов такие слова: «...в борьбе с прямыми буржуями и крепостниками и остатками эсеровщины (Батиев, Чеусов, Мартюшев, Грен и др.) большевики строят автономную область Коми». Почти все активисты ОИКК были репрессированы [32].

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар, 2006. 136 с.
2. Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. С. 67–72.
3. «Золотой век» коми краеведения // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 3–71.
4. Ошуркова Р.А. Грен Алексей Николаевич // Профессора Пермского государственного университета. Пермь, 2001. С. 57–58.
5. Кузнецов И.В. Генеалогии и конфигурации местной науки // «Войны памяти или примирение с прошлым». Состояние экспертизы по актуальным и спорным проблемам этнической истории и культуры населения Южного федерального округа. Краснодар, 2013. С. 182–208.
6. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Стоявшие у истоков. Сыктывкар, 2005. 108 с.
7. Данилов А.В., Фоменко В.А. Исследователь Алексей Николаевич Грен и его археологические разведки и раскопки на Кавказских Минеральных Водах в 1902 г. // Археология и этнология Северного Кавказа. 2015. № 4. С. 46–56.
8. Попов А.А. Лингвист и этнограф Зырянского края, основатель общества по его изучению // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 105–114.
9. Грен А.Н. Албания греков и Агвания армянских авторов // Кавказ. 1886. № 15.
10. Грен А.Н. Учебник истории Древнего Востока. Киев, 1898.
11. Грен А.Н. Чеченские тексты, записанные и переведенные под моим руководством Ибрагимом Магомаевым, из аула Гехи. А. Тексты в подлиннике. В. Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе. С. Лингвистические заметки. [Тифлис, 1897]. 26 с.
12. Югд туй. 1922. 15 января.
13. Они любили край родной. Сыктывкар. 1993. С. 107.
14. Жеребцов И.Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар, 1999. С. 4–13.
15. Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в эпоху феодализма. Сыктывкар, 1989.
16. Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
17. Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. Сыктывкар, 1996.
18. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2.
19. Грен А.Н. Зырянская мифология // Коми му. 1924. № 4–5, 7–10; 1925. № 1.
20. Мифология коми. М., 1999.
21. Шарапов В.Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрографический сборник. М., 2001. С. 297–306.

22. Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001. С. 147–168.
23. Грен А.Н. Что знает архангельский Обплан о северо-восточных «инородцах» // Коми му. 1925. № 2.
24. Известия Центрального бюро краеведения. 1925. № 1.
25. Югид туй. 1923. 8 сентября.
26. Югид туй. 1924. 26 ноября.
27. Югид туй. 1925. 8 июля.
28. Югид туй. 1925. 26 июля.
29. Жеребцов И.Л., Попов А.А. А.Н.Грен и Общество изучения Коми края. Сыктывкар, 2016. С. 22.
30. Грен А.Н. Иркаб. Драматические сцены из зырянского былинного эпоса // Записки Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. Вып. 2.
31. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.–Л., 1962. Вып. 3. С. 222.
32. Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар, 2006. 242 с.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В КОМИ АВТОНОМИИ В 1920–1930-е ГОДЫ*

*О.В. Золотарев***

Коммунистическая партия, пришедшая к власти в России в 1917 г., одно из важнейших мест в просвещении народных масс отводила культурно-просветительной работе. Её развитию в массах весьма способствовало то обстоятельство, что после Октябрьской революции потребность населения получить образование вне школьной системы чрезвычайно возросла. Именно поэтому В.И. Ленин требовал усиления просветительной работы.

Как центральные, так и местные партийные структуры уделяли данному вопросу огромное значение. Об этом свидетельствуют многочисленные партийные документы, направленные на активизацию процесса культурного просвещения масс. Вопросы культурно-массовой работы коммунистических ячеек на местах всегда занимали немалое место в повестке дня всех съездов партии, проходивших в 1920–1930-е гг. При этом особое внимание уделялось развертыванию культурной работы на национальных окраинах, к коим и относился Коми край.

Помимо национальной специфики, особенностью Коми автономии в ведении просветительной работы было и то, что подавляющее большинство населения составляло крестьянство. Поэтому с самого начала образования у коми партийных ячеек стояла задача проведения интенсивной просветительной работы в деревне. Местные власти прекрасно понимали важность культурной работы. Они подчеркивали, что в крае «необходимо развивать... национальные просветительские учреждения... поднять культурный уровень зырянской массы» [1].

Реализации данных целей отводилось немалое место в деятельности местных партийных ячеек. Уже во временном Уставе Усть-Сысольского укома РКП(б) обращалось внимание коммунистов на необходимость культурно-просветительной работы. Аналогичные требования содержались и в Уставе Печорского укома партии. Первоначально эти требования стали реализовываться посредством работы клубов коммунистов. Они стали возникать уже в 1918 г., почти сразу же после возникновения большевистских ячеек. В Усть-Сысольске был открыт клуб коммунистов «Звезда», в котором объединялась практически вся просоветски настроенная часть городской общественности. В правление клуба входили представители от Компартии, комсомола и красноармейцев. Клуб вел активную культурно-просветительную работу: организовывал лекции и доклады, спектакли, проводились систематические читки газет и т.д. При клубе была организована школа грамотности, библиотека, работала музыкальная школа, театральная группа, школа политграмоты. Деятельность его не ограничивалась городом – многие мероприятия проводились с выездом в деревню. Деятельность клуба была очень продуктивной. Он приобрел немалый авторитет среди населения Усть-Сысольска и ближайших сел. Мероприятия клуба охотно посещались. Например, в 1922 г. за 60 вечеров клуб посетило свыше 17 тыс. чел., в среднем 272 чел. за вечер, что составляло 90% от вместимости клубного помещения [2].

В дальнейшем по инициативе местных партийных организаций значительную культурно-просветительную работу проводили народные дома, библиотеки, клубы. Особенно активной в этом плане была Усть-Сысольская парторганизация. Она организовала клубы «Красная звезда», «Юный коммунар», вела работу в близлежащих селах Кируль, Кочпон, Чит, где были созданы клубы-читальни. К концу 1919 г. в уезде действовало 35 культурно-просветительских обществ, 10 народных домов, 35 изб-читален и т.д. [3].

Дабы активизировать эту работу, Первая (1918 г.) и Вторая (1919 г.) конференции коммунистов Усть-Сысольского уезда наметили целый ряд мер, сделав ударение на работе среди крестьянства и потребовали от партийцев улучшения использования периодической печати, связи культурной работы с жизнью населения края. Уездная партконференция в 1921 г. постановила «открыть во всех волостных центрах и деревнях или народные дома, или избы-читальни». Особое значение партийные структуры автономии придавали клубной работе. На места был разослан примерный устав клуба. В нем указывалось, что основная цель клуба «заключается в поднятии уровня сознательности и в уяснении смысла событий государственного характера, основ социалистического строительства и развитие эстетического воспитания». Работа велась совместно с ячейка-

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Золотарев Олег Васильевич** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, зав. кафедрой Сыктывкарского государственного университета.

ми РКСМ. Принятые меры дали определенные результаты. Сеть просветительских учреждений значительно увеличилась: был образован ряд кружков, агитационно-художественная бригада, улучшилось снабжение литературой. В 1921 г. в автономии уже действовало почти 100 клубов и народных домов, Коми областной дом крестьянина, множество красных уголков и т.д. [4].

Подобные действия предпринимались парторганизациями и в других уездах. Много клубов коммунистов было организовано деревенскими ячейками. Так, в октябре 1918 г. Маджская волостная ячейка РКП (б) постановила: «открыть клуб, национализировав дом гражданина Павла Константиновича Елфимова...отапливать клуб всем, обязав каждого домохозяина привезти полвоза дров. В назначенный клуб перевести политическую и бывшую народную библиотеку». Во многих селах организовывались кружки. Основными целями работы кружков были – «содействовать культурному и духовному развитию местного трудового народа». Партийные ячейки пытались привлечь в кружки «всю местную интеллигенцию и всех лиц, сочувствующих этому важному делу». Кружки, как и клубы, организовывали спектакли, празднования знаменательных дат и т.п. [5].

Создан был культурно-просветительский кружок и в Объячево. Он ставил своей целью – способствовать «поднятию культурного уровня трудового народа». Для этого предполагалось устраивать спектакли, лекции, пропагандировать идеи социализма, «дабы темная масса деревни, поняв значение Октябрьской революции и её завоевания, перешла в лагерь творчества новой жизни». При этом следовало привлекать к работе силы из «среды местного населения», что должно было способствовать «развитию уважения и любви к своим национально-культурным ценностям». Средства для функционирования кружка должны были состояться из членских взносов, процентных отчислений кооперативов, пожертвований и благотворительных спектаклей. Подобные кружки были созданы и в Кируле, Усть-Ухте, Помоздино, Тентюково и других деревнях области. В Сторожевске в доме бывшего купца Латкина был открыт клуб. Нередко деятельность клубов и кружков была весьма эффективна. Например, молодежь Кируля объединила все население вокруг клуба «заряжая его советским духом». Сеть культурно-просветительских учреждений в иных уездах мало чем уступала подобной сети в центральном, Усть-Сысольском. Например, в Усть-Куломском уезде в начале 1920-х гг. функционировало два клуба («Заря» и «Звезда»), 10 народных, 11 изб-читален, пять библиотек [6].

Созданию клубов и кружков отводили немало места в просветительской работе центральные властные структуры, в частности, руководители Наркомпроса. Сеть клубов и кружков резко возросла, несмотря на определенные материальные трудности, после выхода в свет в 1922 г. постановления ЦК РКП (б) «Об усилении клубной работы». Вопрос о развитии клубов рассматривался в 1922 г. и Коми обкомом партии. Интересно, что клубы возникали как по инициативе партийных и комсомольских ячеек, так и наиболее активной части коми крестьянства. Особенно привлекало крестьян то обстоятельство, что при клубах существовала развитая кружковая сеть. Среди них были кружки политграмоты, драматические, антирелигиозные и т.д. Число членов в клубах и кружках было весьма велико. Особенно это касалось кружков, созданных по профессиональному принципу. В некоторых клубах и кружках число участников превышало 60 чел. В 1925 г. только членов партии в кружках и клубах состояло свыше 1100 чел. (80% членов Коми парторганизации). А всего, например, в кружках политграмоты занималось в середине 1920-х гг. свыше 4 тыс. чел. [7].

Весьма активно способствовал созданию клубов и кружков и коми комсомол. На развитие культурно-просветительской деятельности ячеек союза молодежи нацеливали решения его центральных органов. Уже I съезд комсомола (1918 г.) указал, что считает активной работу в культурной сфере «одной из важнейших задач РКСМ». Руководствуясь решениями как I, так и II съезда РКСМ (1919 г.), призвавшего активизировать просветительскую работу, особенно в деревне, комсомольцы Коми края объявили просветительскую работу «самой боевой» работой членов союза молодежи, причем она должна была вестись «всеми членами организации без различия». Данная работа должна была «быть широко поставлена и развита в пределах возможности в каждой организации». На развитие культурно-просветительской деятельности комсомола были направлены и решения III съезда РКСМ. В Коми крае комсомол весьма активно включился в культурно-просветительскую работу. Причем нередко инициатива исходила от рядовых комсомольцев. Они организовывали различного рода кружки, клубы, беспартийные конференции, спектакли, вечера, участвовали в агитационных кампаниях. Значительное место в просвещении среди молодежи занимали школьные клубы. Они начали создаваться учащейся молодежью еще осенью 1918 г. Школьные клубы служили местом отдыха, давали помещения для работы различных кружков и т.п. Областные съезды комсомола признавали, что работа среди учащихся ведется почти исключительно через школьные клубы и кружки, что институт школьных клубов оправдал себя и призывали создать их при всех школах, реорганизовав в «духе комсомола». Правда, работа школьных клубов шла в непростых условиях, их деятельности весьма мешали проводимые в школах занятия, ухудшавшееся во времена НЭПа материальное положение школ и т.п.

Создаваемые повсеместно коммунистами и комсомольцами культурно-просветительные общества и кружки ставили себе задачи просвещения коми народа, поднятия его духовного и умственного развития путем устройства изб-читален, библиотек, спектаклей, выставок и т.д.

Начала в этот период свою деятельность и национально-культурная общественная организация коми народа – «Коми котыр». Создана она была в июне 1918 г. В руководство «Коми котыр» входили А.С. Сидоров, Д.А. Батиев, Н.И. Седьяков и др. В программе общества содержались положения о национальном самоопределении коми народа, но главное место было уделено вопросам развития коми национальной культуры посредством активного проведения культурно-просветительной работы. Но из-за начала гражданской войны общество так и не смогло развернуть свою деятельность [8].

Было положено начало в 1920-е гг. и спортивной работе в крае. В марте 1920 г. в Усть-Сысольске был организован образцовый военно-спортивный клуб «Заря». Он действовал при отделе всеобщего военного обучения. Клуб организовывал соревнования, проводил агитпоходы. Благодаря стараниям членов клуба «Заря», было положено начало футболу в Коми крае. Вскоре подобные спортивные клубы появились и в других населенных пунктах: Нёбдино, Визинге и др. В мае 1922 г. силами энтузиастов физкультурного движения была проведена Первая Коми областная олимпиада, в которой приняло участие почти 200 спортсменов. Затем последовали соревнования по лыжным гонкам, легкой атлетике, стрелковому спорту, баскетболу и т.д. Большой размах приобрели шахматные кружки. А в августе 1923 г. был утвержден и состав Совета физической культуры при Коми облисполкоме. Он много сделал для развития физкультурного дела в области. Именно благодаря инициативе Совета физической культуры началось строительство первого в автономии стадиона с футбольным полем и беговой дорожкой [9].

Конечно, развертыванию культурно-просветительной работы серьезно мешал ряд сложностей. В период гражданской войны это было, прежде всего, нехватка средств и квалифицированных работников. Внешкольный подотдел Усть-Сысольского УОНО в одном из отчетов отмечал, что в течение 1918 г. подотдел получил всего 1800 рублей, что, конечно, не могло обеспечить маломальское удовлетворение своих нужд. Помимо материальных проблем, отмечалось, что работе подотдела проходила в условиях частой смены заведующих и полном отсутствии инструкторов, что «безусловно, еще более неблагоприятно отражалось на деле». В результате подотдел не имел «достаточных сил и средств для строго планомерного развития дела внешкольного образования и удовлетворения всех запросов деревни» [10]. Подобная же ситуация с культурно-просветительной работой складывалась и в других уездах Коми края.

Казалось бы, с окончанием гражданской войны положение должно было выправиться. Однако новая экономическая политика не улучшила материального положения учреждений культуры, несмотря на определенное оздоровление экономики. Дело в том, что радикальным образом изменилась государственная финансовая политика. Была проведена денежная реформа, в оборот ввели твердую денежную единицу – червонец. Денежная реформа показала, что правительство постепенно овладевает механизмами управления экономикой. Вместе с тем ввод рыночных рычагов регулирования заставил власти, продолжая денежную реформу, проводить ортодоксальную финансовую политику, которая выражалась в формировании сбалансированного бюджета. При этом основой подобных действий стало осторожное расходование бюджетных средств. Несмотря на всю полезность подобной политики для улучшения ситуации в сфере экономики и финансов, при этом были значительно урезаны все расходы на социальные нужды, что самым отрицательным образом сказалось на культурно-просветительной работе. И если в целом годы НЭПа вследствие некоторого ослабления политического контроля можно охарактеризовать как период интеллектуального расцвета: продолжались творческие эксперименты в поэзии, живописи и т.п., увеличилось число издаваемых книг и т.д., то общее положение в просвещении масс стало критическим. Нехватка средств, перевод учреждений просвещения на скудный местный бюджет привели к закрытию значительной части организаций культуры.

Конечно, снижение финансирования нужд просвещения в период НЭПа было неизбежной социальной платой за реформы – ведь для стабилизации расстроенной финансовой системы власти были вынуждены пойти на значительное сокращение государственных расходов. Однако надо сказать и о некоторых упущенных возможностях хотя бы для определенного смягчения того финансового удара, что обрушился на учреждения культуры. В частности, имелись возможности для использования дополнительных источников финансирования культуры, особенно на местах (например, введение дополнительных налогов на просвещенческие нужды на крупные промышленные предприятия, самообложение крестьянских хозяйств и т.п. – подобные методы использовались, но не столь широко, как это было возможно). Однако в ряде регионов эти источники финансирования были очень ограничены. Например, Коми автономная область, лишенная в то время крупных промышленных предприятий, с неразвитой системой сельского хозяйства, а, значит, не имеющая крупных поступлений в местный бюджет, в значительной степени страдала от подобной финансовой политики. После введения НЭПа, в период 1921–1925 гг., положение просвещения в Коми области (как и в других ре-

гионах) особенно ухудшилось. Просветительские учреждения стали получать гораздо меньше средств, чем ранее. Не были заинтересованы в помощи просвещению и промышленные предприятия Коми области, также перешедшие на хозрасчет. Хотя факты подобного сотрудничества власти и промышленных структур и имели место. Например, Усть-Сысольская горэлектростанция взяла шефство над Нардомом: провела электричество для показа кино, оборудовала освещение сцены и т.п. Однако, пытаясь изыскать средства для ведения просветительской работы, власти довольно цинично при этом заявляли: «средства можно взять с кого угодно, но идейное руководство передать никому нельзя». Но такие случаи были скорее исключением, чем правилом. Кроме того, значительно уменьшилась помощь Коми области от центральных органов власти. Организации просвещения хронически недополучали необходимые средства из центра, которых к тому же выделялось крайне недостаточно [11].

Выделяемых средств не доставало на покрытие самых насущных нужд учреждений Наркомпроса. Нехватка финансовых и материальных ресурсов привела к настоящему кризису просветительского дела в стране. Глава Наркомпроса А.В. Луначарский признавал, что с 1921 г. развитие народного просвещения «пошло на убыль в результате голода и спешного перевода... на местные средства» [12].

В результате финансового кризиса речь уже не шла об открытии новых просветительских учреждений. Наоборот, их сеть сокращалась. Так, если в 1922 г. в области действовало 48 нардомов, то в 1923 г. – 28, а в 1924 г. – только 20 [13]. Примерно так же сократилась сеть и других культурно-просветительских учреждений. Только к 1925 г. сеть культурно-просветительских учреждений стабилизировалась, а затем и стала увеличиваться.

Впрочем, культурной работе не способствовали и иные недостатки в ее организации. В частности, власти признавали, что нередко она носит формальный характер. Например, в одном из отчетов указывалось: «Клубная работа по всей области развита слабо, в уездах их почти нет, в областном центре существует один общественный объединенный профклуб». При этом содержание работы культурно-просветительских учреждений признавалось «слабым». Многие клубы, особенно в деревнях, существовали только на бумаге. Некоторые кружки действовали всего неделю, проведя по одному занятию. Подобное состояние культурно-просветительской работы порой вело к «неудовлетворительному отношению населения» к этой сфере деятельности властей. Во многом недостатки в работе просветительских учреждений были вызваны острой нехваткой квалифицированных кадров, усугубившейся вследствие бегства многих культработников из просветительских учреждений из-за низкой оплаты их труда. Партийные и комсомольские организации признавали, что из-за НЭПа «клубы, нардома, избы-читальни разрушены и разрушались постоянно... наши члены попали под влияние окружающей обстановки и наполовину разложились» [14].

Власти пытались найти выход в сокращении сети клубов и кружков. Они полагали, что клубов слишком много, это распыляет силы и ослабляет внимание к их работе. Предполагалось оставить действовать только кружки политического направления. Например, V Усть-Вымская партийная конференция (1924 г.) прямо указывала, что «всевозможные кружки, кроме политграмоты и коммунизма, нецелесообразны». Для упорядочения клубной работы в конце 1925 г. при Обкоме РКП(б) была создана секция по клубной работе [15].

Однако эти изменения дела не спасали, с мест шли постоянные сообщения о том, что культурно-просветительская работа «не ведется», что «культработа поставлена плохо» и т.п. [16].

Таким образом, НЭП нанес существенный удар просветительской деятельности. Пострадала как сеть культурно-просветительских учреждений, так и качество работы. Только к середине 1920-х гг. положение несколько стабилизировалось. Об определенном улучшении просветительской работы в автономии свидетельствует и инспектор Наркомпроса (1925 г.), указавший, что она «начинает входить в нормальное русло». Дальнейший рост культурной работы, по мнению инспектора, сдерживался отсутствием достаточно подготовленных кадров, ибо многие культпросветработники не были надлежащим образом подготовлены, а лишь имели «колоссальное желание работать» [17].

Надо признать, что и до проведения новой экономической политики культурно-просветительская работа в крае только начиналась. Местные власти понимали её важность и необходимость, признавая, что «при наших условиях единственная мера – насаждение культуры сверху». При этом они сетовали на консерватизм населения, являвшийся, по их мнению, результатом культурной и политической отсталости. Однако проводимая культурно-просветительская работа была «малопродуктивной» в основном из-за темноты не самого населения, а главным образом тех, кто должен был эту деятельность осуществлять – членов партии и комсомола. А переложить её проведение беспартийным властям не хотели, хотя именно беспартийной массе принадлежала немалая роль в развитии культурной работы. Бюро Коми обкома РКП(б) признавало, что «делом культурно-экономического возрождения Коми края до сих пор интересовались и занимались беспартийные. Беспартийные тянули партию в этом направлении». Руководить же культпросветработой как партийцы, так и комсомольцы «еще не умеют» [18].

Впрочем, неумение руководить просветительской деятельностью не остановило попыток партийно-комсомольской верхушки установить жесткий контроль над её содержанием. В середине 1920-х гг. споры об идейном содержании культпросветработы вылились в целую дискуссию. Партийные и комсомольские активисты полагали, что молодежи «нужно отставать от всего бесполезного, вредного, как-то от танцев, курения», что молодое поколение «необходимо...вырвать из-под мелкобуржуазного, мещанского влияния». Но заменить обычное времяпровождение вследствие неразвитости культурной работы было нечем. Поэтому среди населения были развиты пьянство, хулиганство, порой принимавшее колоссальные размеры. Например, из одной партиячейки сообщали, что из 63 коммунистов трезвых оказалось только четыре. «Все остальные пьют...Самообразование коммунистов поставлено из рук вон плохо». И такое положение было не исключением, а скорее правилом. Особенно значительные масштабы пьянство принимало среди молодежи. Власти были всерьез озабочены этой проблемой, ведь, например, только за 1925–1927 гг. масштабы продажи водки в области возросли в три раза. Пленум Коми обкома партии в 1928 г. подчеркивал: «Важнейшим участком на культурной работе является борьба с пьянством». И особые надежды в борьбе с зеленым змием возлагались на культурно-просветительную деятельность. Впрочем, эти надежды не оправдались в полной мере, и в 1937 г. областная партконференция была вынуждена констатировать: «Из-за отсутствия культурно-массовой работы среди рабочих и служащих развито пьянство... Пьют так, что умирают от водки». Алкоголизм порождал и другие отрицательные явления – хулиганство и т.п. В местной прессе мелькали сообщения, что в автономии хулиганство приняло такие размеры, что стало уголовной карточкой области в СССР. Власти самокритично считали, что это – результат «слабости...культурно-образовательной работы». Действительно, активность молодежи постоянно росла, а вот удовлетворить её запросы оказывались «не в состоянии». На Пленуме Коми обкома ВКП(б) в 1925 г. отмечалось, что «отсутствие увеселительных мест... не может не отразиться на массах. Не имея культурных очагов, она вынуждена заниматься пьянством, а отсюда хулиганством» [19].

Однако открывать какие-либо культурные центры, не имеющие политической направленности, власти не спешили. Более того, началась борьба с «мелкобуржуазным влиянием». Из клубов стали изгонять мероприятия, относящиеся к «легкому жанру». В частности, война была объявлена танцам. На страницах местных газет была развернута дискуссия о том, можно ли пролетарской молодежи танцевать. Итоги дискуссии были подведены секретарем Коми обкома комсомола А. Иевлевым, заявившим, что танцевать можно только мещанам, коммунистическая молодежь должна быть занята самовоспитанием и восстановлением хозяйства, ей не до танцев. А потребности молодежи в движении могут быть удовлетворены занятиями спортом, а не «калечащими организм танцами». Подобная точка зрения была полностью поддержана и обкомом партии. На Пленуме Коми обкома А.П. Липин подчеркнул, что «танцы не нужны, так как они являются в настоящих условиях не развлечением, а развратом, есть более разумные развлечения...увлечение устройством вечеров может быть прекращено путем к принятию мер к усилению воспитательной работы среди комсомольцев» [20].

Особенное значение идейное содержание и развитие культпросветработы приняли в середине и конце 1920-х гг., когда власти заявили о масштабных переменах в жизни страны, связанных с проведением индустриализации, коллективизации и культурной революции. Власть прекрасно осознавала, что без серьезных подвижек в культурной сфере будут невозможны и преобразования в экономике и политике. Один из идеологов культурной революции Н.И. Бухарин в 1928 г. прямо говорил, что «целый ряд вопросов хозяйственного строительства упирается сейчас в проблему культуры». С вопросами культурного развития власти напрямую связывали возможность строительства социализма в СССР. Н.К. Крупская заявляла: «Культура – это цемент, без которого не построишь здания социализма». И властные структуры чрезвычайно радовало то обстоятельство, что и люди начали осознавать важность и нужность повышения собственного культурного уровня. Глава Наркомпроса в этой связи в 1929 г. подчеркивал: «массы сами желают содействовать делу культстроительства». Вместе с тем развитию культуры придавалось довольно утилитарное значение – она была нужна для поднятия экономики. Это проявлялось в стремлении прежде всего решить «задачу развертывания технической культуры» [21]. Однако, несмотря на подобное прагматическое отношение к культурному развитию, оно не мешало реальному быстрому поднятию культуры в массах.

И что самое главное – власти понимали необходимость серьезного увеличения расходов на эту сферу, без которого сдвинуть развитие культурных учреждений было невозможно. А.В. Луначарский говорил, что культурная работа «стала неотложной и уже начинает преследовать нас, угрожая самой настоящей катастрофой. Теперь никому не придет в голову откладывать заботу о культурном развитии в долгий ящик. Нельзя более воевать невооруженными. Прежнее вооружение отвратительно, надо перевооружаться, иначе будем биты». Ему вторил Н.И. Бухарин: на культурном фронте «скардничать...теперь прямо недопустимо». И это были не пустые слова. Расходы на культуру росли. Например, второй пятилетний план предусматривал значительное, более чем в два раза, повышение расходов на культурно-бытовое обслуживание, реальное расширение сети просветительских учреждений [22].

Естественно, подобное увеличение трат на культурно-просветительные нужды происходило и в Коми автономии. Если в 1922 г. на социально-культурное строительство было выделено по областному бюджету 614 тыс. руб. (43% бюджетных расходов), то в 1929 г. – 3,3 млн. руб. (50%), а в 1936 г. – почти 27 млн. руб. (71% бюджетных расходов). Именно такие цифры были приведены на заседании Президиума ВЦИК председателем Коми облизполкома А.П. Липиным в 1936 г. Конечно, подобное увеличение расходов в немалой степени способствовало развертыванию культурной работы в автономии, увеличению количества просветительских учреждений. Правда, нельзя сказать, что теперь все требования просветительских учреждений удовлетворялись и они не испытывали стеснения в средствах. Например, в 1939 г. на развитие искусства в Коми АССР было запрошено 470 тыс. руб. Однако в конечном итоге было выделено менее половины того, что просили – 200 тыс. руб. [23]. Но тем не менее средства, отпускаемые на культурные нужды, значительно, как мы убедились, возросли в 1930-е гг. И это увеличение было особенно разительно с теми финансовыми затруднениями, что испытывали просветительские учреждения в середине 1920-х гг., в период НЭПа. И этот рост позволял в целом решать те задачи, что ставились властями в области развития культуры.

Прежде всего, благодаря увеличению финансирования, удалось значительно расширить сеть культурно-просветительских учреждений в области. С 1927 по 1940 г. количество клубов в автономии увеличилось почти в 2,5 раза, до 269. Особенно сильно возросло число клубов и дворцов культуры, которые принадлежали профсоюзным и иным организациям – почти в шесть раз. Причем основной рывок произошел во второй пятилетке. Еще в 1933 г. власти признавали, что имевшаяся в автономии сеть просветительских учреждений «совершенно недостаточна», хотя и говорили о серьезных положительных сдвигах в культурной сфере. Но уже в 1940 г. в отчете Госплана Коми АССР указывалось, что развитие просветительского дела приобрело в автономии «серьезный размах». Действительно, были построены Сыктывкарский, Сыктывдинский, Удорский и другие дома культуры. Примечательно, что изменения коснулись не только количественной, но и качественной стороны дела. Многие учреждения были неплохо оборудованы. Например, Сыктывкарский Дом культуры имел зрительный зал на 500 мест, оборудованную сцену, комнаты для кружковой работы и т.д. Конечно, сельские клубы были попроще. Зрительные залы были небольшие – на 100–150 мест, не хватало и инвентаря. Но в целом развитие сети клубных учреждений в Коми АССР было настолько быстрым, что на один клуб в республике приходилось 1250 жителей, в то время как в СССР один клуб обслуживал свыше 1600 человек. Таким образом, северная республика находилась в этом плане в гораздо более выгодном положении, нежели другие регионы страны. Конечно, приводя эти данные, следует помнить, что чрезвычайная разбросанность населенных пунктов во многом сводила эти преимущества на нет [24]. Но уже одно то, что клубная сеть была создана и работала, клубы были очагами культуры в деревне – это был факт чрезвычайной важности.

Если говорить конкретно о Коми области, население которой проживало в основном в деревнях, то здесь наиболее актуальным в 1930-е гг. стало развертывание просветительской деятельности в деревне. Власти подчеркивали, что «культурная отсталость...не благоприятствует нормальному существованию коми народа». И что в данный момент остро необходимо усиление «культурной, политпросветительной и агитационной работы в деревне». В 1928 г. Бюро обкома ВКП(б) рассмотрело состояние культурно-просветительной работы в сельской местности, отметив некоторое увеличение сети просветительских учреждений. Вновь к этому вопросу Бюро вернулось в 1936 г., когда был утвержден план мероприятий по улучшению культурно-просветительной работы на селе. Он предусматривал открытие совхозно-колхозных театров, клубов, увеличение числа кинотеатров и т.д. [25].

В Коми области усиление внимания к работе на культурном фронте в деревне выразилось в первую очередь в создании целой сети сельскохозяйственных кружков. В целях улучшения их функционирования было даже организовано консультационное бюро для сельхозкружков. Кроме того, в целях пропаганды сельскохозяйственных знаний власти организовывали сельхозкурсы (такие, например, функционировали в 1928 г. в деревне Гавриловка, в селе Ёртом). В 1936 г. подобные курсы и колхозные школы окончило 9,6 тыс. колхозников. В конце 1930-х гг. по автономии действовало 90 сельхозкружков. Настоящим пропагандистом сельскохозяйственных знаний в коми деревне стали машинно-тракторные станции. Так, Визингская МТС только за один 1934 г. обучала в 33 кружках 700 чел. Значительное место в распространении навыков сельхозтруда играли и сельскохозяйственные выставки. Представители коми колхозов участвовали и в работе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В 1939 г. Коми АССР была на ней представлена 230 участниками. Причем ряд работников из республики был удостоен дипломов. В частности, дипломы I степени и машины получили колхозы «Вөр фронт» из Усть-Куломского района, «Путь Ленина» из Ижемского района и «Виль Ордым» из Сторожевского района. Дипломы II степени, денежные премии и мотоциклы – Пажгинская МТС, молочно-товарная ферма колхоза им. Орджоникидзе из Усть-Цилемского района и еще 16 передовых сельхозартелей. Ставка на распространение агрономических и животноводческих знаний была правильным шагом, ибо наглядно демонстрировало крестьянам практическую значимость культурно-просветительной работы. Помимо пропаган-

ды сельхоззнаний в деревне получила значительное распространение практика культпоходов. В 1935 г. по инициативе колхоза «Гёрд Октябрь» (с. Гагшор Сысольского района) прошел поход по благоустройству сел и деревень. Победителем стали комсомольцы колхоза «Гёрд Октябрь». В с. Гагшор был открыт колхозный Дом культуры, оборудована радиоустановка, телефон, собрана библиотека и т.д. Колхоз был награжден премией в 1 тыс. руб. [26].

Основой же культурной деятельности в деревне, по мнению центра, должен был стать клуб. Нарком просвещения А.В. Луначарский указывал, что клуб – «это чрезвычайно важная вещь». Ему вторила Н.К. Крупская, говорившая: «Клуб должен стать опорным пунктом культурной революции», «это очаг строительства социализма... он должен быть организацией, которая связана с самыми глухими уголками». Бюро Коми обкома партии обращало особое внимание членов Коми партийной организации на клубы и «всемерное вовлечение членов и их семей» в клубную работу. При этом главное место отводилось влиянию клубной работы на молодежь [27].

Основная работа в клубах велась через кружки. Как уже отмечалось, немало сделали в деревне сельхозкружки. Конечно, работали и кружки иных направлений: музыкальные, драматические, антирелигиозные и др. В пединституте действовал литературно-творческий кружок. На развитие кружковой деятельности в клубах ориентировали и центральные власти. Они подчеркивали, что «очень большую роль в деле самообразования может сыграть кружковая работа... это дело надо широко развивать» [28].

Кроме перечисленных кружков, большое значение имели военно-физкультурные кружки. Власти, понимая близость войны, усиливали военно-патриотическое воспитание, частью которого была физкультурная работа. В повестке дня партийно-комсомольских органов часто стояли вопросы развития патриотической агитации. Так, в 1934 г. Северный крайком ВЛКСМ рассмотрел работу Коми обкома комсомола по военно-патриотическому воспитанию и одобрил её. Действительно, в небольшой по численности населения области в военно-технических и физкультурных кружках состояло свыше 6 тыс. чел. В этом направлении работало 12 учебных пунктов, 24 военно-технических кружка. Расширялась деятельность Осоавиахима, Всесоюзного общества Красного креста, Автодора, сдавались нормы Ворошиловского стрелка и т.д. В Осоавиахиме состояло свыше 4,6 тыс. комсомольцев – более половины всей областной организации ВЛКСМ. Это были довольно хорошие для Коми автономии показатели. Тем не менее эта сфера работы постоянно держалась на контроле. Данный вопрос вновь рассматривается Пленумом Коми обкома ВЛКСМ в 1939 г. И констатируется, что сеть военно-физкультурных кружков растет. В области действует 985 военных кружков (14 тыс. участников). Значительно увеличилось количество значкистов ГТО «Ворошиловский стрелок», ПВХО и т.д. Однако власти по-прежнему подчеркивают важность оборонно-массовой работы и обязывают все комитеты ВЛКСМ включиться в неё. Накануне войны, в 1941 г. Пленум Коми обкома ВЛКСМ снова возвращается к этому вопросу. И вновь отмечает улучшение. Особенно радует положение с лыжным спортом – в республике действует 145 лыжных баз. Большинство комсомольских организаций успешно сдает нормы по оборонным значкам. Именно комсомол является инициатором целого ряда спортивных соревнований в области: проводится туристический поход Сыктывкар – Троицко-Печорск (по следам гражданской войны), лыжный пробег Сыктывкар – Москва и др. [29]. Такие меры, как показала начавшаяся вскоре война, были правильными и своевременными.

Конечно, развитие спорта шло не только под нажимом властей. Его двигали и настоящие энтузиасты спорта. Среди них можно назвать Н.М. Жеребцова, создателя «коми футбола», лыжников Париловых, А.С. Ключкова, П.П. Малиновского и др.

В республике организовывались соревнования по различным видам спорта. В 1937 г. была в первый раз проведена республиканская лыжная спартакиада. С 1939 г. проводятся крупные республиканские соревнования по отдельным видам спорта всеми действовавшими в автономии добровольными спортивными обществами. В 1936 г. в республике был проведен День физкультурника, учрежденный по инициативе Коми областного совета физкультуры.

Спортсмены из Коми края выезжали на соревнования в другие регионы страны. В 1928 г. сборная Коми области участвовала в спартакиаде Северного края в Вологде, завоевав 17 призовых мест. В 1938 г. сборная команда Коми АССР впервые участвовала в зимней и летней спартакиадах автономных республик РСФСР.

Получила развитие культурно-массовая работа и среди отдельных групп населения. Такой подход помогал учитывать специфику просветительской деятельности среди различных социальных слоев. Например, в 1930-е гг. власти уделяли особое внимание работе среди лесозаготовителей. Пленум обкома партии в 1935 г. призвал развернуть культмассовую работу на лесозаготовках. Основой такой деятельности стали культпоходы. Бюро обкома ВКП(б) одобрило культпоходы, создание «групп легкой кавалерии». И комсомольцы области активно претворяли эту идею в жизнь. Комсомол Сторожевска, например, только в течение одной лесозаготовительной кампании выделил для работы в лесу 12 культбригад. Они знакомили лесорубов с опытом ударных бригад, проводили беседы, издавали стенгазеты. Пионеры в помощь работникам леса собирали теплую

одежду. Именно деятельность культбригад позволила, по признанию властей, предотвратить массовый уход из леса лесорубов. В последующем такие кампании приняли массовый характер. В 1939 г. восемь культбригад сделали 63 выезда в лес и охватили своей работой свыше 7 тыс. рабочих. Причем действовали в лесу не только комсомольцы Коми автономии. Приезжали бригады и из других регионов. Например, в 1930 г. в области побывали посланцы рабочей молодежи из Москвы. Их деятельность стала центром культурно-массовой работы в лесу. К концу 1930-х гг. культмассовая работа в лесу приняла систематический характер: в поселках лесозаготовителей действовало более 400 красных уголков и около 400 различного рода кружков, велась работа и выездными культбригадами. Но власти не отказались и от одиночных пропагандистских акций: проводились Дни леса, Дни кооператора и т.п. [30].

Значительный размах приобрела культмассовая работа и среди учащейся молодежи. Например, среди студентов Коми пединститута только в 1939 г. было проведено 26 лекций и докладов на различные темы, регулярно выпускались стенгазеты, действовало семь агитбригад, которые провели во время выборов более 900 бесед, охвативших свыше 5 тыс. чел. В институте работало четыре кружка (драматический, музыкальный, хоровой и баянистов) – в них занималось почти 100 студентов. Для студентов было за год организовано 29 бесплатных киносеансов (их посетило 11 тыс. чел.). Распространялись среди студенчества и военно-физкультурные навыки: работал стрелковый клуб (почти 500 чел.), сдавались нормы «Ворошиловского стрелка» [31] и т.п. Вне всякого сомнения, это разнообразило жизнь студенчества, делало ее более насыщенной и интересной.

Конечно, и в 1930-е гг. развитие культурно-массовой работы шло не без трудностей. Прежде всего, власти отмечали равнодушное, если не враждебное отношение населения к культуре и науке. И.В. Сталин на VIII съезде ВЛКСМ говорил: «...мы не двинемся вперед ни на шаг, пока не вытравим этого варварства и дикости, этого варварского отношения к науке и людям культурным. Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции, если он не овладеет наукой». Особенно тревожным в этом плане было положение на окраинах России, где делались только первые шаги по овладению культурой массами. Причем власть понимала, что решить проблему культурного переустройства быстро и мгновенно «в один прыжок» не удастся [32].

К сложностям культурной работы следует отнести и острую нехватку квалифицированных специалистов. Власть была серьезно озабочена этой проблемой и пыталась в меру своих сил и возможностей решить её. В Коми автономии областной отдел народного образования постоянно проводил курсы клубных работников, различные семинары, на которых шел обмен опытом работников культурно-просветительных учреждений. Многие работники культуры обучались заочно в различных учебных заведениях. В 1938 г. в автономии была открыта республиканская культурно-просветительная школа очного и заочного обучения. Однако эти меры оказывались недостаточными. Власть как в 1920-е, так и в 1930-е гг. признавали нехватку специалистов культурной сферы и невысокую квалификацию имеющихся кадров работников просветительских учреждений. Естественно, такое положение самым серьезным образом осложняло деятельность культурно-просветительских структур, порой сводя к минимуму её эффективность.

Вредили прогрессу в этой сфере и иные недочеты в деятельности властных структур. Нередко власти увлекались созданием различного рода кружков, клубов, в то время как многие члены кружков на деле практически не посещали их. Так, например, в партийно-профессиональном клубе в Усть-Сысольске активно работали не более трети его членов. В результате кружки, созданные в клубе, быстро распались. Подобное же положение наблюдалось и в других регионах.

Серьезно мешали ведению культурной работы и некоторые специфические особенности края. Так, основой экономики автономии в 1930-е гг. была лесная промышленность. И нередко в жертву бесперебойному функционированию данной отрасли приносили культурную работу. В период интенсивных лесозаготовок культработа, по признанию властей, «не велась, ибо возможностей для этого не было». Другой проблемой, обусловленной природными условиями, была организация культработы на Крайнем Севере, где преобладало кочевое население. Этот вопрос удалось хотя бы частично решить с помощью организации красных уголков и красных чумов.

Этот комплекс сложностей вел к тому, что в ряде местностей культурно-бытовое обслуживание населения разрывалось «крайне медленно». Нередко партийные и комсомольские организации пускали эту работу на самотек и не могли организовать отдых молодежи. И молодежь играла в карты и занималась другими неподобающими, по мнению властей, вещами. Причем подобная картина наблюдалась как в деревне, где культурная работа только начинала разворачиваться, так и в городе. В городе досуг молодежи также был «организован недостаточно». Можно было в городе «только раз в пятидневку сходить в кино». Этим организация досуга нередко и ограничивалась. А на селе, как признавали власти, «и ещё хуже обстоит дело» [33].

Подобные оценки свидетельствовали, что серьезнейшие проблемы в культурной работе оставались и в 1930-е гг. Однако нельзя не замечать и того, что значительное движение в этом направлении было налицо: в автономии началось формирование сети клубных и иных культурных учреждений, функционировали различного рода кружки. Конечно, это было еще только начало. И властям предстояло еще много сделать, чтобы культурно-массовой работой было охвачено большинство населения, чтобы существенным образом поднять культурный уровень народа.

Источники и литература

1. Зырянская жизнь. 1920. 20 ноября (№ 76). С. 1.
2. НАРК. Хр. № 2. Ф. 274. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–11; Ф. 446. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Югид туй. 1922. 25 июня (№ 100). С. 4.
3. Культурное строительство в Коми АССР. Сборник документов. 1918–1937. Сыктывкар, 1979. С. 48.
4. НАРК. Хр. № 2. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 14, 14об.; ГУРК НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 225. Л. 12; Д. 118. Л. 5; В зырянском краю. 1919. 11 мая (№ 19). С. 2; История Коми АССР. С. 271.
5. НАРК. Хр. № 2. Ф. 446. Оп. 1. Д. 9. Л. 19, 30, 31. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. С. 23–24, 31–32.
6. См.: Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. С. 41–42; НАРК. Ф. 148. Оп. 1. Д. 119. Л. 1об.; Зырянская жизнь. 1918. 24 октября (№ 32). С. 3; 14 декабря (№ 40). С. 3; Югид туй. 1923. 21 мая (№ 44). С. 3.
7. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 39; Оп. 2. Д. 365. Л. 3; Д. 479. Л. 51; ГУРК НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 737. Л. 30.
8. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Русская революция в национальной провинции (на материалах европейского Северо-Востока) // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века. Материалы международной научной конференции. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 53–57; Жеребцов И.Л. Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2.
9. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Колегов Б.Р. Комиретро: 95 лет истории Коми, от официальной до курьезной. Сыктывкар: Изд-во «Титул», 2016; Связь времен. Сыктывкар, 2000; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар, 2002.
10. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. С. 46–48.
11. См.: Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. С. 94; НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 8. Л. 54; Хр. № 2. Ф. 618. Оп. 1. Д. 24. Л. 8об.
12. А.В. Луначарский о народном образовании. С. 245.
13. НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 98. Л. 27; Д. 12. Л. 33об.; Д. 121. Л. 62.
14. НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 15. Л. 26; Д. 28. Л. 31; Д. 117. Л. 9; Ф. 186. Оп. 1. Д. 8. Л. 33; НАРК. Хр. № 2. Ф. 70. Оп. 1. Д. 57. Л. 28.
15. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 221. Оп. 1. Д. 117. Л. 10; Ф. 1. Оп. 2. Д. 476. Л. 80; Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.
16. НАРК. Хр. № 2. Ф. 353. Оп. 1. Д. 37. Л. 3; Ф. 182. Оп. 1. Д. 34. Л. 17.
17. НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 30. Л. 170.
18. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 110; Ф. 182. Оп. 1. Д. 6. Л. 10; Ф. 446. Оп. 1. Д. 105. Л. 24; Ф. 70. Оп. 1. Д. 36. Л. 73.
19. НАРК. Хр. № 2. Ф. 73. Оп. 1. Д. 34а. Л. 6, 10; Ф. 70. Оп. 1. Д. 136. Л. 27; Д. 54. Л. 10; Ф. 97. Оп. 1. Д. 7. Л. 6; Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 180; Д. 50. Л. 25; Югид туй. 1926. 19 мая (№ 138). С. 3.
20. См.: НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 43; Д. 295. Л. 21; Д. 93. Л. 36; Югид туй. 1925. 25 мая (№ 141). С. 3; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. С. 114.
21. Бухарин Н.И. Избр. произвед. М., 1988. С. 379; Н.К. Крупская. Педагогич. соч. в 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 482; А.В. Луначарский о народном образовании. С. 501; Бухарин Н.И. Избр. труды. М., 1988. С. 338.
22. А.В. Луначарский о народном образовании. С. 407; Бухарин Н.И. Избр. произвед. С. 385; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – Т. 6. – С. 120–121.
23. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. С. 21; Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960. С. 38.
24. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 67об.; Безносиков Я.Н. Рассвет над Коми. Сыктывкар, 1986. С. 56; Дорогой борьбы и побед. С. 89; Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. С. 190–191; Культурное строительство в Коми АССР. Сборник документов. 1938–1960. Сыктывкар, 1984. С. 58–59.
25. НАРК. Хр. № 2. Ф. 70. Оп. 1. Д. 136. Л. 2; Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. Л. 26об.; Дорогой борьбы и побед. 1917–1981. Сыктывкар, 1981. С. 63.
26. НАРК. Хр. № 2. Ф. 70. Оп. 1. Д. 88. Л. 127; Д. 97. Л. 33; Дорогой борьбы и побед. С. 104, 121; Хроника Коми областной организации ВЛКСМ. 1918–1988. Сыктывкар, 1988. С. 54, 59.
27. См.: А.В. Луначарский о народном образовании. С. 356; Н.К. Крупская. Педагог. соч. в 10 томах. М., 1960. Т. 8. С. 226, 304; НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 208; Ф. 73. Оп. 1. Д. 34а. Л. 12.
28. Крупская Н.К. Педагогич. соч. в 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 653, 656.
29. См.: Хроника Коми областной организации. М. С. 53–54, 60, 72 и др.

30. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 130; НАРК. Ф. 148. Оп. 1. Д. 133. Л. 98; Хроника Коми областной организации ВЛКСМ. С. 53, 58; Дорогой борьбы и побед. С. 64–65; Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960. С. 46.
31. Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960. С. 33–34.
32. Сталин И.В. Соч. М., 1949. Т. 11. С. 76; КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. С. 118–119.
33. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148а. Л. 46; Д. 201. Л. 93; Ф. 70. Оп. 1. Д. 568. Л. 12.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ ВОРКУТЫ

*И.В. Витман**

Десятилетия существует на карте России город Воркута. Этот период времени сопоставим с историей самой России, да и значение Воркуты неизмеримо больше ее скромных географических размеров. Необъятные просторы безмолвной Большеземельской тундры... Белое пятно на карте... Непроходимые топи и болота. Бездорожье... Такой была богатейшая кладовая природных богатств на Северо-Востоке России в начале прошлого столетия. Длинные зимние ночи и неистовые бури и вьюги, царящие неделями и месяцами в этой местности, делают работу здесь в буквальном смысле этого слова героическим подвигом. И надо же было так случиться, что в самом отдаленном уголке Большеземельской тундры геологом Г.А. Черновым было открыто уникальнейшее месторождение Печорского угольного бассейна – Воркутское.

История рождения города начиналась с отряда из 43 человек, который полностью был сформирован из заключенных ГУЛАГа. В 1931 г. они добрались до места будущих разработок угля и назвали это место Рудник. Поставили палатки, вырыли землянки, вскрыли угольные пласты и приступили к строительству шахт. Стране не нужно было твердое топливо, и правительство СССР объявило масштабную «битву за уголь». Огромную тюрьму под названием Воркутлаг организовывали и строили сами заключенные.

Мы привыкли знакомиться с историей края по школьным учебникам, фотографиям, в лучшем случае – по экспозициям музеев. Люди, живущие в Воркуте, не часто задумываются о том, что сам город и его поселки – это настоящий музей под открытым небом. До нынешнего времени здесь сохранились страшные следы трагической истории Воркуты. Нужно только захотеть увидеть правдивую действительность его становления.

Особенностью туристических ресурсов Воркутинского района является наличие исторических артефактов деятельности ГУЛАГовского прошлого, и это является основой мемориального туризма. Маршруты, которые мы можем предложить, доступны и разнообразны. Пройдя их можно увидеть интересные объекты жизнедеятельности системы тоталитарного режима. И в частности, уникальные артефакты, которые уже не встретить в городах и поселках Республики Коми, так, например, развалины тюрем и лагерей, связанных со строительством города и Северо-Печорской железнодорожной магистрали. Эти туристско-экскурсионные маршруты имеют определенную цель: показать всему гражданскому обществу, что знание и сохранение исторической памяти – гарантия неповторения ошибок прошлого. Через понимание прошлого, сострадание воспитывается гражданин и патриот своей страны.

Благодаря финансированию Республиканского благотворительного фонда «Покаяние», ежегодно школьниками Воркуты проводятся краеведческие поисково-исследовательские экспедиции с целью поиска расположений бывших лагерей и мест захоронений жертв ГУЛАГа. По результатам экспедиций собран богатейший материал, экспонаты – свидетели того времени. А также разработаны туристско-экскурсионные мемориальные маршруты. Выполнены большие исследовательские проекты: «Харбей», «Юр-Шор», Истоки Воркуты» «Кирпичный», «Стальные нити к Воркуте» и др.

Всего воркутинскими школьниками – воспитанниками туристско-краеведческих объединений «Горизонт» (средняя общеобразовательная школа № 14) и «Летописец» (средняя общеобразовательная школа № 35) было проведено 13 поисково-исследовательских экспедиций, в результате, которых были разработаны следующие экскурсионно-туристические маршруты:

– «Дорога жизни – дорога смерти». Это экспедиция 2006 года, проходившая по маршруту первой Воркутинской железной дороги Рудник – пристань Воркута – Вом. На этом же маршруте находится бывший кирпичный завод, знаменитый печальной памятью «Кашкетинских расстрелов». Этот путь преодолевала не одна сотня заключенных, прибывавших этапами с 1934 по 1942 г. в Воркутлаг. Что именно определило название маршрута? Долгие годы, в начале становления Воркуты, именно эта дорога связывала наш заполярный город с Большой землей. Именно от ее работы зависела не только жизнь, но и само существование Воркуты. «Дорога смерти» – потому, что в те далекие времена (1933–1934 гг.) она строилась впервые за Полярным кругом, в зоне многолетней мерзлоты. И заключенным, строившим ее, не хватало одежды, рабочего инструмента, они погибали от холода и голода. Дорога смерти еще и потому, что в печально знаменитом 1938 г. здесь на разъезде Кирпичный за два дня марта было расстреляно 524 чел. Именно эту дорогу мы считаем построенной на костях заключенных.

Маршрут – «Путешествие из Европы в Азию в пространстве и во времени». По древнему торговому пути через Полярный Урал из Европы в Азию через Сось – Елецкий перевал. Мемориальный маршрут проходит вдоль железной дороги Чум – Лабытнанги. Начинается от станции Чум – 0 километр и заканчивается на стан-

* **Витман Ирина Владимировна** (Воркута) – директор муниципального бюджетного учреждения «Городской центр развития туризма» г. Воркуты.

ции Сось – 117 километр, где проходила граница 501-й стройки между Республикой Коми и Ямало-Ненецким автономным округом. Еще эта дорога известна как участок знаменитой «Мертвой дороги» из Европы до берегов реки Енисей. Протяженность маршрута 88 километров между насыпью и реками Уса, Елец и Сось. Здесь можно увидеть остатки лагерных пунктов, в которых содержались строители дороги, и первые поселения этого района – деревни Никита и Елец. Неизгладимое впечатление производят завод по изготовлению извести и огромное лагерное отделение рядом с ним. Во время путешествия туристы пересекают границу Европа – Азия.

В 2010 г. юными краеведами исследован бывший поселок Харбей. Этот маршрут мы назвали «Во глубине Уральских гор...».

Почему Харбей? «Потому что по тундре и горам полвека передавались слухи о заброшенном в полярно-уральской глухомани заводе сталинских времен с уходящими на фантастическую глубину многочисленными штольнями, с цехами обогатительной фабрики, где чуть ли не в смазке стоят механизмы. А в Интернете гуляли байки о многотысячных лагерях эков, каторжным трудом и даже жизнью своей заплативших за чудо появления в недоступных горах промышленного гиганта». Возникновение поселения было предопределено находками на реке Левый Бадьяган в годы Великой Отечественной войны, в сентябре 1944 г., заключенными геологами минерала молибден. Металлургическая промышленность остро нуждалась в поставках молибденового концентрата. Необходимо было обеспечить молибденом новую, стремительно развивающуюся отрасль – атомную – и в сжатые сроки создать ядерный щит страны. В результате появился еще один интересный мемориальный маршрут в горах Полярного Урала, который имеет познавательную направленность. На нем можно увидеть то, что осталось от первого промышленного предприятия на Полярном Урале. Это и штольни, и шахта, производственные строения, обогатительная фабрика и бывший лагерный пункт. Сам маршрут, протяженность которого 57 километров от бывшего поселка геологов Полярный, расположенного на железной дороге Чум – Лабитнанги, до бывшего поселка Харбей. Проходит по отсыпанной в 1940-х гг. автомобильной дороге, по которой в Харбей доставлялись люди и материалы, а обратно вывозился молибденовый концентрат. Маршрут интересен и со спортивной точки зрения, потому что проходит в труднодоступных, с одной стороны, и красивейших, с другой стороны, местах Полярного Урала.

2011–2012 и 2013 гг. были проведены еще три краеведческие поисковые экспедиции, в результате которых появились туристско-экскурсионные маршруты «Стальная подкова Воркуты» и «Стальные нити к Воркуте».

Точкой отсчета в истории Северо-Печорской железнодорожной магистрали необходимо считать 27 октября 1937 г., когда было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Железная дорога имела протяженность 1560 км и должна была вестись в эксплуатацию в сентябре 1945 г. Главной отличительной особенностью ее строительства является то, что изыскания, проектирование и строительство трассы проходили одновременно.

Нитка маршрута «Стальная подкова Воркуты» начинается от станции Юнь-Яга (2251 км) – место бывшего кирпичного завода – узкоколейная железная дорога (разъезд Кирчик) – железнодорожный мост через р. Воркута (2245 км) – поселок Хановей – бывший поселок Мульда.

Железнодорожный лагерно-производственный комплекс занимал особое место среди многочисленных лагерей ГУЛАГа в Коми АССР. Развитие транспортных коммуникаций, в том числе Северо-Печорской железной дороги – основной транспортной коммуникации Печорского угольного бассейна и Коми АССР, было важнейшим условием промышленного освоения Европейского Северо-Востока.

Мемориальный маршрут «Стальные нити к Воркуте» проложен в районе участка железнодорожной магистрали от ж/д станции Сейда до ж/д станции Сивая Маска, где проходит граница Воркутинского и Интинского районов. На этом маршруте можно познакомиться с остатками бывших поселков и ж/д станций Ошвор, Ю Пышор, Пернашор, которые брали свое начало с лагерных отделений строительства магистрали. Маршрут привлекателен тем, что начинается в месте, где жил и похоронен Виктор Яковлевич Попов, долгие годы считавшийся первооткрывателем Воркутского угольного месторождения. На маршруте также можно соприкоснуться с трагической историей гражданской войны в Коми крае. Это место бывшей деревни Ошвор, где в 1921 г. произошла кровавая драма. На этом месте оборвалась жизнь порядка 70 человек в результате бессмысленного и массового уничтожения людей, охватившего всю Россию. Среди жертв трагедии были русские, коми, ненцы. В 1967 г. на месте братской могилы на берегу реки Уса был установлен обелиск.

АЛЬВОЖ. ПОЛЬСКИЙ СЛЕД

*М.Г. Колегова**

После нападения 1 сентября 1939 г. гитлеровской Германии на Польшу советское правительство объявило о распаде и прекращении существования польского государства. Осадники (бывшие военнослужащие польской армии и получившие в начале 1920-х гг. землю в районах, заселенных украинцами и белорусами), были объявлены «злейшими врагами трудового народа» и с семьями выселены вглубь СССР. В результате четырёх депортаций в Коми АССР оказалось около 21 тыс. польских граждан. Известно, что на территории Сыктывдинского района Коми АССР, а именно в с. Ыб, п. Яснэг, содержались польские граждане, подвергшиеся репрессиям в 1939–1940-х гг. Сведения о них крайне скудны, в селе почти не осталось очевидцев. Поэтому нас заинтересовала данная тема. Был написан проект «Альвож. Польский след», цель которого – собрать фактографический и иллюстративный материал о польских спецпереселенцах 40-х гг. XX в. Для себя мы определили следующие задачи: 1) Найти места проживания и захоронения польских спецпереселенцев на территории посёлка Яснэг Сыктывдинского района; 2) Установить памятные знаки на обнаруженных местах; 3) Найти потомков репрессированных поляков, содержавшихся в с. Ыб, п. Яснэг; 4) Собрать воспоминания жителей с. Ыб, п. Яснэг о репрессированных поляках и их потомках.

Проект состоял из двух этапов. На I этапе, состоявшемся 13 августа 2012 г., экспедиция в составе Н.Н. Осипова, проводника, жителя посёлка Яснэг, библиотекарей с. Ыб и п. Яснэг и музейного специалиста Ыбского историко-краеведческого музея обнаружила места содержания и захоронения польских спецпереселенцев. В километрах тридцати от п. Яснэг в лесу было найдено кладбище, где захоронены поляки. К нему нужно идти по лесу километра три, затем перейти ручей и опять следовать по лесу. По дороге встречаются огромные ямы, наполненные водой, оставшиеся после добычи железной руды. Вероятно, поэтому среди местного населения это кладбище зовётся Рудниквыльским (т.е. кладбище на Руднике). Вместе с поляками похоронены коми жители близлежащих местечек. Захоронения старые, кладбище заброшено, зарастает кустарником. На провалившихся польских могилах кресты не сохранились, поэтому невозможно определить имена погребённых. Идентифицировать возможно только могилу Томаша Пророка (1885–1943). В 1989 г. председателем совхоза «Ибский» было получено письмо из Польши от его детей: Пророка Ивана Томашевича, Янины Томашевны, Владислава Томашевны, которые вместе с отцом и тётёй Тересой в 1942 г. работали в ибском колхозе имени 18 партсъезда. Из письма стало известно, что Томаш Пророк скончался 5 октября 1943 г. и похоронен на Рудниквыльском кладбище. Дети обращались с просьбой к председателю совхоза и жителям м. Стобью, где они работали в войну, восстановить крест на могиле отца, что и было впоследствии сделано.

В августе 2012 г. мы обнаружили, что крест на могиле Томаша Пророка сгнил и упал. Так как мы пришли без инструментов, то было принято решение вернуться в следующем году на это место и поднять крест. Тогда же мы собрали воспоминания жителей села Ыб и посёлка Яснэг о польских спецпереселенцах, нашли их потомков. В 2012 г. было написано письмо потомкам Томаша Пророка в Польшу с подробным описанием нашей поездки. Был получен ответ от внучки Томаша Пророка, дочери Владиславы – Анны – с предложением переписываться и информировать их, как изменяется место, где когда-то пребывала их семья. В 37 километрах от посёлка Яснэг находится местечко Альвож, где проживали польские спецпереселенцы. В лесу были обнаружены развалившиеся бараки. Н.Н. Осипов указал, что в них проживали не только поляки, но и коми. Занимались в основном заготовкой леса и, как уже упоминалось, добычей руды.

Во время II этапа экспедиции – 25 июня 2013 г. – мы вернулись на эти места, чтобы установить памятные знаки. Круг участников экспедиции расширился. К нам присоединились учащиеся и учителя Ыбской и Яснэгской школ. Было зачитано вышеупомянутое письмо от Анны, внучки Томаша Пророка. Всего было установлено три памятных знака: два – в Альвоже, один – на кладбище. На памятных знаках указано: «Кладбище на Руднике. Здесь нашли последний приют польские спецпереселенцы (1940–1950 гг.)», «Альвож. Место проживания польских спецпереселенцев (1940 гг.)». На кладбище был поднят крест на могиле Томаша Пророка. В августе 2013 г. в Сыктывкаре побывал доктор истории, представитель польского центра Карта Мачей Вывра. Он проявил интерес к нашему проекту и вместе с Михаилом Борисовичем Рогачёвым побывал в Ыбе, встретился с сельскими жителями и записал их воспоминания о тех далёких годах. Затем мы вместе побывали в Яснэге.

Наша экспедиция не состоялась бы без помощи республиканского фонда «Покаяние». Приносим им свою благодарность. Я думаю, что и учащимся, так же как и нам, было интересно побывать в этих местах, прикоснуться к истории родного края.

* **Колегова Марина Геннадьевна** (с. Ыб Сыктывдинского района) – зав. библиотекой-филиалом имени В.И. Безносикова МБУК «Сыктывдинская централизованная библиотечная система», m.kolegowa@yandex.ru.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА УРАВНИТЕЛЬНО-ПЕРЕДЕЛЬНЫМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕМ В ОБЩИНАХ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО И ЯРЕНСКОГО УЕЗДОВ (1860–1890-е ГОДЫ)

*В.В. Шаньгина**

Поземельная община Усть-Сысольского и Яренского уездов в пореформенные 1860–1890-е гг. являлась соседским объединением крестьянских хозяйств с общественным самоуправлением, обслуживавшим нужды и защищавшим интересы своих членов. Сущность общинного землепользования заключалась в том, что право владения землей, предоставленной государством, принадлежало не отдельной крестьянской семье, а всей общине. Среди многочисленных функций общины поземельная (распределение земли между членами с помощью уравнильно-передельного механизма, организация сельскохозяйственного производства и т.д.) была одной из главных.

Политика российского правительства по отношению к общине в рассматриваемые годы выражалась в принятии законов и мер, направленных на ее сохранение и укрепление, так как объединенным в общинные организации крестьянством было легче управлять. Община использовалась как наиболее удобная форма административного управления деревней, распределения наделных земельных угодий между крестьянами и взыскания с них податей и повинностей. При этом структура и полномочия крестьянского общественного управления и вся деятельность общины определялись российским законодательством, за соблюдением которого строго следили чиновники местных правительственных учреждений по крестьянским делам.

В статье 113 Великороссийского положения 1861 г. поземельной общине дано следующее определение: «Общинным называется то общинное пользование, при котором земли, по приговору «мира», передаются или распределяются между крестьянами: по душам, тяглам или иным способом, а повинности, наложенные на землю, отбываются круговою порукою» [1].

В данной статье мы попытались показать, как в рассматриваемый период в общинах названных уездов под контролем государственных чиновников регулировалось распределение мирских удобных угодий с помощью уравнильно-передельного механизма. В исторической литературе о Коми крае этот аспект освещен недостаточно, в основном в связи с вопросом о развитии сельскохозяйственного производства в годы проведения Великих реформ**.

По сведениям, собранным в 1880-е гг. экспедицией, организованной Министерством государственных имуществ, поземельные общины Усть-Сысольского и Яренского уездов по их структуре можно было разделить на простые (однодеревенские) и сложные (многодеревенские). В Усть-Сысольском уезде из 173 поземельных общин 32 были сложными, в Яренском уезде из 41 общины сложными являлись 28. По экономическому типу общины делились на передельные и беспередельные (подворные). В передельных пользование мирскими пахотными и сенокосными наделными угодьями (облагаемыми податями и повинностями) регулировалось путем уравнильных переделов. Усадьбы были в индивидуальном подворном пользовании, лесные участки и выгоны – в совместном пользовании общины. По мнению П.А. Колесникова, автора статьи «Основные этапы развития северной общины», формирование тягло-общины с уравнильными переделами в государственной деревне Европейского Севера России завершилось в конце XVIII в. Приняв ряд законов и осуществив Генеральное межевание, правительство превратило крестьян в простых держателей участков казенной земли, заботу об обеспечении платежеспособности каждого домохозяина возложило на общину, предоставив ей право распределения между ними земли, то есть санкционировало практику уравнильных переделов. Идея же уравнильности была подсказана борьбой малоземельных крестьян с зажиточными. При этом правительство руководствовалось не заботой о благополучии малоземельных, а стремлением с помощью переделов приведения земельных наделов в соответствие с тяглом того или иного двора. По виду уравнива-

* Шаньгина В.В. (1935–2017, Сыктывкар) – кандидат исторических наук.

** Следует отметить, что вопрос о землеустройстве государственных крестьян, определенный законом 24 ноября 1866 г., в уездах Коми края, где эти крестьяне составляли основную массу крестьянского населения, к концу XIX в. оставался нерешенным.

емых угодий передельные общины однородными не были. Так, в 1880-е гг. в Усть-Сысольском уезде 78,0%, а в Яренском – 85,7% сложных общин уравнивали и пашню, и покосы. В прочих сложных общинах переделам подлежали одни покосы [2].

Для уравнительного распределения угодий в рассматриваемый период практиковались общие (коренные) и частные (называемые «скидками-накидками») переделы. Общие проводились при изменении численного состава в большинстве семей общины, в разверстке участвовали все домохозяева (но инициаторами выступали обычно малоземельные), изменялись границы наделных полос, количество и размер душевых паёв. Частные переделы, вызываемые изменениями в составе отдельных семей, проводились в промежутках между общими. При них в разверстку поступала лишь часть земли, делившаяся между небольшим числом домохозяев.

Важнейшим вопросом при земельных переделах являлся выбор на сходе вида разверсточной (раскладочной) единицы, связанной прежде всего со степенью земельной нужды в общине. Обычно разверсточной единицей была «душа», но в это понятие в разных общинах и в разное время вкладывали свой смысл. В результате последней X ревизии (1858 г.) все платежи и повинности, а, следовательно, и земля были распределены на сходах по числу в хозяйствах ревизских душ мужского пола. С прекращением ревизий число ревизских душ мужского пола в дворах оставалось прежним, но состав наличного населения либо сокращался (наделы же умерших сохранялись), либо рос (но землю не прибавляли). Поэтому от передела угодий по ревизским душам мужского пола во многих общинах постепенно перешли к другим разверсточным единицам. В конце 1880-х гг. из 148 общин Усть-Сысольского уезда в 18-ти землю переделали по наличным душам мужского пола, в 21 общине – по работникам мужского пола (в возрасте от 20 до 60 лет), в 58 общинах – по наличным душам обоего пола (по едокам), а в 51 (34,0%) еще оставалась разверстка по ревизским душам мужского пола. В Яренском уезде в то же время разверстка земли по ревизским душам мужского пола сохранялась в шести (15%) общинах, по наличным душам мужского пола земля распределялась в 17, по едокам обоего пола – в 18 общинах [3]. Таким образом, к распределению земли по едокам к концу 1880-х гг. перешли 39,0% общин Усть-Сысольского и 44,0% общин Яренского уездов, где особенно остро чувствовался дефицит удобных угодий. П.В. Котляревский отмечал, что «по понятиям крестьян передел по едокам лучше всего отвечает идее справедливого удовлетворения каждого однообщинника» [4].

Исследовавшая землепользование крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX вв. Т.И. Беленкина отмечала, что несмотря на существование общинного землепользования, практиковались только частичные отрезки земельных участков, то есть крестьяне ограничивались частными переделами [5]. По мнению В.А. Александрова, именно частные переделы земельных угодий составляли основу повседневной тяглоземельной общинной практики, необходимость в которых вызывалась ограниченным количеством годных к хозяйственному освоению земель [6].

Топограф М.А. Большаков, исследовавший порядки общинного землепользования в верхне-вычегодских волостях в 1902 г., в работе «Община у зырян» (СПб., 1907. С. 77) писал, что определить точное время возникновения общих земельных переделов во всех общинах невозможно, но число общин с общими переделами в 1870–1880-е гг. росло как в верхневычегодских, так и в других волостях Усть-Сысольского уезда.

Согласно статье 54 Общего положения 1861 г. решения об общих переделах общинных угодий принимались на сельских сходах, в которых сначала участвовали с правом голоса пользовавшиеся наделами домохозяева. По указу Правительствующего Сената (№ 5337 от 23 марта 1888 г.) при обсуждении вопроса о переделе мирской земли право голоса на сходе получили и домохозяева, имевшие лишь усадебную оседлость. Согласно статье 54 Общего положения 1861 г. приговор схода о проведении общего земельного передела признавался законным, если на нем присутствовали не менее 2/3 домохозяев и за него проголосовали не менее 2/3 присутствовавших. Назначив время проведения передела, сход избирал из числа добросовестных крестьян мерщиков. Приняв присягу, они приступали к определению размера подлежащих переделу угодий, распределению их по сортам и к уравнительной разверстке между домохозяевами в соответствии с определенной сходом разверсточной единицей. Эти результаты записывал в поземельную книгу писарь, которого нанимали на деньги, взимавшиеся потом с общинников в пользу мирского сбора. Итоги работы мерщиков и записи в поземельной книге рассматривались на новом сходе.

По отчетам сельских старост за 1891 г. в Яренском уезде после X ревизии из 19 сельских обществ общие переделы проводились в 18, с интервалами через 3, 4, 5, 6, 8, 10, 15 лет. В 19-м Айкинском обществе первый общий передел после X ревизии состоялся лишь в начале 1891 г. Из 43 сельских обществ Усть-Сысольского уезда по состоянию на 1891 г. общие земельные переделы практиковались в 33, с промежутками в 5, 6, 8, 9, 10, 12, 15 лет. В прочих 10 сельских обществах (Коберском, Печорском, Ношульском и др.) после X ревизии общих переделов к 1891 г. не было. В них сохранилось осуществленное при X ревизии распределение земли по ревизским душам мужского пола, выгодное малосемейным дворам с земельными излишками и поддерживаемое ими [7].

Рассматривая общинное уравнительное землепользование как фактор, сохраняющий крестьян в качестве исправных налогоплательщиков, правительство установило строгий контроль за проведением общих земельных переделов со стороны местных правительственных учреждений по крестьянским делам. Так, в указе Правительствующего Сената (№ 706 от 1 фев. 1891 г.) говорилось, что «мирские приговоры о переделе земли в установленном порядке составленные, могут быть исполняемыми немедленно по постановлению и записи их в указанную статью 57 Общего положения 1861 г. книгу, если не будут приостановлены в своем исполнении по особому распоряжению учреждений по крестьянским делам». Чиновник по крестьянским делам Ф.А. Арсеньев Усть-Сысольского уезда еще раньше в циркулярах волостным правлениям за 1883–1884 гг. неоднократно отмечал, что приговоры сельских сходов об общих земельных переделах записываются «необстоятельно и коротко, а должны излагаться с положительной точностью». По его словам, на эти недочеты во время ревизии Усть-Сысольского уезда указывал сам губернатор [8]. Следует отметить, что постановления сходов о разверстке земли в соответствии с примечанием 3 к статье 51 Общего положения 1861 г. и решениями Правительствующего Сената (№ 309 за 1878 г., № 5251 за 1884 г.) чиновники рассматривали в основном с формальной стороны, учитывая соблюдение сходами при составлении и принятии приговоров 51–54 статьей Общего положения 1861 г. и других законодательных актов. Тот же Ф.А. Арсеньев постановлением от 26 ноября 1885 г. отменил приговор схода крестьян Богородского общества об общем переделе, так как были нарушены пункт 6 статьи 188 Общего положения 1861 г. и указания Правительствующего Сената. Решив провести общий передел по числу наличных едоков, сход исключил из их числа домохозяев, не уплативших все подати. Между тем по пункту 6 статьи 188 Общего положения 1861 г. и по решениям Правительствующего Сената (№ 171 от 13 янв. 1884 г. и № 456 от 31 янв. 1884 г.) сход при общих переделах мог отбирать у недоимщиков полевой надел частями, а полностью лишь в крайних случаях. Кроме того, приговор о переделе был составлен и принят на сходе всего сельского общества, а не на сходах селений, имевших отдельное землевладение. Согласно решениям Правительствующего Сената (№ 2914 от 27 апр. 1875 г., № 7410 от 19 фев. 1879 г. и др.) селения с отдельным от сельского общества землевладением при общем переделе должны были составлять свои приговоры, так как их домохозяева распоряжались землей самостоятельно [9].

Следили чиновники и за проведением частных земельных переделов. В циркуляре Вологодского губернского по крестьянским делам от 31 мая 1889 г. указывалось, что частные переделы в северных уездах Вологодской губернии (в отличие от некоторых южных) проводились раз в год во время раскладки податей и повинностей [10]. Об этом же свидетельствовали ответы старост большинства сельских обществ Усть-Сысольского и Яренского уездов, поступившие в канцелярию податного инспектора в 1891 г. [11]. При частных переделах установленные ранее границы наделных полос, количество и размеры душевых паев оставались прежними. Но из-за изменения состава отдельных дворов душевые наделы или их часть передавались из одной семьи в другую. Решение о том, сколько паев у кого отобрать, а кому передать принимали сходы (6 пункт, ст. 51 Общего положения 1861 г.). Однако единообразия во времени проведения частных переделов все же не было. По сведениям члена Усть-Сысольской земской управы В.Ф. Попова, (начало 1890-х гг.) ежегодные частные переделы при раскладке податей практиковались прежде всего в общинах Вычегодского края, где не всегда устанавливалось время следующих общих переделов, а в общинах по Сыsole «скидки-накидки» делали через определенные сходами промежутки. В общинах Вотчинской волости между ними был интервал в 5 лет, в Пажгинской и Гарьинской общинах Благовещенской волости к ним обращались по мере надобности. В четырех общинах Воронцовской волости, в Шиловской общине, в Еньяибской и Чукаибской общинах Визингской волости «скидок-накидок» между общими переделами не делали. Никогда не практиковались они в Ибской и Межадорской волостях [12]. Перевод земельных участков вызывал недовольство у лишавшихся их крестьян, и некоторые жаловались на решения сходов местным чиновникам. Крестьяне Макар Сватов и вдова Пелагея Лыжурова пожаловались чиновнику Ф.А. Арсеньеву на решение схода Богоявленского общества от 4 мая 1888 г., по которому до общей разверстки и не при раскладке податей у них отобрали часть наделов. Но чиновник ответил, что «жалоба не заслуживает уважения, поскольку с формальной стороны приговор схода был составлен правильно» [13]. По приговору схода крестьян дер. Большелузской Богородского сельского общества от 16 января 1896 г. при раскладке податей у крестьянина Егора Игушева часть надела (на $\frac{1}{2}$ души) передали двум домохозяевам, обосновав это тем, что сын Игушева с 1894 г. находится на военной службе. Игушев пожаловался чиновнику по крестьянским делам М.И. Шаламову, который признал приговор схода «ничтожным». Во-первых, был нарушен пункт 3 статьи 54 Общего положения 1861 г. (об участии в сходе не менее $\frac{2}{3}$ домохозяев), во-вторых, не была соблюдена статья 20 Положения об устройстве нижних чинов. По этой статье во время нахождения на воинской службе нижних членов, имевших надел общинной земли, последний оставался в пользовании у их семей [14].

Проверяя приговоры сходов о частных переделах, чиновники также обращали внимание на их оформление. Чиновник по крестьянским делам Яренского уезда Ф.С. Мысов не утвердил принятый в феврале 1886 г.

на сходе крестьян дер. Вездинской (Айкинская волость) приговор о частном уравнивании, поскольку в нем не было указано, в каком количестве, от кого и кому отводится земля и не установлен срок перевода [15].

Чиновник М.И. Шаламов в циркуляре волостным правлениям Усть-Сысольского уезда от 6 ноября 1895 г. указывал, что главным недостатком оформления мирских приговоров о частных переделах является обозначение переводившихся участков только по числу душ (1/8, 1/2 души и т.д.) без указания названий полей и пожен, а также их размеров в саженьях и «копнах». В итоге передавались участки, выбранные сельским старостой по его усмотрению; нередко лица, которым отводилась земля, самовольно захватывали понравившиеся им участки. Такая практика противоречила пункту 6 статьи 51 Общего положения 1861 г., по которому распоряжение общинной землей принадлежало сельскому сходу, а также вызывала злоупотребления, споры, жалобы и судебные разбирательства. Шаламов потребовал впредь указанных ошибок не допускать, возложив ответственность на самых грамотных лиц – на писарей, пригрозив им взысканием по статье 125 Общего положения 1861 г. [16].

Частое и несвоевременное проведение в общинах «скидок-накидок», сопровождавшееся нарушениями законодательства и жалобами, происходившее в результате дробление наделов, возникавшая из-за неустойчивого землепользования незаинтересованность хозяев в их удобрении, возможность полного обезземеливания некоторых дворов и потеря их как налогоплательщиков беспокоили правительственную администрацию. Вологодский губернатор М.Н. Кормилицын считал частные переделы общинных наделов «одним из зол, растлевающих деревню». По его мнению, они вызывались «не столько действительной потребностью в земле, сколько стремлением плохих хозяев воспользоваться результатами труда своих рачительных односельчан» [17].

Вологодское губернское по крестьянским делам присутствие еще в циркуляре от 31 мая 1889 г. предписывало чиновникам по крестьянским делам следующее: 1) в целях упразднения злоупотреблений со стороны должностных лиц сельского управления и отдельных домохозяев приговоры сходов о частных переделах проверять до их проведения в жизнь и отменять, если они были составлены не с целью уравнивания, а под влиянием разных неблагоприятных факторов (угощение вином и пр.); 2) частные уравнивания земли допускать один раз в год одновременно с распределением податей и повинностей, в остальное время их следует избегать [18].

Однако развитие в деревне капиталистических отношений накладывало определенный отпечаток и на поземельные порядки. Это проявлялось в частности в усиливавшейся борьбе между малоземельными, требовавшими уравнильных переделов, и протестовавшими против них состоятельными общинниками. Последнее, стремясь сохранить за собой лучшие по расположению и качеству наделы, подкупали сельское и волостное начальство и мерщиков, старались повлиять на решения сходов в своих интересах. Многие земельные переделы сопровождалась не только подачей жалоб, но и ссорами и драками. Это подтверждают многочисленные документы.

Свободу общины в проведении земельных переделов правительство ограничило утвержденными 8 июня 1893 г. «Правилами о переделах мирской земли» [19]. Если по Общему положению 1861 г. сроки переделов общинной земли определяли сами сельские сходы, то новый закон установил между общими переделами минимальный срок в 12 лет и отменил закон 1876 г., разрешавший проводить частные переделы в промежутках между общими. «Скидки-накидки» допускались лишь после увольнения домохозяина из общества или после его смерти, при неисправности в уплате податей и в некоторых других случаях. Изданный в период политической реакции 1880-х – начале 1890-х гг. закон отражал интересы состоятельных домохозяев, старавшихся сохранить излишки хорошо удобренной мирской земли. В лице зажиточного крестьянства правительство пыталось создать себе в деревне социальную опору. Несколько ограничив, но сохранив переделно-уравнительную функцию общины, закон 8 июня 1893 г. усилил над общиной контроль местных правительственных учреждений. Все приговоры сходов о земельных переделах обязательно должны были проверяться земскими начальниками и утверждаться их уездными съездами. Заменив чиновников по крестьянским делам, они сочетали в одном лице административную и судебную власть и были наделены полицейскими полномочиями. Однако закон о земских начальниках, принятый 12 июля 1889 г. [20], сразу был проведен в жизнь лишь в центральных губерниях России, а на Усть-Сысольский и Яренский уезды распространен только с 1 июля 1899 г.

Таким образом, вместе с усилением в крестьянском землепользовании общинных начал в рассматриваемые годы росло вмешательство государства в поземельную деятельность общины.

Источники и литература

Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ), собр. 2, т. 36, ст. 36660.

Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI. С. 29–30.

Котляревский П.В. Экономический быт крестьян северо-восточной половины Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1892. № 41.

Там же. 1892. № 41.

Беленкина Т.И. Землепользование крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). Пермь, 1982. С. 100.

Александров В.А. Сельская община в России (XVI – нач. XIX вв.). М., 1976. С. 238.

Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 155. Оп. 1. Д. 19. Л. 4об.–287, 294–410об. Подсчитано нами.

Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 147. Л. 3; Ф. 40. Оп. 1. Д. 328. Л. 2.

Там же. Ф. 39. Оп. 2. Д. 16. Л. 30–30 об.

Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 32. Л. 5 об.–6.

Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 45. Л. 8–203, 208–293.

Попов В.Ф. Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1903. С. 22–23.

НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 291. Л. 30–31.

Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 477. Л. 49–50.

Российский Государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 35. Д. 32. Л. 2об.

НАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 262. Л. 23–24.

Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 32. Л. 3–4.

Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 147. Л. 35–35 об.

ПСЗ, собр. 3, том 13, ст. 9754.

ПСЗ, собр. 3, том 9, ст. 6196.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В КОМИ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: КУЛЬТУРА СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

*В.И. Чупров**

На крестьянскую общину в России вообще, и в Коми крае в частности, после отмены крепостного права со стороны государства были возложены многие обязанности, функции, в том числе и культурная – поддержка школ, библиотек, организация досуга и многие другие.

К началу XX в. со стороны крестьянских общин Коми края возрос интерес к различным типам образования, в первую очередь к начальному. Однако в силу социально-экономических и климатических условий оно не было достаточной степени доступным. Рассматриваемый период в Коми крае, как и по стране в целом, проходил под знаком введения всеобщего начального обучения и повышения уровня грамотности. Многие крестьянские общества принимают на сельских сходах приговоры, не только церковно-приходских школ и земских школ, но и двухклассных министерских, высших начальных и городских училищ. В 1903 г. Усть-Сысольское уездное земское собрание обсуждало ходатайство Нёбдинского сельского общества об открытии в селе двухклассного министерского училища. Прошло несколько лет, и в 1907 г. Нёбдинское одноклассное училище было преобразовано в двухклассное министерское [1]. В этом же году земское собрание заслушало приговор крестьян Вильгортской волости о преобразовании Вильгортского одноклассного земского училища в министерское двухклассное и возбудило ходатайство об этом [2].

К 1912–1913 учебному году, благодаря ходатайству крестьянских общин и поддержке земства в Усть-Сысольском уезде, имелось одно одноклассное (Ношульское) и четыре двухклассных (Визингское, Вильгортское, Корткеросское, Нёбдинское) министерских училищ, в Яренском уезде – пять двухклассных училищ (Важгортское, Готовское, Шешецкое, Ленское, Палевицкое), все – с шестилетним сроком обучения.

Во втором десятилетии начали открываться в Коми крае высшие начальные и городские училища, выполняющие роль неполных средних школ. В 1912 г. высшие начальные училища открылись в селах Ношуль и Усть-Вымь, в 1917 г. – в селах Визинга и Помоздино. В 1910 г. в Печорском уезде открылось Мохченское городское училище, в 1912 г. преобразованное в высшее начальное училище. По материальной базе, обеспеченности учебниками, книгами, наглядными пособиями, школьными зданиями и т.п. они считались лучшими в Коми крае, пользовались большой популярностью и поддержкой у коми крестьян, о чем свидетельствуют многочисленные ходатайства сельских общин перед земствами и Министерством народного просвещения об открытии училищ данного типа в селах Межадор, Деревянск, Нёбдино, Лойма и др. 1 июля 1914 г. в Усть-Сысольском уезде открылось Устькуломское высшее начальное училище. Разместилось оно в новом деревянном здании, специально для него выстроенном [3].

Многие крестьянские сходы не просто ходатайствовали об открытии того или иного учебного заведения, но и принимали решения о выделении земли под здание школы и строительство самой школы. Характерно в этом отношении постановление Межадорского волостного схода. Во-первых, крестьяне Межадорской волости просили разрешения «построить новое деревянное здание под земское начальное училище на отведенном нашим обществом участке земли по установленному плану» в д. Морозовской и «в самом центральном месте» с. Межадор, открыть двухклассное министерское училище «постройка здания для которого нами будет производиться» [4].

В 1906 г. Уркинское сельское общество с пособием от земства выстроило для земского училища каменное здание [5]. 17 марта 1912 г. Помоздинское волостное правление сообщало инспектору народных училищ 1-го участка 8-го района Вологодской губернии, что крестьяне «заготовили и доведем до постройки городского училища до 1000 бревен». А пока здание не построено, крестьяне с. Помоздино на сельском сходе «обязались впредь до выстройки училищного здания использовать дом церковно-приходского попечительства Успенской церкви довольно поместительный и соответствующий своему назначению или принять на счет своего сельского общества расходы по найму квартиры для училища, учителя, инспектора и в течение одного года выстроить соответствующее здание» [6].

Хотя Коми край несколько отставал от более развитых регионов страны, тем не менее в Усть-Сысольском и Яренском уездах в 1917 г. было открыто необходимое для введения всеобщего начального обучения количество школ, и по обучаемости регион имел наилучшие результаты по Вологодской губернии. Если в школах губернии обучалось 51,4% детей школьного возраста, то в Яренском – 72,8%, а в Усть-Сысольском – 68,8% [7].

Часто волостные правления ходатайствовали перед уездными земскими управами о выдаче стипендий уроженцам их селений. Так, 24 августа 1912 г. на сельском сходе обсуждалось письменное заявление крес-

* **Чупров Владимир Иванович** (1942–2015, Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

тьянской вдовы починка Введенского Дарьи Яковлевны Резицыной на имя межадорского волостного правления о помощи в обучении дочери. Крестьяне единогласно постановили: «выйти сим приговором с ходатайством перед Устьсысольским уездным земским собранием сего 1912 г. о выдаче крестьянской девушке нашей Межадорской волости Анне Репицыной стипендии на обучение ее в Устьсысольской женской гимназии» [8]. Таким образом, в деле развития народного образования в Коми крае, наряду с Министерством народного просвещения и земскими учреждениями, свою роль сыграли и крестьянские общины, тем более благодаря им образовательный процесс шел значительно быстрее, чем в предыдущий периоды.

Вторым направлением культурной деятельности сельских общин Коми края явилось участие крестьян в народных чтениях. Усиленное внимание к просвещению земледельческого населения в начале XX в. находит объяснение в изменении весьма многих общих условий местной сельскохозяйственной действительности. В этот период обнаружился усиленный интерес со стороны самого населения ко всем возможным и доступным ему способам улучшения хозяйства, появился широкий спрос на советы, на сельскохозяйственные беседы, на систематические курсы по сельскому хозяйству вообще и по отдельным его отраслям. Появилась в деревне и достаточно организованная аудитория – члены потребительских коопераций. К 1910 г. в Устьсысольском уезде прошло 201 чтение со 18 691 крестьянами, в Яренском – 51 со 3 658 слушателями [9]. Сельские общества проявили себя также в организации публичных библиотек и библиотек-читален. Этому способствовал рост грамотности населения к началу XX в. Интенсивный рост библиотек начался в конце XIX в. по инициативе крестьянских общин. Первые волостные библиотеки в Яренском уезде появились в 1897 г.: Сереговская, Княжпогостская, Турьинская, в Усть-Сысольском уезде первая волостная библиотека возникла в 1894 г. при Троицко-Печорском начальном училище. В 1897 г. начала свою деятельность Вильгортская волостная бесплатная библиотека-читальня. Отчет о деятельности библиотеки ежегодно заслушивался на волостном сходе. К началу XX в. в Усть-Сысольском уезде действовало шесть бесплатных народных библиотек. А затем многие волостные сходы принимают решение об открытии народных бесплатных библиотек. В 1908 г. в Усть-Сысольском уезде работали 27 бесплатных народных библиотек и 30 бесплатных библиотек при земских народных училищах [10].

В целом, оценивая роль сельской общины в культурном развитии села, можно отметить положительную роль в развитии народного образования, библиотечного дела и культурно-просветительской деятельности.

Источники и литература

1. Журналы Устьсысольского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 2 августа и XXXIX очередной сессии 1908 года с приложениями. Усть-Сысольск, 1909. С. 198.
2. Журналы Устьсысольского уездного собрания XXXVIII очередной сессии 1907 года и доклады управы с приложениями. Усть-Сысольск, 1908. С. 31.
3. Бондаренко О.Е. Обучение крестьянских детей в высших начальных училищах Коми края // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всерос. науч. конф. Вологда, 1992. С. 198–200; Безносилов Я.Н. Развитие начального образования в Коми АССР. Сыктывкар, 1973. С. 17; Культурное строительство в Коми АССР (материалы для агитаторов). Сыктывкар, 1939. С. 7.
4. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 61. Оп. 1. Д. 543. Л. 96–97, 118–119.
5. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 69. Л. 82.
6. НАРК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 344. Л. 4, 9.
7. Трутовский В. Современное земство. СПб., 1914. С. 73–74.
8. НАРК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 543. Л. 95–96.
9. Лосев С. О низших учебных заведениях за 1910 год // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 14. С. 109.
10. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 149.

СУХАНОВЫ. ХРОНОГРАФ (1903–1909)*

*Н.В. Суханов***

1903

Интересно сравнить между собой дома, принадлежавшие Сухановым, по величине годового городского сбора: Алексей Ефимович, гласный городской думы, 12 поколение, семья № 13/4, за деревянный двухэтажный дом в 1 квартале на красной линии заплатил 15 рублей, наследники Алексея Павловича, мещанина, семья № 5, за дом в 21 квартале – 1 рубль, Николай Иванович, старший фельдшер земской больницы, 12 поколение, семья № 14/4, за деревянный двухэтажный дом в 22 квартале (ул.Береговая) – 7 руб., наследники Михаила Александровича за двухэтажный дом рядом с предыдущим домом – 1р. 50 коп. Сравнение не в пользу наследников [1].

– 28 февраля*** – вдова Александра Ивановича Суханова, 12 поколение, Павла Михайловна, семья № 4, и помощник провизора Устьсысольской земской аптеки, коллежский регистратор Александр Александрович Суханов, 13 поколение, семья № 16/4, были восприемниками Евдокии, дочери мещанина Георгия Михайловича Забоева (брата Павлы Михайловны. – *Н.С.*) и Марии Иосифовны [2].

– 19 марта – увольняется Усть-Сысольский городской голова И.П. Комлин от названной должности, согласно прошению [3].

– 28 апреля – Потеминский Всеволод Иванович, будущий святой новомученик и исповедник Российский (мой дедушка. – *Н.С.*), определен и 3 июня рукоположен во священника к Семуковской Николаевской церкви Яренского уезда (теперь Усть-Вымский район) [4].

– 20 мая – Елена Алексеевна Суханова, 12 поколение, семья № 5, помощница учительницы Объячевского земского начального училища, переведена на должность второй учительницы того же училища [5].

– 1 июня – родилась Антонина, дочь помощника провизора Устьсысольской земской аптеки Александра Александровича Суханова и Марии Ильиничны, 14 поколение, семья № 16/4. Восприемницей была помощница учительницы Небдинского земского училища Валентина Александровна Суханова, 13 поколение, семья № 4 [6].

– июль – Иван Александрович Суханов, 13 поколение, семья № 4, стал работать фельдшером Щугорского фельдшерского пункта. Здесь он познакомился с Виктором Алексеевичем Савиным, тогда волостным писарем [7].

– 2 июля – утвержден, согласно избранию, «заступающий место Устьсысольского городского головы», член городской управы Тентюков (Егор Михайлович. – *Н.С.*) в должности Устьсысольского городского головы на остальной срок текущего четырехлетия [8].

– 1 сентября – Агния Андреевна Данышикова (будущая Суханова) из Ручевской школы грамоты переведена в Вотчинскую земскую школу (одну из лучших) на должность учительницы [9].

– 15 сентября – бракосочетались псаломщик Объячевской Николаевской церкви Петр Павлович Сивергин (27 лет, первым браком) и учительница Объячевского начального земского училища девица Елена Алексеевна Суханова (30 лет). За жениха поручились мещанин Михаил Александрович Тебеньков и канцелярский служитель Михаил Семенович Могилев [10].

– 26 октября – на 10 часов утра назначен публичный торг на продажу движимого имущества брата Павлы Михайловны Сухановой, урожденной Забоевой, купца Александра Михайловича Забоева и жены его Анны Павловны, в том числе: домашней обстановки, мебели, посуды, домашнего скота, экипажей, летней и зимней одежды и обуви и мануфактурного товара на удовлетворение взыскания по исполнительным листам в пользу крестьян Антупьевых [11].

1904

– 4 января – умер Александр, родился 5 мая 1901 г., 13 поколение, семья № 14/4, сын Николая Ивановича Суханова и Марии Владимировны, от английской болезни (рахита. – *Н.С.*) [12].

– 14 января – на заседании Городской думы, одним из гласных которой с 1901 года являлся Алексей Ефимович Суханов, был заслушан доклад Ревизионной комиссии о работе библиотеки-читальни. Комиссия сделала ряд замечаний в адрес заведующего, учителя-инспектора городского училища А.Н. Малышева, отца будущего знаменитого танкового наркома и атомного министра Вячеслава Малышева (родился в Усть-Сысольске

* Материалы о жизни Сухановых в предыдущий период публиковались автором в журнале «Известия Общества изучения Коми края».

** Суханов Николай Владимирович (1937–2013, Сыктывкар) – краевед, исследователь генеалогии и истории.

*** Даты приводятся в старом летоисчислении.

в 1902 г.). Почему-то большинство замечаний относилось не к библиотеке-читальне, а к городскому училищу, точнее, фактам выявленной «прогрессивной убыли детей мещан г. Усть-Сысольска, обучающихся в Усть-Сысольском городском трехклассном училище».

Так, в текущем учебном году училищное начальство исключило более десятка учащихся. Приём в училище детей городских обывателей из года в год сокращается, в 1903 г. из мещанского сословия не принят ни один.

Собрание думы согласилось с выводами комиссии и постановило доложить обо всем Начальнику губернии и Директору народных училищ, а вместо Александра Николаевича Малышева просить утвердить в должности заведующего библиотекой-читальней (без Вологды – нельзя!) учителя городского приходского училища Андрея Андреевича Цембера.

Такой «накат» не прошел для Малышева бесследно, а честь учительского мундира не позволила ему дожидаться решения высокого Вологодского начальства. Александр Николаевич с семьей уехал из Усть-Сысольска. Наивные предки! Знали бы они о нашем времени... [13].

– 25 января – коллежский регистратор Александр Александрович Суханов и титулярный советник Иван Константинович Макарьин поручились за невесту, купеческую дочь девицу Елизавету Аифаловну Кузьбожеву (20 лет). Жених – учитель Усть-Сысольской Нижнеконской церковно – приходской школы, кончивший курс Вологодской духовной семинарии Михаил Ильич Тюрнин [14].

– 18 апреля – начало трудовой деятельности Николая, родился 30 ноября 1883 г., 13 поколение, семья № 13/4, сына Алексея Ефимовича Суханова и Александры Павловны, в должности фельдшера Усть-Сысольской городской больницы [15].

– 20 мая – на этот день назначен публичный торг на продажу недвижимого имущества, принадлежащего усть-сысольским мещанам Александру Алексеевичу, 12 поколение, семья № 5, и Александре Васильевне Сухановой (его матери. – *Н.С.*), находящегося в 21 квартале города под № 389 и заключающегося в деревянном старом доме с надворными постройками и землей. Имение назначено в продажу на удовлетворение взыскания денег в пользу бывшей мещанской девицы Елены Алексеевны Сухановой (сестре Александра), а в данное время жены псаломщика Сивергиной. Оценено имение в 400 рублей [16].

– 28 июня – умерла Сивергина (Суханова) Елена Алексеевна, учительница Объячевского земского начального училища [17].

– 1 июля – распоряжением Г. Управляющего Санкт-Петербургским учебным округом назначены: 1) учитель-инспектор Усть-Сысольского городского училища Малышев на должность штатного учителя в Великолуцкое городское училище; 2) штатный учитель Вологодского городского училища Чиркин на должность учителя-инспектора в Усть-Сысольское городское училище [18].

– 16 июля – директор народных училищ Вологодской губернии Флеров направил в адрес Усть-Сысольской городской управы для доклада городской думе мнение об ошибочности выводов, сделанных думой на январском заседании о преднамеренном со стороны учителя-инспектора Малышева вытеснении из училища детей городских обывателей. Число таких детей действительно уменьшилось, но по другим, объективным причинам. Заключение городской управы (перечеркнуто): «Так как Г. Малышев в настоящее время смещён с должности учителя-инспектора и выехал из г. Усть-Сысольска, то дальнейшее производство о раскрытии фактов вытеснения из городского училища учеников городских обывателей по мнению управы теперь является уже лишним» [19].

– 15 августа – на общем собрании мещан г. Усть-Сысольска заслушано Отношение уездного исправника о ежемесячном сборе добровольных пожертвований от его имени на содержание малолетней Екатерины, дочери мещанской вдовы Неонилы Владимировны Комлиной (сестры Марии Владимировны Сухановой. – *Н.С.*). Лицу, содержащему Екатерину, ежемесячно выплачивается из собранных денег по 4 рубля. Уездный исправник считает такой порядок неудобным и ходатайствует перед мещанским обществом о его изменении. Постановили: так как Неонила Комлина является арендаторшей городских земель, то пусть решает городская дума [20].

– 20 августа – на заседании Городской думы, при обсуждении вопроса о помещении для женщин в арестантских камерах, была зачитана справка городской управы о том, что помещение, занимаемое Полицией командой и арестантскими камерами, было построено прежним владельцем Николаем Сухановым специально для этих целей, в том числе и для задержанных женщин. Сейчас же ремонт здания входит в обязанность его нового владельца Петра Васильевича Жеребцова. К тому же в скором времени Полицейская команда должна будет переехать в помещение на втором этаже пожарного обоза [21].

– 14 декабря – на заседании Городской думы слушали отношение Усть-Сысольского мещанского старосты о принятии мер к призрению и воспитанию малолетней мещанской дочери Екатерины Комлиной, так как мать её, Неонила Владимировна, будучи одержима тихим умопомешательством, не способна воспитывать свою

дочь. В связи с этим мещанское общество рекомендует содержать и воспитывать Екатерину Комлину на доходы земель, состоящих в аренде матери её Неонилы Комлиной. Постановили: поручить Городской управе войти в соглашение с кем-либо из обывателей города о принятии на содержание малолетней Екатерины Комлиной с правом пользования городской пожней «Ляйкодж» на 14 копен [22].

– 18 декабря – Бетехтин Георгий Ильич, крестьянин Никольского уезда, Подосиновской волости, дер. Стригино, приобрел с публичного торга деревянный старый одноэтажный дом с надворными постройками и землей, находящимися в 26 квартале города под № 464 [23]. (С сыном Георгия Ильича, Анатолием, будущим академиком, мой отец учился в Усть-Сысольской мужской гимназии. – *Н.С.*).

1905

– В списке арендаторов пахотных земель и сенокосных угодий: Николай Иванович Суханов, 12 поколение, семья № 14/4, (пожни на 26 возов сена, поля на 23 пудовки ржи); наследники Александра Ивановича Суханова (1850–1889), семья № 4 (пожни на 33 воза, поля на 22 пуд.); Алексей Ефимович Суханов, 12 поколение, семья № 13/4, (пожни на 37 возов, поля на 38 пуд.). В перечне присутствуют также наследники Алексея Павловича (1827–1895) и Александры Васильевны Сухановых, 11 поколение, семья № 5, и Вера Адриановна Безсонова (дочь Адриана Алексеевича Цивилева и Марии Ефимовны Сухановой), но все их пожни и поля зачеркнуты [24].

– 14 января – на заседании городской думы слушали прошение мещанина Александра Ивановича Безсонова о разрешении открыть и содержать в г. Усть-Сысольске гостиницу с рестораном и номерами для проезжающих, в доме жены своей Веры Адриановны Безсоновой, с правом продажи водки и других напитков произвольной мерой и ценой, с правом торговли до 12 часов ночи, по патенту 2 разряда. Постановили: разрешить открыть и содержать в 1905 г. заведение трактирного промысла в доме жены его Веры Адриановны Безсоновой, находящемся вне кварталов города, по Северо-Загородной улице, напротив 22 квартала [25].

– 14 февраля – Сивергин Петр Павлович (род. ок. 1876), псаломщик Объячевской Николаевской церкви, вдовец (был женат первым браком на Елене Алексеевне Сухановой (6.7.1873–28.6.1904), 12 поколение, семья № 5, бракосочетание 15.9.1903), женился вторым браком на Марии Ивановне Улетиной [26].

6 мая – умер Алексей, 6 лет, от воспаления лёгких, сын Митрофана Ивановича Чуистова и Клавдии Алексеевны (род. 25.12.1864), урожденной Сухановой, 12 поколение [27].

– 23 мая – на заседании Городской думы был заслушан доклад церковного старосты Устьсысольского Троицкого собора об очистке существующей глубокой водосточной канавы вокруг соборных церквей и о настилке дна канавы стволами толстой ивы или жердями и, закрыв тёсом, завалить землей ниже уровня грунта на один аршин, чтобы эта верхняя часть канавы осталась для стока весенней и дождевой воды, бока канавы обложить срубом и затем покрыть плахами. Гласный П.В. Жеребцов напомнил, что канава эта устроена была лет 47 назад для отвода подпочвенных ключей от соборных церквей, дабы не смывался грунт земли под этими церквями. И что городское общество тогда всё выполнило натурой, поэтому и теперь следует просить мещанского старосту обсудить эту проблему на общем собрании. Так и порешили. (Я помню, как мой отец, Владимир Николаевич Суханов (род. 17.3.1898), 13 поколение, семья № 14/4, уже после ВОВ рассказывал представителю московской комиссии про эту канаву и показывал из окна нашего дома на ул. Береговой, д. № 6 на сохранившиеся кое-где остатки канавы с гнилыми плахами. – *Н.С.*) [28].

– июль – Вера Адриановна Безсонова продала свой дом на Северо-Загородной улице В.П. Комлину с правом жить ещё в этом доме до 1 августа 1906 г. [29].

– сентябрь – в списке лиц, имеющих право участвовать в выборах гласных в Устьсысольскую городскую думу на четырехлетие с 1906 г.: Безсонова Вера Адриановна, мещанская жена (имение оценено в 500 руб.), Забоев Александр Михайлович, мещанин (брат Павлы Михайловны Сухановой – 1800), Клеопатрова Надежда Ефимовна, урожденная Суханова, жена чиновника (700), Попов Василий Филиппович, крестьянин (500), Суханов Алексей Ефимович, мещанин (1500), Суханова Мария Владимировна, мещанская жена (650), Сухановых Михаила, Ивана и Ефима Александровичей мещан наследники Николай Иванович и Алексей Ефимович Сухановы и Павла Михайловна Суханова, урожденная Забоева, вдова Александра Ивановича (семья № 4) (900), Цембер Андрей Андреевич, мещанин (300) и др. [30].

– 17 ноября – состоялись выборы гласных в городскую думу на четырехлетие с 1906 г. [31].

Семья № 4. Глава семьи Павла Михайловна Суханова (род. в 1858), 12 поколение, вдова Александра Ивановича. Её сыновья: Николай (род. 8.5.1878), 13 поколение, в этом году изгнан из правительственных учреждений г. Устьсысольска, так как имел две судимости за противоправные действия [32].

Иван (род. 16.11.1884), 13 поколение, в августе этого года переведен на должность фельдшера Нёбдинской больницы [33].

Семья № 5. Глава семьи Александр Алексеевич Суханов (род.26.7.1858), 12 поколение. В призывном списке на 1906 г. Алексей Александрович Суханов (род.13.9.1885), 13 поколение, холостой, грамотный. В графе занятие или ремесло значится – портняжит. Его брат Василий (род.7.12.1883) состоит на действительной службе [34].

– 19 января – Александр Алексеевич и дворянин Александр Павлович Попов поручились за невесту, мещанскую дочь девицу Ольгу Михайловну Тебенькову, дочь Михаила Александровича Тебенькова и Марии Алексеевны (Сухановой?). Жених – псаломщик Объячевской Николаевской церкви Петр Львович Попов [35].

– 17 марта – умерла мама Александра Алексеевича, мещанская вдова Александра Васильевна Суханова, 11 поколение (80 лет, от старости) [36].

– 5 апреля – на заседании Городской думы слушали прошение мещан Александра Алексеевича Суханова и Ивана Григорьевича Забоева о переводе от первого на второго пожни «Артем-видзь-ди», представляющую из себя островок на 4 копны, вследствие выдачи Сухановым дочери своей Александры (род.12.5.1882), 13 поколение, замуж за Забоева (бракосочетание 10.11.1899 г.). Прошение отклонено в связи с имеющейся задолженностью [37].

Семья № 13/4. Глава семьи мещанин Алексей Ефимович Суханов (род.24.9.1858), 12 поколение, жена Александра Павловна (род. ок. 1863). Их сын Павел (род.28.7.1885), 10 мая окончил фельдшерскую школу и находится в Призывном списке на 1906 г. Среди братьев – Николай (род.30.11.1883), состоит на действительной службе по призыву 1905 г. [38].

– 8 июня – Алексей Ефимович Суханов продал принадлежащий ему деревянный двухэтажный дом с надворными постройками и землей, находящийся в 1 квартале города на Красной линии под литерой «А», торгующему крестьянину Владимирской губернии, Ковровского уезда, Ивану Дмитриевичу Чернышеву за 2000 рублей [39].

Семья № 14/4. Глава семьи Николай Иванович Суханов состоит в списке лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу, как получающий пенсию (ослеп из-за глаукомы?) [40].

Семья № 16/4. Глава семьи Александр Александрович Суханов (род.20.7.1875 г.), 13 поколение, состоит в списке лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу, но то, что он является помощником земского аптекаря зачеркнуто, а написано, что он уплачивает квартирный налог (болен?) [41].

– 26 августа – родилась Ариадна, 14 поколение, дочь помощника провизора Устьсысольской земской аптеки Александра Александровича Суханова и Марии Ильиничны [42].

1906

Среди лиц, за которыми имеется хлебная недоимка за прошлые годы, Сухановы: Алексей Павлович, 11 поколение, семья № 5; Александра Михайловна (1831–1893), 11 поколение, семья № 4; Александр Иванович, 12 поколение, семья № 4; Александр Алексеевич, 12 поколение, семья № 5. Брали для посева из общественного хлебозапасного магазина [43].

– 7 июня заштатный протоиерей Устьсысольского Троицкого собора Андрей Васильевич Попов составил завещание на деревянный двухэтажный дом с надворными постройками и землей, расположенный в 22 квартале города под № 398, позднее – Кирова, 19 (рядом с домом Сухановых по улице Береговой, 6) в пользу дочерей своих Александры, Марии, Анны, Зинаиды, Елизаветы и Ольги с тем условием, что они будут содержать после его смерти мать их Глафиру Ивановну [44].

– 30 ноября избранные на очередной срок с 1906 года Устьсысольский городской голова Алексей Ефимович Суханов и члены управы Прокопий Алексеевич Елькин и Трофим Петрович Титов приняли присягу и приступили к своим обязанностям [45].

– 2 декабря на заседании городской управы под председательством А.Е. Суханова слушали о пожаре в доме Ястребовой, находившемся на косогоре берега реки Сысолы. При этом попытки вызвать пожарных ни к чему не привели, хотя стучали в дверь помещения пожарного обоза. Не было и постового на башне. Постановили: объявить строгий выговор старшему пожарной команды и наблюдающему на башне, а остальным по выговору. Дом сгорел полностью [46].

Семья № 5. 12 июня – Михаил Степанович Жеребцов, мещанин, внёс в городскую управу за Александра Алексеевича Суханова недоимочные деньги в сумме 49 руб. 73 коп. за аренду земли. Так как Суханов долговремен не заплатил, то постановлением городской думы пожня «Артем-видзь» переходит к Жеребцову [47].

– 7 августа – родилась Анна, дочь мещанина Митрофана Ивановича Чуистова и Клавдии Алексеевны (урожденной Сухановой из семьи № 5, 12 поколение) [48].

Семья № 13/4. 1 января – начало трудовой деятельности Павла, сына Алексея Ефимовича Суханова, в должности фельдшера Усть-Сысольской городской больницы [49].

– 29 апреля – на заседании городской управы рассмотрено прошение мещанина Алексея Ефимовича Суханова о разрешении постройки одноэтажного деревянного дома в 24 квартале на плановом месте под № 423 [50].

Семья № 14/4. 3 апреля от чахотки умерла Александра (род.5.12.1886), 13 поколение, старшая дочь Николая Ивановича и Марии Владимировны [51].

Семья № 15/4. 2 июля умерла в возрасте 75 лет Матрена Михайловна (урожденная Юркина), вдова мещанина Михаила Александровича Суханова (19.9.1825-12.5.1900), 11 поколение [52].

1907

Сведения о городе Усть-Сысольске: число жителей – 5109 обоего пола; число дворов – 923; площадей три: рыночная, Соборная и Стефановская [53].

– 24 Апреля – родился Николай, сын мещанина Ивана Григорьевича Забоева и Александры Александровны, урожденной Сухановой (из семьи № 5, дочери Александра Алексеевича). Восприемником был мещанин Алексей Александрович Суханов, дядя новорожденного [54].

– 26 Июня – на заседании городской думы под председательством городского головы Алексея Ефимовича Суханова впервые разделены места на кладбище в Кируле на места второго разряда с оплатой 50 копеек за квадратный аршин (вокруг церкви) и бесплатные [55].

– Август – Баварский подданный Георг Людвиг Зебальд просит разрешения открыть пивную лавку с торговлей «краспивною и на вынос» и склад в доме И.Д. Чернышева (бывшем А.Е. Суханова в 1 квартале под литерой «А») [56].

– 10 ноября – в ведомости «О недоимочных имуществах» в 1 квартале города значится крепостная пожня (?) наследников Ивана, Ефима и Михаила Сухановых. Долг составил 7 руб. 67 коп. Среди должников также Николай Иванович Суханов и наследники Михаила Александровича Суханова [57].

Семья № 14/4. Владимир Суханов (род.17.3.1898), 13 поколение, сын Николая Ивановича и Марии Владимировны, переведен с похвальным листом в старшее отделение Устьсысольского городского мужского приходского училища. С такими же успехами переведены в старшее отделение Анатолий Бетехтин, Стефан Вишерский и некоторые другие ученики [58].

Надежда Николаевна Суханова (род.28.8.1888), 13 поколение, состоит учительницей Визингского Министерского двухклассного училища. Окончила Мариинскую гимназию [59].

1908

– Устьсысольскому городскому голове Алексею Ефимовичу Суханову Высочайше пожалована Серебряная шейная медаль с надписью «За усердие» на Станиславской ленте [60].

– Сохранившиеся городские оценочные ведомости позволяют проверить наличие у Сухановых плановых мест и домов и их стоимости. Алексей Ефимович в 1905 г. продал принадлежавший ему деревянный двухэтажный дом с надворными постройками и землей на Красной линии в 1 квартале, за 2 тысячи руб. торгующему крестьянину И.Д. Чернышеву, и теперь у Алексея Ефимовича в 24 квартале два одноэтажных деревянных дома на плановых местах под № 424 (оценка 500 руб.) и 423 (300 руб.) и плановое место № 422 (50 руб.). Напомним, что к этому времени в семье Алексея Ефимовича и Александры Павловны выросли 8 детей.

Двухэтажный деревянный дом в 22 квартале под № 399, записанный на имя Марии Владимировны Сухановой (моей бабушки. – Н.С.), «потянул» на 600 руб., а рядом стоявший дом наследников Михаила Александровича Суханова – на 150 [61].

Ранее принадлежавший наследникам Алексея Павловича Суханова деревянный одноэтажный дом с мезонином под № 389 в 21 квартале теперь принадлежит протоиерею Устьсысольского Троицкого собора Александру Малевинскому (150 руб.).

– 30 января родился Николай, сын устьсысольского мещанина Михаила Ивановича Сорвачева и Марии Николаевны (это будущие дедушка и бабушка Сухановой Зои Ивановны) [62].

– 19 марта городская дума под председательством А.Е. Суханова приняла предложение обратиться через Вологодского губернатора в Правительство России с просьбой прекратить высылку в Устьсысольск под надзор полиции политических и уголовных преступников. А также разрешить немедленно высылать из города уголовников и лиц, нарушающих законы и правила поведения [63].

– Дума запретила застройку жилыми домами городской местности «Подгорье», так как пристанские участки из-за обмеления реки придётся разместить ниже по течению, от складочного амбара наследников Дмитрия Кирияковича Кузьбожева до ручья «Чеусов-шор» [64]. (В голодные послевоенные годы мы, ребята, проникали на грузовую пристань ниже «Банного» ручья и подбирали оставшийся после перегрузки подсолнечный жмых, который затем в течение нескольких дней с аппетитом жевали. – Н.С.).

– На этом же заседании Городская дума, в связи с устройством в Устьсысольске работного дома для бедных детей, определила ответственных лиц от каждой местности: от Кируля – П.А. Елькин и Ф.С. Вежев, от Изкара – И.С. Есев и Е.Е. Кудинов, от Котюнева – П.А. Клыков, от Тентюково – А.А. Малыгин и П.Е. Титов, от Титов-грезда – П.А. Титов, от Одок-грезда – А.Ф. Осипов, от Нижнего конца (часовня дор) – А.Е. Кузнецов [65].

– Гласный Городской думы Василий Филиппович Попов выступил с докладом об опасности прорыва перешейка между реками Вычегда и Сысола, что лишит город проточной воды. Другой, не менее серьезной проблемой является постепенный увал и периодические обрывы берега реки Сысолы, на котором расположены Троицкий собор и 22 квартал (начало улицы Береговой с расположенными на ней деревянными домами, в т.ч. двумя Сухановскими. – *Н.С.*). Необходимо принять неотложные меры, но предварительно произвести гидротехнические изыскания. Городская дума постановила: срочно обратиться за помощью в Вологду, к губернским властям [66].

– Что касается проведения железной дороги через Устьсысольский уезд и соединения рек Печоры и Вычегды, то созданная думой Комиссия признала себя некомпетентной [67].

– 23 марта родился Михаил, сын устьсысольского мещанина Георгия Ильича Бетехтина и Раисы Михайловны. Восприемники: сын родителей младенца Анатолий Георгиевич Бетехтин, (будущий академик, мой отец учился вместе с ним в устьсысольском мужском приходском училище, а затем в гимназии. – *Н.С.*) и мещанская дочь девица Надежда Никифоровна Никитина [68].

– 30 апреля на заседании Городской думы слушали прошение мещан Николая Адриановича Цивилева и Василия Николаевича Сорвачева о переводе из арендной статьи наследников Адриана Цивилева на имя Сорвачева пожни «Гусли-дор» на 5 копен, по той причине, что Цивилеву, сыну Адриана Алексеевича и Марии Ефимовны (урожденной Сухановой, 12 поколение, из семьи № 13/4. – *Н.С.*) необходимы деньги для продолжения образования в Казанском учительском институте [69].

– 12 августа на заседании Городской думы обсуждался вопрос о проведении русла реки Сысолы возле слободки «Кируль», то есть ближе к городу. Ранее уже было разрешено обывателям города прорыть канаву в местности «Ыджид-видзь-юр», которая хотя и была вырыта в незначительном размере, но в первое же весеннее половодье засыпана песком. Так как у города нет средств на технические сооружения по проекту специалистов-инженеров, то следует образовать особую комиссию и обратиться к губернским властям [70].

– 26 июня на заседании Городской думы слушали доклад городской управы с проектом обязательного постановления о ловле и истреблении бродячих собак без значков управы [71].

– 6 июля в Усть-Сысольске праздновали столетие со дня освящения одного из городских храмов – Спасской холодной церкви, надстроенной над Покровским собором с разрешения епископа Евгения [72].

– 12 августа на заседании Городской думы слушали прошение Николая и Степана Адриановичей Цивилевых и Максима Егоровича Юрьева о переводе на него полей «Вылыс-тыла» на 3 пудовки ржи и «Петух-шор-дор» (2 лоскута) на 7 пуд. ржи, ввиду того, что получаемые от Юрьева взамен полей средства Цивилевым необходимы для продолжения образования – Николаю в институте, а Степану в университете [73].

– В сентябре открылась Усть-Сысольская мужская прогимназия в 4-классном составе. В декабре того же года ей было присвоено имя Императора Николая Александровича [74].

– 17 октября на заседании городской думы был заслушан доклад управы об урожае пожен и полей, арендуемых Иваном Титовичем Безсоновым, который пояснил, что за полянку «Басана-ер» содержал старуху Парасковью Степановну Суханову. (Парасковья (1797–1884), 9-е поколение, семья № 12, дочь Степана Ивановича и Агафьи Федоровны, замуж не выходила, имела незаконнорожденного сына Анания. – *Н.С.*) [75].

Семья № 4. Глава семьи Павла Михайловна Суханова (ур. Забоева, 1858 г.р., 12 поколение). Её сын, Иван Александрович Суханов, род. 16.11.1884, 13 поколение, в январе этого года перевелся на должность фельдшера Подъельской больницы [76].

1909

– Устьсысольская городская управа составила список домовладельцев, обязанных ремонтировать деревянные тротуары (мостки) возле своих домов (плановых мест). К примеру, в 22 квартале от углового дома Сухановых, что на Соборном спуске, по улице Береговой, плановое место 399 (позже дом № 6), записанного на Марию Владимировну Суханову (мою бабушку, а дедушка Николай Иванович рано ослеп из-за глаукомы. – *Н.С.*), по направлению к началу улицы владельцами домов были: наследники Михаила Александровича Суханова, Любовь Еремеевна Косолапова, Иуда Герасимович Стенин. Далее по Северо-Загородной (теперь улица Горького): Михаил Иванович Пуцятю, Василий Филиппович Попов... (Я помню, как после ВОВ мостки возле наших домов ремонтировали пленные немцы, а конвоир с винтовкой меланхолично охранял их. Работали пленные не спеша, но качественно. Кстати, на деревянных мостках не было, и быть не могло луж, которых предостаточно сейчас на «асфальтовых» тротуарах. – *Н.С.*) [77].

– 3 февраля на заседании городской думы упоминается, что Торговый дом «Братья Дербеневы и К» ранее приобрел недвижимое имение в 1 квартале под №№ 7 и 8 от Александра Михайловича Забоева (брата Павлы Михайловны Сухановой. – *Н.С.*) [78].

– 25 февраля обсуждали места под строительство здания женской гимназии. Предложены на выбор три варианта: в местности «Чугун-грезд», за ручьем «Чеусов-шор» в «Париже», дума согласилась также уступить бесплатно два плановых места в 20 квартале города, которые от двух существующих зданий прогимназии отделяет плановое место Куратовой [79].

– Тогда же Городская дума единогласно высказалась за открытие в городе Устьысольске учительской семинарии и, в случае положительного вышестоящего решения, за бесплатный отвод для неё земли [80].

– 26 февраля на заседании Городской думы под председательством А.Е. Суханова было предложено возбудить в установленном порядке ходатайство о пожаловании Господину Вологодскому губернатору Алексею Николаевичу Хвостову Высочайшей награды – звания Почетного гражданина города Устьысольска. В ответной телеграмме губернатор Камергер Высочайшего Двора Хвостов выразил сердечную признательность и надежду послужить интересам Вологодского Севера и г. Устьысольска [81].

– Март – составлен план местности за ручьем «Чеусов-шор», известной под названием «Париж», с разделением на отдельные правильные участки, предназначенные под застройку. Составитель – Василий Николаевич Попов [82].

– 10 марта Вологодский окружной суд утвердил купчую крепость, совершенную уполномоченным думой городским головой А.Е. Сухановым, на покупку городом каменного двухэтажного дома наследников мещанской вдовы Александры Васильевны Жеребцовой в 1 квартале на Набережной улице (дом построен Алексеем Ивановичем Сухановым в начале XIX в. – *Н.С.*) за 6500 руб. [83].

– 21 апреля было заслушано решение Попечительского совета женской прогимназии о состоявшемся выборе для гимназии двух плановых мест в 20 квартале города под №№ 370 и 371. Совет благодарит думу за щедрый дар [84].

– Май – Августа Потеминская, род. 14.11.1891 г., дочь Всеволода Иоанновича Потеминского, ныне святого новомученика и исповедника Российского (сестра моей мамы. – *Н.С.*), окончила Устюжское епархиальное женское училище в первом разряде [85].

– Июнь – Алексей Алексеевич Суханов (род. 15.3.1899, 13 поколение, семья № 13/4), сын Алексея Ефимовича, окончил Устьысольское городское мужское приходское училище. Среди окончивших также Артемий Георгиевич Бетехтин и Василий Александрович Безсонов, внук Марии Ефимовны Цивилевой, урожденной Сухановой [86].

– 29 июля на экстренное заседание Городской думы приглашены с правом совещательного голоса член Государственной думы и миссионер Степан Николаевич Клочков и староста Троицкого собора В.Н. Тренин. Обсуждался вопрос о возбуждении ходатайства о перенесении Святых Мощей Святителя Стефана Велико-Пермского в город Устьысольск, в связи с появившимися газетными сообщениями о желании перенести Святые Мощи в Пермь. Кроме ходатайства решили организовать от города особую Депутацию [87].

– 6 августа Городская дума на экстренном заседании обсуждала ходатайство населения города Устьысольска перед Его Императорским Величеством о перенесении Святых Мощей Святителя Стефана Велико-Пермского из Москвы в Устьысольск. Избрана депутация, в состав которой вошел и городской голова А.Е. Суханов [88].

– Сентябрь – Усть-Сысольская женская прогимназия преобразована в 7-классную гимназию, тогда же открылась Усть-Сысольская мужская прогимназия в 4-классном составе [89].

– 1 сентября Мария Алексеевна, дочь Алексея Ефимовича Суханова, после окончания женской гимназии стала работать учительницей [90].

– 29 сентября городская дума рассмотрела прошение мещанской вдовы Александры Александровны Забоевой, урожденной Сухановой (род. в семье № 512.5.1882, 13 поколение) об оказании помощи, так как осталась с четырьмя детьми без средств к существованию. Постановили: выдавать ежемесячно по 1 руб. 50 коп. на ребенка [91].

– 31 октября нотариус Вологодского окружного суда утвердил купчую крепость на проданное за 3 тысячи руб. женой священника Надеждой Виссарионовной Шайтанской крестьянину Устюжского уезда Зосиме Дмитриевичу Следникову и вятскому мещанину Михаилу Ивановичу Шашину недвижимое имение в 24 квартале под № 428 и 429, состоящее из деревянного двухэтажного дома с постройками и землей (напротив плановых мест будущей женской гимназии. – *Н.С.*) [92].

– Ноябрь – городская управа представила в Городскую думу Перечень работ, необходимых для приспособления каменного здания, купленного городом у наследников Жеребцовых (в 1 квартале на красной линии, бывший дом, построенный Алексеем Ивановичем Сухановым в начале 19 века) под канцелярию Управления уездного воинского начальника и казарму конвойной команды [93].

– 17 декабря Городская дума рассмотрела прошение мещан Александра Алексеевича Суханова (род. 26.7.1858, 12 поколение, семья № 5) и Михаила Степановича Жеребцова о переводе от первого на второго шести участков полей «Чуриловщина». Постановили: перевести с обязательной уплатой недоимки [95].

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 120. Оп. 1. Д. 1153. Л. 22, 96 об., 99.
2. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 281. Л. 9.
3. Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1904. № 15.
4. Репрессированное православное духовенство Коми края. Сыктывкар, 2002. С. 10.
5. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 900. Л. 1 об.
6. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 281. Л. 17.
7. НАРК. Ф. р-3. Оп. 2. Д. 723. Л. 3.
8. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1125. Л. 195.
9. НАРК. Ф. р-3. Оп. 1. Д. 721. Л. 3.
10. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 281. Л. 52 об.
11. ВГВ. 1904. № 43.
12. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 300. Л. 54.
13. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3877. Л. 10 об.
14. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 300. Л. 46.
15. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 912. Л. 2.
16. ВГВ. 1904. № 17.
17. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 900. Л. 1 об.
18. ВГВ. 1904. № 33.
19. ВГВ. 1904. № 27.
20. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1125. Л. 411.
21. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3877. Л. 115.
22. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3877. Л. 234.
23. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1220. Л. 5.
24. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1197.
25. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3878. Л. 19 об.
26. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 318. Л. 56 об.
27. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 318. Л. 81 об.
28. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3878. Л. 80.
29. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1227. Л. 11.
30. ВГВ. 1905. № 38.
31. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3885. Л. 167.
32. Из автобиографии // НАРК. Ф. р-3. Оп. 2. Д. 725. Л. 3.
33. НАРК. Ф. р-3. Оп. 2. Д. 723. Л. 2.
34. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1201. Л. 61 об.
35. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 318. Л. 53.
36. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 318. Л. 76 об.
37. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3878. Л. 64.
38. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1201. Л. 63 об.
39. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1209. Л. 15.
40. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1196. Л. 51 об.
41. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1196. Л. 57 об.
42. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 318. Л. 32 об.
43. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1236. Л. 49.
44. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1247. Л. 27.
45. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1223. Л. 33.
46. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1223. Л. 36.
47. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1223. Л. 20.
48. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 336. Л. 27 об.
49. НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 917. Л. 2.
50. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1223. Л. 11.
51. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 336. Л. 81 об.
52. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1273. Л. 4.
53. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1269. Л. 142.
54. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 352. Л. 15 об.
55. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3883. Л. 145 об.
56. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1258. Л. 8.
57. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1364. Л. 40 об.

58. НАРК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 33. Л. 22 об.
59. НАРК. Ф. 230 Оп. 1. Д. 345.
60. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1620. Л. 1.
61. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1333. Л. 35 об., 37 об.
62. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 343. Л. 4 об.
63. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3884. Л. 54.
64. Там же. Л. 57.
65. Там же. Л. 60 об.
66. Там же. Л. 62 об.
67. Там же. Л. 64 об.
68. НАРК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 373. Л. 11 об.
69. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3884. Л. 76 об.
70. Там же. Л. 134 об.
71. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3884. Л. 112.
72. Вологодские епархиальные ведомости. 1908. № 15.
73. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3884. Л. 147 об.
74. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 147.
75. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3884. Л. 192.
76. НАРК. Ф. р-3. Оп. 2. Д. 723. Л. 4.
77. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1345. Л. 11.
78. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3885. Л. 24.
79. Там же. Л. 33 об.
80. Там же. Л. 34 об.
81. Там же. Л. 39, 56 об.
82. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1337. Л. 5.
83. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1366. Л. 2.
84. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3885. Л. 84.
85. Вологодские епархиальные ведомости. 1909. № 15.
86. НАРК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.
87. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3885. Л. 147.
88. Там же. Л. 151.
89. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 146.
90. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 352. Л. 88.
91. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3885. Л. 182 об.
92. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1349. Л. 12.
93. НАРК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1341. Л. 18.
94. НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 3885. Л. 267.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В КОМИ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ КООПЕРАТИВНО-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*В.И. Чупров**

В последние два десятилетия к проблеме крестьянской общины наметился большой научный интерес и он вполне закономерен. Община как социальный коллектив непосредственных сельскохозяйственных производителей отличалась многообразием функций, охватывающих по существу все основные стороны жизни крестьянства. Она ведала поземельными и хозяйственными, благотворительными и страховыми делами, выполняла податные, административно-управленческие и судебно-полицейские функции, осуществляла воспитательные, культурно-бытовые и религиозные мероприятия.

По мере социально-экономического и культурного развития, роста классовых противоречий в деревне изменялись функции общины, но, пожалуй, на всех этапах капиталистического общества она была наиболее универсальной и массовой организацией крестьян. Без ее изучения нельзя глубоко и всесторонне понять историю крестьянства, многогранные стороны жизни крестьянского мира. Задачей данной статьи является исследование кооперативно-благотворительной функции общины, которая предполагает взаимопомощь и сотрудничество, оказание продовольственной помощи в случае неурожая, материальную поддержку бедных, призрение сирот, больных и одиноких стариков, содержание школ, больниц, богаделен, хлебозапасных магазинов и других общественных заведений.

Поскольку в одной из наших работ некоторые стороны деятельности общины уже рассматривались, в частности, поддержка и содержание школ, библиотек, больниц и других общественных заведений [1], то в данной статье мы подробнее остановимся на проблемах опекуинства и попечительной деятельности крестьянского мира.

В начале XX в. практически каждая община на своих сельских сходах принимала решения о помощи, опекуинстве и другим благотворительным делам. Можно много говорить о благородстве подобных мероприятий, но тематика требует насыщения его фактическим материалом, что мы и постараемся осуществить.

Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с ростом населения и отсутствием достаточного количества пахотных земель крестьяне все острее чувствовали острый дефицит хлеба и семян. Поэтому многие сельские сходы, учитывая продовольственные трудности, принимают решения и обращаются в различные инстанции о помощи. Сельский сход составляет конкретные списки нуждающихся. Так, сход крестьян Богоявленской волости и общества собрался 19 апреля 1901 г., чтобы рассмотреть продовольственный вопрос. Сход составил список нуждающихся в количестве 174 чел. и постановил: «Единогласно просить начальство разрешить раздать между нуждающимися крестьянами озимого и ярового хлеба на продовольствие и обсеменение полей сего года по нижеследующему именному регистру...» [2].

8 февраля 1901 г. состоялся сход Устьхутинского общества Печорского уезда, который отметил, что «1898, 1899 и 1900 годы были неурожайными из-за ранних осенних заморозков». Сельский сход, исходя из сложившихся обстоятельств, постановил просить уездные власти о помощи в выдаче для 308 человек 900 пудов семян для посева весной 1901 г. [3].

Яркую картину сложившегося малоземелья и отсутствие достаточного продовольствия дает приговор крестьян Деревянской волости и общества Усть-Сысольского уезда от 18 февраля 1906 г. «В нашем Деревянском обществе, – отмечалось в приговоре, – по последней примерке земли в 1903 г. состояло наделной земли пахотной 596 десятин и сенокосной 1108 десятин, а наличное население в 1905 г. состояло обоего пола 3723 человека (мужчин – 1840). Такое количество земли является крайне недостаточным. Население увеличивается, а земли остается столько же, сколько было нарезано 50 лет назад... Такое малоземелье привело нас к большому обеднению, терпя ежегодно недостаток хлеба и корма скота» [4]. В ходе обсуждения наболевшего вопроса крестьяне постановили: «Ходатайствовать перед правительством об увеличении нам площади крестьянской наделной земли для образования новых сенокосов и полей» [5].

Помочь в хлебе, в семенах своим односельчанам считалось одной из главных задач сельских должностных лиц, и деятельность волостного и сельского правлений в этом плане была повсеместной.

Другим направлением сельских обществ явилось попечительство. Крестьянские общины оказывали помощь как в случае острой необходимости, так и планомерно, разработав определенный план своих действий. В начале XX в. в Коми крае стали создаваться попечительные комитеты при волостных правлениях, действия которых были направлены на оказание различной помощи. Большое внимание комитеты как представи-

* Чупров Владимир Иванович (1942–2015, Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

тели Красного креста, уделяли больным и раненым солдатам, вдовам погибших в войнах. 6 сентября 1904 г. Ибское волостное правление избрало попечительный комитет. Председателем избрали волостного старшину К.А. Чабанова, а членами – крестьян А.С. Чабанова, Е.К. Муравьева, С.К. Кочева [6]. Попечительный комитет в этот же день принял решение об установлении взноса «в кассу попечительства членами по своему желанию в сумме 10 копеек в месяц» и различных вещей [7]. Для этого предполагалось каждому жертвователю выдать особый подписной лист. Собранные деньги намечалось посылать в г. Вологду, а материальные пожертвования – в г. Усть-Сысольск.

Перед Первой мировой войной в Коми крае развернулось движение за приобретение поминальных досок павшим в русско-японской войне. Один пример. Крестьяне Деревянской волости Усть-Сысольского уезда, собравшись на сельском сходе 18 мая 1914 г., постановили: «На приобретение поминальной доски назначить из остаточных денег мирских волостных сумм 14 руб. для занесения имен воинов павших в Японскую войну: 1. Старшего унтер-офицера 287 пехотного Тарусского полка Н.С. Агиева; 2. Матроса канонерской лодки «Бобр» Е.И. Попова и 3. Рядового 140 Заранского полка Г.А. Тюрина» [8].

В годы Первой мировой войны крестьяне Коми края проявили инициативу о сборе средств для приобретения коек для раненых воинов при Вологодской общине сестер милосердия. Земский начальник 2-го участка Усть-Сысольского уезда сообщал 7 ноября 1914 г. вологодскому губернатору, что им «получены копии приговоров о пожертвовании на оборудование и содержание коек для раненых воинов при Вологодской общине сестер милосердия Красного креста от нижеследующих волостных правлений: 1) от Межадорского волостного правления о пожертвовании 315 руб. на оборудование и содержание одной койки, в течение 9 месяцев с наименованием койки «койка крестьян Межадорской волости Усть-Сысольского уезда»; 2) от Койгородского волостного правления о пожертвовании 405 руб. на оборудование и содержание койки в течении года, с наименованием койки «койка крестьян Койгородской волости Усть-Сысольского уезда»; 3) от Воронцовского волостного правления о пожертвовании 225 руб. на оборудование и содержание одной койки в течение 6 месяцев, с наименованием койки «койка крестьян Воронцовской волости Усть-Сысольского уезда»; 4) от Гривенского волостного правления о пожертвовании 100 руб. на содержание койки единовременно» [9]. Однако не все крестьянские общины могли выделить деньги на содержание койки, но желание крестьян и отдельных представителей волостных правлений было велико и они принимают следующие решения. Так, крестьяне Чухломской волости 12 октября 1914 г. на сельском сходе постановили: «Мы вполне сочувствуем и принимаем участие оказать помощь раненым воинам, защищающим нашу Родину, но так как наша Чухломская волость очень небольшая, по сравнению с другими волостями, как всего только 198 дворов и 214 ревизских душ, то для одной нашей волости оборудовать и содержать койку для раненых воинов будет весьма обременительным, но мы соглашаемся дать помощь раненым воинам по силе возможности и оборудовать и содержать койку за все время войны соединившись с другими ближайшими волостями» [10]. Крестьяне Вотчинского общества и волости на общем сельском сходе 26 октября 1914 г. также высказали сожаление о невозможности организовать койку, но тем не менее постановили: «о частными пожертвованиями на пользу больных и раненых воинов мы всегда можем вполне сочувствовать по силе возможности» [11].

Поскольку крестьяне Палаузской волости на общем сельском сходе 12 октября 1914 г. высказались о невозможности оборудовать и содержать койку для раненых, то волостной писарь этой волости В.П. Скрипов принял решение «на содержание койки... из каждого месячного жалованья предоставлять, начиная с декабря месяца сего 1914 г., в следующей сумме: за декабрь месяц 50 копеек и в последующие месяцы по 25 копеек в месяц» [12]. Однако палаузское волостное попечительство, учитывая сложность военного времени, работу по сбору средств не прекращало.

8 февраля 1915 г. попечительство, собравшись в полном составе, произвело подсчет «собранных путем пожертвований на нужды военного времени денег». По подписному листу пожертвований деньгами оказалось 13 руб. 66 коп., а от продажи пожертвованных вещей поступило 46 руб. 34 коп. Всего же поступило 60 рублей. Палаузское волостное попечительство постановило: «1. Эти деньги немедленно пустить в расход на удовлетворение нужд военного времени; 2. Выслать в пользу Главного Управления Российского общества Красного креста на лечение больных и раненых воинов 40 руб. и на пересылку по почте этой суммы 50 коп., а остальную сумму в количестве 19 руб. 50 коп. назначить к выдаче наиболее нуждающимся из членов семьи лиц, призванных на действительную военную службу, а именно: 1) Р. Яркову – 3 руб., 2) П. Яркову – 3 руб., 3) Д. Шишкиной – 3 руб., 4) М. Трифановой – 3 руб., 5) Е. Поповой – 3 руб., 6) М. Богдановой – 1 р. 50 коп.» [13].

Откликались крестьяне Коми края и на различные призывы, исходившие от правительства, царственных особ. Так, 31 мая 1915 г. крестьяне Слободской волости и общества собрали сельский сход, чтобы рассмотреть предложение земского начальника 1-го участка Усть-Сысольского уезда «об ассигновании из свободных остаточных сельских сумм или же из запасного мирского капитала какую-либо сумму на помощь пострадавшим от военных бедствий». Крестьяне, рассмотрев предложение земского начальника, единогласно постановили: «ас-

сигновать из свободных остаточных мирских сумм по пяти копеек с каждой окладной души, что и составляет с 340 душ семнадцать рублей» [14]. Данную сумму крестьяне направили в специальный комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, возглавляемой Его Императорским высочеством великой княгиней Татьяной Николаевной. Это же общество 15 сентября 1915 г. на сельском сходе постановило: «Ассигновать денежную сумму из запасного мирского капитала безвозвратно на содержание именной Слободской волости полкойки в г. Вологде в лазарете в размере ста рублей» [15].

Повсеместным во время войны было и оказание помощи крестьянским хозяйствам, мужчины которых были призваны на войну. Так, упомянутое уже Слободское сельское общество, собравшись на сельский сход 18 марта 1915 г., констатировало, что в 70 семьях мужчины призваны на действительную военную службу и 60 из них остались без работников. Общество, проанализировав сложившуюся ситуацию, постановило оказывать «широкое содействие и помощь к своевременному началу и окончанию всяких полевых работ, так и во время по уборке хлебов и трав» [16]. Спустя год, 13 марта 1916 г. крестьяне Слободского общества снова вернулись к вопросу о помощи, констатируя, что «призванных на действительную военную службу по нашему обществу в настоящее время состоит 120 семей» и в помощи в весенних и осенних полевых работах нуждаются 80 семей. И опять принимается решение «о необходимости самого широкого содействия и помощи к своевременному началу как всяких полевых работ и так и во время на уборке хлебов и трав крестьянским хозяйствам» [17].

Крестьяне Коми края откликались на разные житейские беды и трудности не только в военное лихолетье, но и в мирное время. Пожары, наводнения и прочие несчастные случаи вызывали крестьянское сочувствие. В Корткеросе 5 июня 1911 г. пожаром было уничтожено 85 жилых домов с надворными строениями, три здания духовенства, два здания волостного правления. 30 июня 1911 г. земский начальник Усть-Сысольского уезда 1-го участка обратился к крестьянам своего участка с предложением о помощи. И помощь пришла. В начале августа 1911 г. на обращение земского начальника откликнулись практически все сельские общества 1-го участка. Так, крестьяне Благовещенской волости с. Пажгинского «в числе 211 из 298 домохозяев, имеющих право голоса, 21 августа 1911 года постановили: «назначить вознаграждение в пользу погорельцев, корткеросцев в сумме 10 рублей и выслать таковое из свободных сумм мирского капитала» [18]. В начале сентября 1911 г. в пользу «погорельцев корткеросцев» Благовещенское волостное правление перечислило земскому начальнику 1-го участка Усть-Сысольского уезда десять рублей 68 копеек [19].

Весной 1914 г. от наводнения пострадали крестьяне деревни Белозерской Богоявленской волости. Правление этой волости собрало сельский сход 15 августа 1914 г. и обсудило положение крестьян д. Белозерской. В итоге сход постановил: «... Необходимо выдать им в ссуду на обсев озимых полей на продовольствие озимого 20 пудов и ярового 5 пудов, и на обсев озимых полей – 11 пудов для 9 семейств, призванных воинов крестьян д.Белозерской» [20].

В обычную практику деятельности крестьянского мира в начале XX в. нашло рассмотрение вопросов, связанных с ходатайством о назначении пенсии со стороны государства, как правило, бывшим военным служащим и солдатским вдовам. Особенно этот вопрос начал активно крестьянами обсуждаться после выхода закона от 25 июня 1912 г. о пенсиях военным служащим и вдовам. Несколько примеров. В начале января 1914 г. сельский сход Богоявленской волости слушал словесную просьбу запасного бомбандиры-наводчика 4 батареи 35 артиллерийской бригады крестьянина д. Койтыбожской И.П. Изъюрова о назначении ему пенсии. И сход принял решение ходатайствовать «о назначении ему на основании закона 25 июня 1912 года пожизненного от казны пособия» [21]. 16 марта 1914 г. сельский сход этой же волости вновь рассмотрел пенсионный вопрос. Сход заслушал «словесную просьбу отставного рядового 112 пехотного Уральского полка из крестьян д.Парчегской Д.Л. Юшкова» и постановил: «ходатайствовать ему пожизненной от казны пособия» [22].

18 августа 1913 г. крестьяне Слободской волости и общества одиннадцатым вопросом рассмотрели ходатайство солдатской вдовы Н.П. Коданевой «о назначении ей от казны пенсии». Сход подтвердил, что Н.П. Коданева «в пенсии действительно нуждается» и единогласно постановили «о ходатайстве от общества о просимой пенсии» [23]. В конце 1913 г. Слободское общество снова ходатайствовало о назначении пенсии отставному нижнему чину С.С. Коданеву, от роду 65 лет, проживающего с женой в своем доме [24]. 1 июня 1914 г. крестьяне Богоявленской волости и общества постановили: «Отставной матрос Л.К. Игнатов, 67 лет от роду, собственных средств к жизни, ни родственников могущих взять его на свое иждивение не имеет. ... Имеет жену и 8 детей от 29 лет до 9 лет. Исходатайствовать ему пожизненное от казны пособие» [25].

В военное время, в годы Первой мировой войны, повсеместно стали образовываться попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов в военное время. Они и занялись пенсионными вопросами, вопросами помощи семьям, в которых мужчины призваны на войну и др. Попечительства состояли как правило из уважаемых людей волости и ответственных за порученное дело. Так, 3 августа 1914 г. Богоявленский сельский сход избрал членов попечительства. В него вошли: местный священник отец П. Попов, диакон Н. Толстиков, псаломщик Н. Авгамов, волостной старшина В.Т. Распутин и 13 крестьян [26].

Откликались крестьяне и на различные предложения, поступающие от государственных служащих. Так, 17 октября 1916 г. крестьяне Ужгинского общества Койгородской волости на сельском сходе «... слушали предложение земского начальника 2-го участка о пожертвовании денег на открытие курсов или мастерских для воинов с увечьями. По добровольному рассуждению между собой постановили: пожертвовать из сумм мирского запасного капитала единовременно 13 рублей» [27].

Особое место в жизнедеятельности крестьянских общин Коми края занимало опекунство. Все вопросы об опекунстве: выборы опекуна, его действия в отношении сирот, больных и так далее рассматривал сельский сход. И только сход крестьян всего общества имел право решать опекунские вопросы. Конкретные примеры. Крестьяне Сретенского общества Вильгортской волости в составе сельского старосты В. Мальцева и 386 человек домохозяев, имеющих право голоса, собрались 19 ноября 1900 г., чтобы обсудить ряд хозяйственных вопросов, в том числе и опекунский вопрос. Сход «имел суждение о выборе нового опекуна над малолетними сиротами, оставшимися после смерти крестьянина Сретенского общества К.Д. Сивкова, на место отказавшегося опекуна И.Д. Сивкова, а потому постановили: избрать из среды себя в опекуны крестьянина А.Д. Сивкова и попечителей крестьян А.М. Сивкова и И.В. Налимова» [28].

9 февраля 1903 года крестьяне Сретенского общества рассмотрели деятельность опекуна А.Д. Сивкова. Сельский сход в приговорной шнуровой книге записал «за время его (А.Д. Сивкова. – В.Ч.) управления ... оказалось, что по описи опекуном Алексеем Сивковым выданы в употребление на руки малолетним пальто, два сарафана, 1 пара чулок, 1 пару кожаных сапог. Расход по опекунской книге за надлежащими подписями опекуна и попечителей за время его управления проведен на необходимые подробности при принятии малолетних опекуном А. Сивковым должно оставаться наличных денег 14 руб. 67 коп. ... Кроме вышеописанных представленных денег у малолетних сирот находятся деньги в сберегательной кассе по книжке за № 1079, всего 109 руб. 56 коп.» [29]. Деятельность опекуна А.Д. Сивкова была одобрена. На следующее двухлетие был выбран новый опекун И.Д. Сивков, которому были представлены сберегательная книжка и оставшиеся суммы от прежних расходов.

Крестьяне Богоявленской волости и общества собрались на сельский сход 11 апреля 1904 г., чтобы обсудить три вопроса: 1 – утвердить призывной список, 2 – определить сумму пожертвований в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке и 3 – заслушать «предписание местного волостного правления от 16 марта сего года о производстве проверки действий опекуну Ф. Лыюрову по опеке учрежденной 1897 г. над имуществом и сиротами Петруневыми..., а потому проверяя действия опекуна Лыюрова оказалось: 1-е, что вышеозначенный сироты под опекуном Лыюровым воспитываются хорошо и 2-е, имущества, оставшееся в пользу сирот находятся у опекуна Лыюрова в целости и доходы никакой не получает. А потому постановили оставить того же крестьянина Ф. Лыюрова опекуном над сиротами Петруневыми» [30].

Богоявленское общество 11 ноября 1907 г. на сельском сходе утвердило приговор о назначении опекунами С.Д. Распутина и Н.П. Распутиной над имуществом и сиротами Николаем и Евдокией Распутиными [31]. 22 марта 1909 г. крестьяне на сельском сходе слушали «акт составленный сельским старостой Кузивановым, о проверке опекунов Л.В. и Ф.В. Мальцевых над имуществом и над малолетними оставшимися после смерти крестьянина Н.Л. Мальцева». Сход утвердил акт и одобрил деятельность опекунов [32].

В начале июля 1911 г. крестьяне Подъельской волости и общества села Аныбского постановили: «избрать в опекуны над имуществом и личностями малолетних сирот Петра и Натальи Романовых помощника волостного старшины М. Пименова» [33].

В конце июля 1911 г. собрались на сельский сход крестьяне Селибского общества Яренского уезда и обсудили вопрос об учреждении опеки над оставшимися малолетними детьми. После обсуждения вопроса крестьяне постановили: «учредить опеку над личностью, над имуществом оставшихся малолетних детей, умершего Н.М. Ванеева и избрать к ним опекунов крестьянина дер. Чернутаевской неграмотного вполне благонадежного К.М. Маркина – 40 лет, грамотного и вполне благонадежного В.Н. Ванеева, с тем, что Ванеев и Маркин ежегодно давали отчет обществу» [34]. Опека устанавливалась над 13-летним Андреем и 11-летним Ильей Ванеевыми. Кандидат Селибского волостного старшины составил опись имущества и недвижимости, которые остались у сирот. Оказалось, что хозяйство умершего крестьянина Н.М. Ванеева оказалось довольно солидным: земельный надел на 3½ души, дом с двором, два амбара, баня, две лошади, три коровы, 10 телят, бык, пять овец и 124 различных предмета сельского хозяйства, охоты, рыболовства и домашней утвари [35]. Над всем этим имуществом и должны были следить опекуны и использовать их в целях обеспечения нормальной жизни сирот.

Сельский сход села Богоявленского 3 января 1914 г. четвертым вопросом рассмотрел деятельность опекунов над сиротами и постановил: «действия опекунов А.Г. Распутина и И.П. Распутина признать правильными и опекунами оставить тех же» [36]. И еще сход рассмотрел три дела об опекунстве и одобрил действия опекунов [37].

В годы Первой мировой войны, вплоть до 1917 года, крестьяне Коми края осуществляли опекунов. Так, 17 марта 1916 г. сельский сход крестьян Глотовской волости и общества «тщательно между собой обсуждали» многие вопросы, в том числе и опекунов. Было принято постановление по четырем опекунам, в частности «признали действия опекуна В.П. Высоких правильными», ... «опека попечителя И.Ф. Политова никаких опущений не замечено»... и т.д. [39].

Назначение опекунов касалось не только в отношении детей, но и взрослых больных людей. 3 февраля 1908 г. сход Богоявленской волости и общества постановил: «глухонемую крестьянку А. Федькову воздать на попечение племянникам М. и Д.П. Федьковым, которым и представить обрабатывать надел земли на одну платежную душу пополам и содержать по очереди помесечно, на готовом содержании, а также заводить ей по мере надобности одежды» [40]. В данном случае сход распределил попечительство на двоих, чтобы ни один из племянников не мог «впоследствии присвоить ее надел».

В 1911 г. Богоявленское сельское общество установило опекунов над душевнобольной А.В. Пальшиной, которая была направлена на излечение в Ковшиновскую больницу. Опекунами были выбраны И.Т. Распутин и В.Т. Изьюров. Прошло два года и общество рассмотрело действия опекунов. В шнуровую книгу приговоров было записано: «По проверке действий опекунов Распутина и Изьюрова оказалось имущества оставшейся в пользу Пальшиной находятся в целости. На 1 января 1913 г. оставалось наличным деньгами 4 руб. 74 коп., а арендная плата за землевладение за 1913 г. составила 20 руб. Из этих денег опекунами израсходовано по принадлежности на уплату долгов Пальшиной и на наем на натуральные работы 16 руб. 93 коп. Затем состоит на 1 января 1914 г. 7 руб. 81 коп.». Деятельность опекунов была одобрена и они были оставлены опекунами на 1914 г. [41].

Мы проанализировали небольшую часть деятельности крестьянской общины, но она ярко показывает повседневную крестьянскую жизнь, ее проблемы и чуткое отношение односельчан к детям, к своим землякам, оказавшихся в трудном положении, к событиям всероссийского характера и военного времени.

Источники и литература

1. Чупров В.И. Крестьянская община в Коми крае в начале XX века: культура сельского поселения // Февральские чтения. Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и аспирантов Сыктывкарского лесного института по итогам научно-исследовательских работ за 2004 год. Сборник материалов. Сыктывкар, 2005. Т. 2. С. 87–90.
2. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 476. Л. 44–45.
3. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 180.
4. Государственный архив Вологодской области. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9849. Л. 2–3.
5. Там же. Л. 2 об.
6. НАРК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.
7. Там же. Л. 3.
8. НАРК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 28. Л. 101.
9. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 882. Л. 166–167.
10. Там же. Л. 169.
11. Там же. Л. 173.
12. Там же. Л. 145, 171.
13. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
14. НАРК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 163. Л. 33–34.
15. Там же. Л. 45–46.
16. Там же. Л. 13–14.
17. Там же. Л. 64–65.
18. НАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 91. Л. 79–80.
19. Там же. Л. 57.
21. Там же. Л. 22 об.–23.
22. Там же. Л. 26–26 об.
23. НАРК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 105. Л. 32.
24. Там же. Л. 34.
25. НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 696. Л. 45.
26. Там же. Л. 59 об.–60.
27. НАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 151, дело не пронумеровано.
28. НАРК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 72. Л. 132.
29. Там же. Д. 100. Л. 2–3.
30. НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 522. Л. 40–41.
31. Там же. Д. 569. Л. 5.
32. НАРК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 164. Л. 13.
33. НАРК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 519. Л. 72.
34. НАРК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

35. Там же. Л. 4–6.
36. НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 696. Л. 14 об.
37. Там же. Л. 15–16.
38. Там же. Оп. 1. Д. 96. Л. 11–12.
39. НАРК. Ф. 47. Оп. 2. Д. 89. Л. 2 об.–3.
40. НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 597. Л. 28–28 об.
41. Там же. Д. 696. Л. 14.

Содержание

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРА: СИНТЕЗ ИСТОЧНИКОВ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, ЛИНГВИСТИКИ, АНТРОПОЛОГИИ, ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН)

<i>Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.</i> Керамические комплексы памятников позднеананьинского времени в районе д. Болгары.....	3
<i>Доткин К.В., Перескоков М.Л.</i> Керамика археологического комплекса Кала-Урын (по материалам исследований 2013 года)	8
<i>Коренюк С.Н., Перескоков М.Л., Юкова М.К.</i> Бусы могильника Верхний Ирьяк	12
<i>Игнатов М.Д.</i> Этимологии различных названий городка Пустозерск	16
<i>Жеребцов И.Л.</i> Загадочные вымские князья	19

ИСТОРИЯ КОМИ КРАЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

<i>Лейман И.И.</i> Ярмарки в городах Вычегодского края	26
<i>Тихомиров С.А.</i> Отражение истории коми и карельского народов в исторических источниках эпохи наполеоновского нашествия.....	31
<i>Иванов Ф.Н.</i> Рекруты, набранные в русскую армию в уездном городе Усть-Сысольске в 1833–1874 годах ...	35
<i>Лейман И.И.</i> Сельские ярмарки Коми края в XIX – начале XX века.....	42
<i>Таскаев М.В.</i> Первая коми газета (к 100-летию коми печати).....	47

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

<i>Меньковский В.И., Шмигель М.</i> Всероссийские и международные научные конференции Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН и Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» (2007–2014 годы)	50
<i>Жеребцов И.Л., Садыков Т.С.</i> «Поразив всех супостатов, выбирает депутатов» (К вопросу о настроениях избирателей во время первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР)	59
<i>Белостоцкий Н.А.</i> Формирование системы органов идеологического контроля в УССР в послевоенный период. Политическая цензура в литературе и прессе	62
<i>Рябченко О.Л.</i> Соппротивление студентов Советской Украины сталинской репрессивной политике (1920–1930-е годы).....	65
<i>Каракчиев В.Н.</i> Взаимодействие органов власти и ГУЛАГа в Коми АО в 1929–1930-е годы.....	73
<i>Канева Л.Я.</i> Использование труда заключенных в Усинском районе в 1930–1950-х годах.....	75
<i>Кобрин Н.А.</i> «Сын за отца не отвечает» (правовой статус детей спецпереселенцев)	78
<i>Кустышев А.Н., Бубличенко В.Н., Юрченко В.В.</i> Отдельные аспекты производственной деятельности исправительно-трудовых колоний Европейского Севера России во второй половине 1940-х годов	80
<i>Жеребцов И.Л., Бандура С.В.</i> История политических репрессий в экспозициях Национального музея Республики Коми	82

ИСТОРИЯ КОМИ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Лимерова В.А.</i> Формы описания Коми края в региональной словесности XIX века	88
<i>Сурнина Л.Е.</i> Куратоведение в 20–30-е годы XX века.....	90
<i>Лисовская Г.К.</i> Коми литература в эпоху становления сталинизма	92
<i>Таганов Л.Н.</i> Абезь в творческой судьбе Анны Барковой	97
<i>Ельцова Е.В.</i> Верхне-човский дневник коми писателя В.Т. Чисталева как художественное произведение ...	101
<i>Холопова Д.Г.</i> «Литература для меня родное дело...» (жизнь и творчество писателя И.В. Изьюрова по архивным материалам)	103
<i>Бурлыккина М.И.</i> Коми художник и поэт Борис Шахов: возвращение имени	105
<i>Зиявадинова О.С.</i> Человек и природа в прозе Г.А. Юшкова	107

<i>Малева А.В.</i> Из истории изучения коми женской поэзии.....	109
<i>Горинова Н.В.</i> Символика художественного пространства трагикомедии А. Попова «Вой, кодї некор эз вöв» (Ночь, которой никогда не было).....	111

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ИХ РОЛЬ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

<i>Жеребцов И.Л., Семенов В.А., Колегов Б.Р.</i> Ученый и просветитель Алексей Николаевич Грен.....	113
<i>Золотарев О.В.</i> Культурно-просветительная работа в Коми автономии в 1920–1930-е годы.....	118
<i>Витман И.В.</i> Мемориальные туристические маршруты Воркуты	128
<i>Колегова М.Г.</i> Альвож. Польский след.....	130

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Шаньгина В.В.</i> Государственный контроль за уравнильно-передельным землепользованием в общинах Усть-Сысольского и Яренского уездов (1860–1890-е годы).....	131
<i>Чупров В.И.</i> Крестьянская община в Коми крае в начале XX века: культура сельского поселения.....	136
<i>Суханов Н.В.</i> Сухановы. Хронограф (1903–1909).....	138
<i>Чупров В.И.</i> Крестьянская община в Коми крае в начале XX века. И ее роль в организации кооперативно-благотворительной деятельности.....	147

ISBN 978-5-906394-45-3



Научное издание

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ,
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

*Материалы I съезда историков Республики Коми
(31 марта – 4 апреля 2015 г.)*

Часть 3

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8.
Подписано в печать 31.01.2018. Уч.-изд. л. 16,0. Усл. печ. л. 19,5.
Тираж 300. Заказ № 106.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

